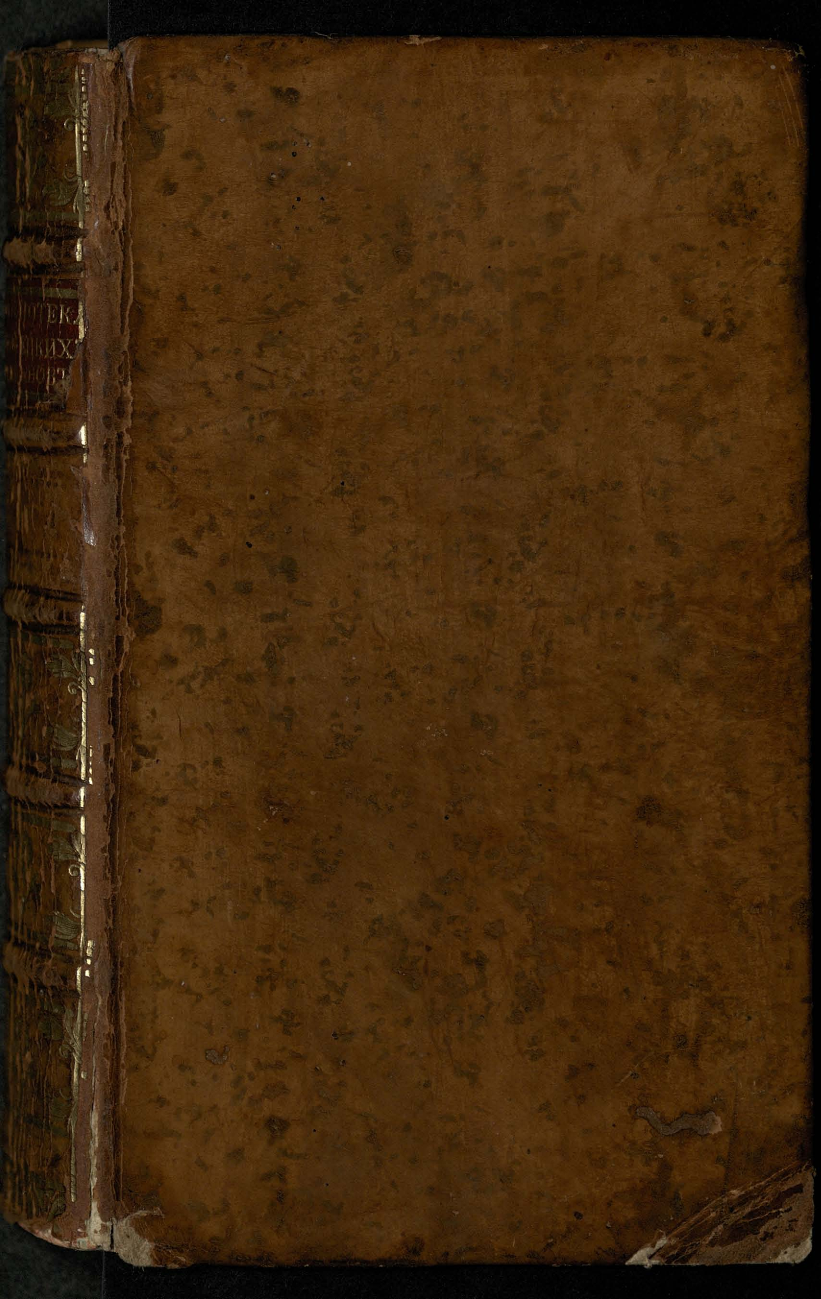

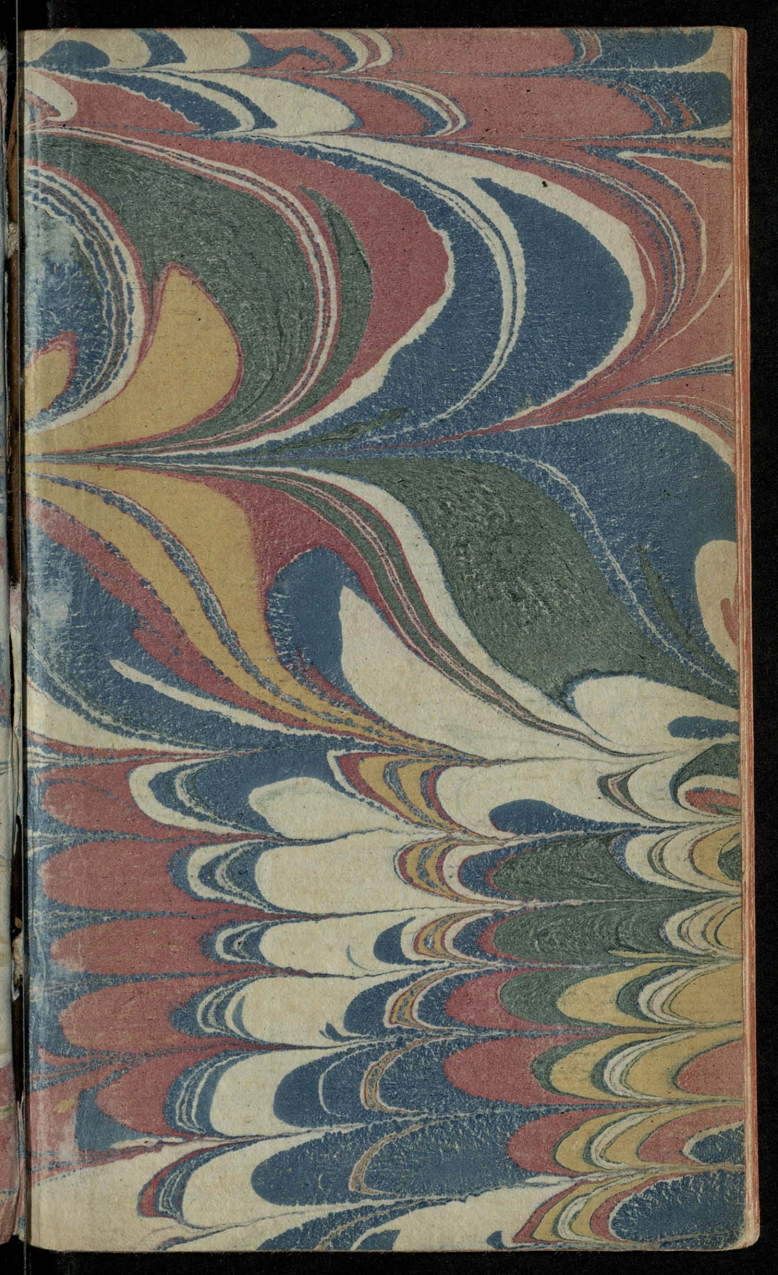

шоферу — 3-14
в баню — 2-86
[illegible] — 1 50
[illegible] 2т — 2-
3

12 50

45
12
33

32-50
51
83-50
22
105-50

БИБЛІОТЕКА НѢМЕЦКИХЪ РОМАНОВЪ.

ЧАСТЬ I.

переведена съ Берлинскаго 1778 года изданія,

ВСЛ. ЛВШНМЪ.

ВЪ МОСКВѢ
ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Библіотека Нѣмецкихъ Романовъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬ

КЪ ОБЩЕСТВУ СВОЕМУ.

Мысль къ сему собранію подала всеобщая Библіотека Романовъ (Bibliotheque vniuerselle des Romans), съ нѣсколькихъ лѣтъ съ великимъ одобреніемъ въ Парижѣ издаваемая, и въ коей разные изъ первыхъ ученыхъ страны сея, пріемлютъ участіе. Нѣмецкая сія хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ Французскаго расположенія удалится, и возметъ побочности, коими оная не слѣдовала, однакожъ главное намѣреніе будетъ одинаково; выборъ, различность и исправное раздѣленіе.

Романы были первые книги большей части народовъ. Они содержатъ вѣрнѣйшія изображенія нашихъ временъ, нашихъ обычаевъ, пороковъ и добродѣтелей. Оные суть толикожъ нравоучительныхъ картинъ, гдѣ истинна скрывается подъ по-

крываломъ выдумки. Дичайшіе орды, равно какъ просвѣщенные народы имѣютъ оные собственные. Всѣ оные собрать, всѣ сократить, безразличія избрать, будетъ столькожъ невозможное какъ и невкусное предпріятіе; но древніе и мало извѣстные собственные, такъ же любопытные и новѣйшіе изъ иностранныхъ, сократя, равно какъ бы въ миніатюрной живописи представить, будетъ вещь, читателямъ лучшее и привлекательное упражненіе доставляющая, и при томъ избавляющая его скуки и труда, прочитывать многіе толстые книги, для извлеченія разсыпаннаго въ нихъ добра.

Библіотека раздѣляется на пять отдѣловъ, въ обще одинъ переплетъ наполняющихъ.

I. Содержитъ Романы - Рыцарскіе, въ оныхъ будутъ предлагаемы древнѣйшіе Нѣмецкіе продукты сего рода,

рода, какъ бы оные чудны въ приключеніяхъ ни были. Прочіе части отдѣла займутъ три Французскіе Рыцарскіе - Романа, круглый столъ, Перы - Французскіе, и Амадисъ. Какъ Французская Библіотека Романовъ издаетъ преизряднѣйшія сокращенія оныхъ съ рѣдчайшихъ рукописей, то оные въ точности здѣсь включатся.

II. Романы - Народные, или Нѣмецкая bibliothèque bleue.

III. Романы - Нѣмецкіе, книги въ великомъ употребленіи находящіеся, какъ то Вертеръ, Софіины Путешествія, Зигвартъ и прочіе, не внесутся сюда. Мы будемъ держаться древнѣйшихъ и меньше знаемыхъ.

IV. Романы - Иностранные. Грандисоны, Клярисы, Памелы, и другіе Романы сего рода, давно ужè въ хорошихъ переводахъ извѣстные,

ные, остаются отЪ насЪ безопасны. Мы обратимЪ примѣчаніе только на новѣйшіе не переведенные, и на древніе, вЪ коихЪ возмемЪ прибѣжище, кЪ Французской Библіотекѣ - РомановЪ.

V. Еписоды: (*) выбранные или переведенные изЪ большихЪ РомановЪ.

КритикамЪ ненужно припоминать, что дѣло таковой обширности, не можетЪ быть судимо по своему началу, или тремЪ первымЪ книгамЪ, но только по множайшему продолженію.

(*) ЕписодЪ значитЪ отрывокЪ изЪ большей какой нибудь повѣсти, или Исторію, кою повѣствуетЪ во оной постороннее лице, а недѣйствующее.

I.

РОМАНЫ РЫЦАРСКІЕ.

I.

О ДРЕВНЕМЪ СТРАНСТВУЮЩЕМЪ РЫЦАРСТВѢ.

Объясненіе издателево, для свѣденія.

Состояніе древняго Рыцарства, о коемъ мы днесь только малое и очень темное понятіе имѣемъ, было по свойству своему и пользѣ, дѣло просвѣщенныя политики и славы народовъ, у коихъ оное цвѣло. Я постараюсь, главные черты онаго, свойства и званія нѣсколько изъяснить.

Коль скоро дворянинъ достигалъ седмилѣтняго возраста, брали онаго изъ рукъ женщины, и приводили во дворецъ или замокъ Князя или инаго знатнаго Рыцаря, кои бывали училищами и прибѣжищами, бѣднаго дворянства. Съ того времени на-

зывались оные благородные мальчики и пажи, и упражненіе оныхъ состояло, господъ провожать, услуживать, и стоять при столѣ. Къ мужескому суровому воспитанію, дабы пріучить заранѣе къ трудамъ военнымъ, присовокупляли исправленіе ихъ душъ. Ученіе преподаваемое имъ, касалось во обще до любви къ Богу и госпожамъ, вѣры и любви. Одно не могло быть безъ другаго, и кто служилъ вѣрно своей дамѣ, тотъ по Рыцарскому вѣрованію не могъ сумнѣваться въ спасеніи. Самое обыкновенное заключеніе въ письмахъ Французскихъ Рыцарей было по тому слѣдующее: „Я прошу Бога, чтобы онъ подалъ вамъ отъ вашей дамы радость, и чего вы желаете!„ обыкновенно дамы снимали на себя попеченіе, наставлять юношество въ Катехизисѣ и любви; и притомъ въ тончайшей и Фанатической любви, которая не меньше какъ понятія о вѣрѣ, была высокомѣрна и натянута. Дабы молодому новичку,

ку, достигнуть въ состоянie, исполнять сie ученie, дозволяли ему избирать изъ дамъ добродѣтельнѣйшую, прекраснѣйшую и благородномыслящую въ любовницы, которой онъ, яко повелительницѣ своей, всѣ таинственныя помышленiя и всѣ дѣла свои открывать долженствовалъ. Однакожъ любовь сiя, бывъ столькожъ неосторожна, какъ и вѣра тогдашнихъ временъ, принимала въ печатлѣнiи и побужденiи, другихъ меньше благородныхъ и чистыхъ страстей. Примѣръ, видимый ими ежедневно въ Рыцаряхъ и своихъ дамахъ, глубокое почтенie къ просвѣщенному состоянiю Рыцарства, которое имъ заблаговременно служило къ поощренiю, дѣтскie ихъ игры подражающie Рыцарскимъ, все сie прiуготовляло ихъ ко второй степени оруженосца или конюшаго. Для молодыхъ женщинъ замки и дворцы Рыцарей были также преизрядные училищи вѣжливости, добраго поведенiя и другихъ нравственныхъ добро

бро

бродѣтелей. Воображали въ нихъ, совершали всѣ тѣ пріятности духа, и тѣ нѣжные чувства, для коихъ природа кажется создала нѣжный полъ. Научали оный обходиться съ учтивостію съ тѣмъ орденомъ, изъ коего единственно имъ супруговъ избирать слѣдовало; они снимали оружіе съ Рыцарей послѣ турнировъ и военныхъ походовъ, давали имъ новое платье, и служили имъ при столѣ. Часто перевязывали имъ раны, и многіе изъ нихъ были искусны въ врачевствѣ.

Прежде прехожденія благороднаго юноши въ состояніе оруженосца, законъ учреждалъ слѣдующее торжество. Родители, держа въ рукахъ свѣчи, провидили онаго предъ Олтарь, гдѣ священникъ взявъ шпагу, освящалъ ее, и опоясывалъ ею молодаго дворянина. Съ того мгновенія начиналъ онъ носить сіе оружіе; что „ учиненъ оборонительнымъ „ называлось. Не прежде четырнатцати лѣтъ возраста можно было входить

въ оруженосцы. Состоянїе сїе отъ часу приближало къ Рыцарямъ и дамамъ, и допускали ужѐ въ ономъ съ большею повѣренностїю въ свои общества и разговоры. Назначивали разныя должности, зависящїя отъ оруженосцовъ, какъ то надзиранїе надъ оружїемъ, конюшнѣю, погребами, комнатами, кравческїя подносщичья надъ виномъ, которое пили отходя ко сну, знатнѣйшая же между оными была тѣлохранителей. Они принимали постороннихъ прїѣзжающихъ Рыцарей и оруженосцовъ, и дѣлали все то, что исполняютъ нынѣ Офицїанты. Они вооружали господъ своихъ, что немалаго требовало искуства, и возили за ними ихъ оружїе (кромѣ Кираса, коего Рыцарю снимать было не должно) и водили бранныхъ коней; „я подалъ моему „господину„ говорилъ Гецъ Берлихинскїй, Коня, шлемъ и копїе. Рыцари во время пути садились на лошадей покойнѣйшихъ, но въ числѣ оныхъ не долженствовала быть кобы-

ла,

ла, яко запрещенное подъ великимъ стыдомъ Рыцарю. Носящіе шлемъ, копіе и шпагу брали оныя подъ свое смотреніе, когда Рыцари снимали сіи съ себя, для входу въ церьковь, или иное знатное мѣсто. Можетъ быть сей обычай сниманія шлема, въ мѣстахъ и при особахъ, коимъ почтеніемъ обязаны, былъ началомъ нынѣшняго толковагожъ обнаженія головы.

Когда Рыцарь всходилъ на своего великаго, то есть браннаго жеребца, и вступалъ съ непріятелемъ въ сраженіе, то каждый оруженосецъ, ибо древніе всадники билисъ только лобъ на лобъ, стоялъ позади господина своего, простымъ зрителемъ побоища. Онъ долженствовалъ лишъ готовъ быть къ оборонѣ, примѣчать всѣ движенія господина своего, снабжать онаго новымъ оружіемъ и свѣжими коньми, отвращать удары, и такъ къ побѣдѣ вспомоществовать своимъ примѣчаніемъ и искуствомъ. Ему поручали Рыцари

въ

вѣ жару сраженія, взятыхѣ вѣ плѣнѣ. Дѣлать плѣнными, была великая честь. Галаосѣ Мантуанскій, изѣ признанія кѣ Іоаннѣ Королевѣ Неапольской, за оказанную ею честь, что она сѣ нимѣ танцовала, учинилѣ обѣщаніе до тѣхѣ порѣ по свѣту странствовать, поколь завоюетѣ двоихѣ Рыцарей, для подведенія ей вѣ дарѣ. Бродя цѣлый годѣ по Франціи, Бургоніи, Англіи, Испаніи, Нѣмецкой землѣ, и Венгріи, взялѣ онѣ вѣ плѣнѣ двоихѣ Рыцарей, которыхѣ для сложенія обѣщанія своего, представилѣ Королевѣ „на колѣнахѣ„. Королева тотчасѣ отдала имѣ вольность, и поступила вѣ семѣ гораздо великодушнѣе нежели каноники церкви с. Петра вѣ Римѣ, которымѣ странствующій Рыцарь, по равному обѣщанію, подарилѣ побѣжденнаго Рыцаря со всѣмѣ оружіемѣ. Сей Рыцарь долженствовалѣ остаться до смерти своей невольникомѣ, и не отпущенѣ отѣ церкви.

При

При Турнирахъ за день предъ на чаломъ, училисъ оруженосцы легчайшимъ ожужiемъ, нежели рыцари, чтобъ не такъ опасно другъ друга ранить. Дамы такъ же бывали зрительницами, и оруженосцы, получавшiе отъ оныхъ преисы, или отличившiеся, нерѣдко принимали сiяющее право, въ большихъ турнирахъ сражаться, между самихъ рыцарей. Дватцать первый годъ былъ, всегда опредѣленное время, въ которое посвящали ихъ въ рыцарскiй орденъ, послѣ того, какъ выслуживали они, по названiю Геца „Юноше„ски„. Седмъ лѣтъ провождали они подъ воспитанiемъ женскимъ, седмъ лѣтъ были пажами, и седмъ оруженосцами. Только принцы и другiе знатные господа имѣли изъятiе, по праву своей природы. Тако Конетабль дю Гвесклинъ въ 1771 году новорожденному сыну Карла V, далъ въ руки свою обнаженную шпагу сказавъ: „Милостивый Государь; „я вручаю вамъ сiю шпагу, Бога, да-

„бы

„бы онъ подалъ вамъ толь доброе
„сердце, чтобъ вы были толь храбрымъ Рыцаремъ, каковъ былъ прежде Французскій Король, носившій
„сію шпагу.„ Великіе подвиги, или достаточныя лѣта совершали достиженіе въ рыцарскій орденъ.

Естьли на рыцарскій орденъ взирать, яко на единый обрядъ, съ коихъ опредѣленное къ воинству юношество воспримало первое свое оружіе, то упоминается о томъ еще у Тацита: естьлижъ считать оное за достоинство, сообщающее первый чинъ въ военной службѣ, и чрезъ нѣкоторыя торжества и родъ одежды достизаемое, то произшествія онаго нельзя поставлять далѣе первагонадесять вѣка. Каждый Рыцарь могъ посвящать въ Рыцари, но пристрастіе учиниться онымъ при огромномъ празднествѣ, гдѣ издержки идутъ на счетъ поставляющаго въ Рыцари, и состоящія въ избраннѣйшихъ подаркахъ оружіемъ, платьемъ, драгоцѣнностьми и прочимъ,

отнесли честь сію по большей части только владѣющимъ Государямъ.

Строгій постъ; въ молитвѣ съ священникомъ и воспріемникомъ въ церквѣ или часовнѣ препровождаемыя ночи, стереженіемъ оружія называнное; богоговѣйныя исповѣди и причащеніе святыхъ таинъ; омовенія, чистоту Рыцарскаго состоянія изображающія; бѣлыя одежды; чистосердечное признаніе своихъ преступленій; неутомимое вниманіе проповѣдей, въ коихъ объяснялисъ главные пункты Христіанскаго Закона —— были предшествіемъ торжества, въ коемъ новопріемлемый получалъ опоясаніе шпаги. Соверша все сіе, шелъ онъ опоясанный шпагою въ церковь, и приближался къ Олтарю. Подавалъ свой мечь священнику, который освящалъ оный, подобно какъ и нынѣ святятъ знамены: священникъ по томъ опоясывалъ оный на него обратно, и новопріемлемый, въ самомъ простомъ одѣяніи, становился прижавъ руки крестъ на крестъ

къ

къ груди, на колѣнахъ предъ Рыцаремъ или дамою имѣющею вооружать его въ Рыцари. Сей славный обрядъ совершался въ церквѣ или часовнѣ, нерѣдко въ залѣ или на дворѣ палатъ и замковъ, а часто и на открытомъ полѣ. Рыцарь подающій новопріемлемому шпагу вопрошалъ его, съ каковымъ намѣреніемъ желаетъ онъ вступить въ орденъ, званіели онаго единое или намѣреніе въ сохраненіи и защищеніи вѣры и чести Рыцарства? Естьли отвѣты его были согласны, совершалъ онъ Рыцарскую присягу, и одинъ или множайшіе Рыцари, а часто дамы и дѣвицы одѣвали его во всѣ наружные признаки новаго его достоинства мало по малу, сперва надѣвали шпоры начиная съ лѣвой ноги, и наконецъ мечь; при чемъ онъ безпрестанно стоялъ на колѣнахъ. По исполненіи сего, поднимался старшій Рыцарь съ своего мѣста или престола, и давалъ ему акколадъ то есть Рыцарское удареніе, обыкновенно

новенно въ трехъ ударахъ плашмемъ обнаженныя шпаги по плечамъ или по шеѣ, а иногда въ пощечинѣ состоящее, въ напоминаніе злоключеній и опасностей, коимъ себя предаетъ, и кои съ терпѣніемъ и мужествомъ сносить долженъ, естьли желаетъ быть достоинъ своего званія. Въ продолженіи ударовъ посвящатель говорилъ слѣдующія слова или имъ подобныя: „Во имя Божіе, свя„таго Михаила и святаго Георгія „учиняю я тебя Рыцаремъ; будь „храбръ, неустрашимъ и праве„денъ„. Послѣ сего подавали ему шлемъ, щитъ и копіе, и подводили его коня, на котораго онъ вскоча, скакалъ вокругъ, шурмовалъ своимъ копіемъ и махалъ мечемъ по воздуху. Потомъ ѣхалъ по городу, или показывался на всенародномъ мѣстѣ, гдѣ народъ собравшись плясалъ вокругъ его, оказывая радость о новомъ своемъ защитникѣ и судіи. Ибо каждый Рыцарь обѣщался, вдовъ и сиротъ, и всѣхъ терпящихъ притѣ-

сненіе,

сненіе, своею рукою и жертвованіемъ своей жизни, защищать и отмщевать. А особливо женщины величайшее имѣли требованіе въ его помощи и заступленіи, бывъ безоружныя, чтобъ владѣть въ безопасности своимъ имѣніемъ, и лишенныя всѣхъ средствъ ко оправданію наподаемой своей добродѣтели, почасту бы лишались вольности и имѣнія отъ неправедныхъ сосѣдей, или бы доброе имя свое видѣли уменьшеннымъ чрезъ оклеветаніе, ежели бы неготовы были въ каждое мгновеніе Рыцари принять за нихъ оружіе. Одинъ изъ главныхъ законовъ Рыцарства состоялъ въ томъ, чтобъ не говорить ни чего худаго о женщинахъ, ниже терпѣть, чтобъ кто въ присудствіи ихъ говорилъ о томъ. Вторый главный уставъ былъ „Ненарушимо держать свое слово„ Малѣйшее преступленіе сего дѣлало недостойнымъ, и не можно было ни кого выбранить досаднѣе какъ лжецомъ: послѣдство рыцарскихъ обычаевъ,

 до-

дошедшее нашихъ временъ, можетъ быть не одно сіе, но были другія, о коихъ мы не знаемъ.

Турниры въ мирное время были случаями, въ которыхъ Рыцари образъ войны представляли, и свое искуство уясняли славою. Генрихъ Птицеловъ, ввелъ оные, какъ извѣстно, вопервыхъ въ Нѣмецкую землю „ Съ помощію и совѣтомъ сво„его Императорскаго Величества Се„кретаря, мастера Филипзена, му„драго, разумнаго, кроткаго мужа, „отъ коего (говоритъ самъ Импера„торъ) многократно слыхалъ я о „турнирахъ, порядкѣ оныхъ и воль„ности, какъ видалъ онъ сіи въ чу„жихъ земляхъ.„ За долго предъ тѣмъ были оные во употребленіи въ Англіи и Франціи. Когда о таковомъ торжественномъ турнирѣ возвѣщалось, упражнялись Рыцари въ своихъ Кантонахъ и замкахъ ежедневно другъ съ другомъ, дабы въ состояніи быть появиться на великомъ боевомъ мѣстѣ предъ очами

сво-

своихъ возлюбленныхъ и избраннѣйшихъ отъ Европейскихъ дворовъ.

Предъ турниромъ щиты съ Гербами, тѣхъ которые турнировать готовились, вывѣшивались въ ближнихъ церквахъ и монастыряхъ для смотрѣнія господамъ, дамамъ и дѣвицамъ, что называлось позорище. Герольдъ называлъ имена тѣхъ, коимъ оные надлежали, и естьли случалось, что какая нибудь дама имѣла жаловаться на котораго ни есть изъ сихъ Рыцарей, то касалась его щита, и турнирный начальникъ долженствовалъ розыскать по ея прозьбѣ. Естьли находили Рыцаря виновнымъ, не допускался оный въ турниръ; буде жъ бралъ дерзость за тѣмъ появится въ оградѣ, то всѣ Рыцари пускали на него палочный градъ, который не прежде переставалъ, поколь прибѣгалъ біемый къ дамѣ о милости. Такъ значитъ сіе въ древнихъ Нѣмецкихъ турнирныхъ уставахъ. „Въ славу и честь Маріи „Матери Божіей, всѣхъ святыхъ,

 „женъ,

„ женъ, дѣвъ и вдовицъ, кто произ-
„ шедшую отъ благороднаго племени,
„ жену или дѣвицу обезчеститъ или
„ изнасилуетъ, или оную поноситъ
„ словами или дѣйствіемъ, не охра-
„ няетъ ея чести; тотъ во всена-
„ родныхъ турнирахъ предъ дама-
„ ми и всѣмъ обществомъ накажет-
„ ся, яко женопоноситель, и сразят-
„ ся съ нимъ за коня, и изгонится
„ онъ за ограду, по содержанію пра-
„ ва и вольности турнировъ." Я про-
хожу учрежденіе боеваго мѣста, и
распоряженіе къ празднеству, при
коемъ истощали богатства и драго-
цѣнности, и дамы, которымъ од-
нимъ сіе въ честь происходило, по-
казывались на своихъ возвышенныхъ
мѣстахъ въ полномъ блистаніи кра-
соты и великолѣпнѣйшаго убранства.
Все позорище уподоблялось волшеб-
ству, и очаровывало чувства. При
звукѣ военныя музыки приближались
Рыцари съ своими оруженосцами, бо-
гато прибранные и вооруженные,
тихимъ торжественнымъ шествіемъ
къ

къ оградѣ. Часто приваживали дамы сихъ гордыхъ невольниковъ любви своей на цѣпяхъ, кои не прежде снимали, поколь начинались поединки. Каждый Рыцарь при нападеніи возглашалъ ратнымъ воплемъ, что онъ имѣетъ отъ своей дамы. На шишакахъ, копіяхъ и вооруженіяхъ, трепетались знаки благосклонности; покрывалы, мантиліи, повязки, чепцы, зарукавья, локоны волосъ и прочаго изъ женскихъ уборовъ. Какъ сіи нерѣдко въ жару битвы тратились, дамы долженствовали возлюбленныхъ своихъ снабжать новыми, отъ чего случалосъ, что по окончаніи турнира, иная дама лишалась великой части своего убранства. Подвиги произходимые при томъ, были воспѣваемы и записываемы. Побѣдители получали преисы изъ рукъ дамъ, кои снимали съ нихъ оружіе, и прислуживали имъ за столомъ. Поцѣлуй получаемый побѣдителемъ отъ раздаятельницы прейсовъ, бывалъ

 по-

послѣдняя и славнѣйшая мета его торжества.

При турнирѣ Императора Максимиліяна I. Происходило оное слѣдующимъ образомъ. „Вопервыхъ ѣхали господа судьи Эрихолды, и восемъ „трубачей позади: за тѣмъ слѣдовали три Эрихолды въ обыкновенномъ своемъ Эрихолдскомъ одѣяніи „а именно поримски, Венгерски и „Богемски: за Эрихолдами слѣдовали „господа судіи, которые отдѣлившись стояли къ мѣсту танцовальнаго дома, съ прекрасною дѣвицею „изъ фрелинъ Королевы Богемской, „называемою Чурминъ Вомгемка. Въ „таковомъ порядкѣ стояли они отъ „мѣста понцовальнаго дома до другаго вокругъ, тогда трубачи проиграли троекратно, за тѣмъ „вскричалъ одинъ Эрихолдъ такъ „же троекратно: „господинъ Адамъ „Фонъ Нейдекъ, оному показавшуся и выступившу, вышесказанный Графъ Турскій ласково отвѣтствовалъ; любезный господинъ

„Фонъ

„Фонъ Нейдекъ, поелику много че„стныхъ и Рыцарскихъ особъ изъ „Князей, графовъ и господъ были „на мѣстѣ турнира. Всѣ хотя я„вили себя рыцарственно, честно „и изрядно, но отъ господъ судей, „по громковозглашенному Картелю, „вы копіе свое лучше и красивѣе „переломили, даютъ они и приго„вариваютъ вамъ залотое копіе въ „первую благодарность, которое и „вручаетъ вамъ сія прекрасная дѣ„вица, и проч„.

Турниры бывали всегда очень кровавы; въ нихъ убиваенамо было на мѣстѣ сорокъ два Рыцари и столькожъ оруженосцовъ. Послѣ торжественныхъ пиршествъ, слѣдующихъ за турниромъ Рыцари и дамы провождали время играніемъ въ шахматы, испинной воинской забавой, или любовными, при чемъ любовницы мужество своихъ любовниковъ похвалами храбрыхъ Рыцарей еще болѣе воспламеняли, или новыхъ опасныхъ предпріяпій, въ доказательство ихъ любви,

любви, отъ нихъ требовали. Такъ открыла нѣкогда одна дама своему Рыцарю „ Боннелусу, что она охот„но желаетъ видѣть Агличанина „ Рыцарь тотъ часъ выступилъ въ походъ, взялъ нѣсколькихъ въ плѣнъ, и привелъ въ Монтферраидъ, гдѣ любовница его находиласъ съ своими пріятельницами. Колико въ тогдашнія времена храбрость и Геройскія добродѣтели отъ всѣхъ и особливо отъ женщинъ почитаемы были, свидѣтелствуетъ примѣръ дю Гвесклиновъ, когда онъ былъ плѣнникомъ въ Англіи, и выкупъ свой, который самому ему оставлено было назначить, положилъ въ очень высокую цѣну. Принцъ Валліижкій, удивившисъ тому, спросилъ его: какъ онъ можетъ его заплатить? „ Я „ имѣю друзей, отвѣтствовалъ Гве„склинъ. Король Французкій и Ка„стильскій меня не оставятъ; я знаю „ сто Рыцарей въ Бретаніи, кои про„дадутъ все свое имѣніе, и сло„вомъ, во Франціи не сидитъ ни од-

„ на

„ на женщина за своею прясницею, ко„ торая не стала бы трудиться своими „ руками, чтобЪ меня освободить изЪ вашихЪ „. Дю ГвеклинЪ былЪ очень непригожЪ сама Королева Англинская вопервыхЪ положила знатную сумму, дабы искупить вольность у непрїятеля своего народа. Рыцарь бросился кЪ ногамЪ ея, оказать свою благодарность, и примолвилЪ кЪ тому: „ До „ сихЪ мѣстЪ считалЪ я себя дурно„ лицымЪ человѣкомЪ во Францїи, „ но начинаю лучшее имѣть о себѣ „ мнѣнїе, когда дамы дѣлаютЪ мнѣ „ таковые подарки „.

Рыцари часто налагали на себя обѣщанїя. Когда выходили они на приключенїя, обвѣшивали оружїе свое цепями, вЪ кои заключали ихЪ дамы, и кои не могли прежде снять, поколь выходило назначенное время, или освобождали ихЪ сражающїяся сЪ ними Рыцари. Обѣщанїя бывали иногда очень странныя: БертрандЪ, вызванный АгличаниномЪ, сдѣлалЪ обѣтЪ, до времяни поединка не ѣсть

кромѣ

кромѣ трехъ разъ виннаго супа „Во„ имя Святыя Троицы „. Дю Гвесклинъ осаждая Монтконтуръ, клялся, не ѣсть мяса, и не раздѣваться, поколь завоюетъ оный.

Обѣщанія Павлина или Фазана были неопровергаемыя и торжественнѣйшія. Сіи шляхетныя птицы, такъ называли оныхъ тогда, состояли за красоту своихъ перьевъ въ великой тогда знатности. Мясо ихъ, по извѣстіямъ древнихъ Романописателей было единственная пища храбрыхъ и влюбленныхъ. Перья ихъ отъ дамъ Прованскихъ считались богатѣйшимъ украшеніемъ, для Трубадуровъ; они плели изъ оныхъ свои короны, и Папа Павелъ III. послалъ Королю Пипику посвященную шпагу, и епанчу изъ павлиновыхъ перьевъ. Въ день когда надлежало происходить торжественнымъ обѣщаніямъ, приносили дамы или дѣвицы Павлина или Фазана, хотя зажаренаго но искусно перьями своими украшеннаго, на большомъ золотомъ или серебреномъ

номъ блюдѣ, въ многочисленное собранiе Рыцарей. Къ каждому подносили птицу, и каждый учинялъ надъ оною обѣщанiе свое, потомъ поставляли оную на столъ, и дамы или дѣвицы избирали храбрѣйшаго Рыцаря, чтобъ съ нимъ поднесть павлина къ Рыцарю, коего онъ изберетъ за храбрѣйшаго и отважнѣйшаго. Рыцарь, избранный дѣвицою, поставлялъ предъ тѣмъ блюдо, который казался ему достойнѣйшимъ сего сiяющаго предпочтенiя, и который таковую великую честь повсегда принималъ съ скромностiю и оговорками, и разрѣзывалъ птицу съ примѣчанiемъ, на что потребно было особливое искуство, ибо каждый изъ присудствующихъ долженствовалъ получить кусокъ.

Есть еще описанiе таковаго торжества, бывшаго въ Лилье, какъ Герцогъ Бургундскiй въ 1453 сбирался въ походъ противу Турковъ. Въ день банкета, когда сей Принцъ явилъ всю славу и пышность двора

своего, вдругъ показался въ залъ Исполинъ, одѣтый посрацинскій древнимъ покроемъ. Онъ велъ слона, съ башнею на спинѣ, въ которой находилась печальная дама, въ длинномъ траурномъ платьѣ. Дошедъ на средину зала, приказывала она Исполину остановиться; но сей взглянувъ на нее косо, шествовалъ прямо къ столу Герцогову. Въ то мгновеніе начала плѣнная дама, которая представляла вѣру, длинную жалобу въ стихахъ о страданіяхъ, кои она подъ тиранствомъ невѣрныхъ претерпѣвать долженствуетъ; при чемъ укоряла она тѣхъ, кои медлятъ, бывъ обязаны подкрѣплять и освобождать ее. По окончаніи жалобы, приближился начальникъ златаго Руна въ предшествіи множества Кавалеровъ къ Герцогу, неся на рукѣ живаго фазана, украшеннаго золотымъ ошейникомъ съ жемчугомъ и дорогими камнями. Онъ представилъ Герцогу двухъ знатныхъ дамъ, провождаемыхъ за каждою Кавалеромъ

зла-

златаго руна. Въ тожъ время подалъ ему птицу отъ имени сихъ дамъ, препоручающихся покровительству своего Государя. Герцогъ, выслушавъ съ прилѣжаніемъ требованіе Магистра, далъ ему грамоту, прочитанную въ слухъ слѣдующаго содержанія: „Я обѣщаюсъ вопервыхъ „Богу, моему Создателю, и благо„словенной Дѣвѣ пречистой Его Ма„тери, и потомъ дамамъ и Фаза„ну и проч„. Прочее состояло въ обѣщаніи итти войною на невѣрныхъ въ защищеніе утѣсненной церкви. Обѣщаніе Герцогово дало знакъ, по которому весь дворъ продолжалъ обѣщанія свои въ безконечной разности. Одинъ желалъ показать свою отважность противу Турковъ, и клалъ на себя добровольную епитимію, естьли не сдержитъ своего обѣщанія, Сей, не спать въ постелѣ, тотъ не употреблять салфетки, иной носить власяницу, и тому подобное. Заключеніе учинено новымъ явленіемъ. Дама, одѣтая почернически въ бѣ-

 лое,

лое, съ растянутымъ чрезъ плечо свиткомъ, на которомъ было написано золотыми буквами „милость „Божія„ вошла благодарить собраніе, и представила оному двенатцать иныхъ дамъ, пуовождаемыхъ толикимъ же числомъ Рыцарей, изображающихъ добродѣтели, спутницы ихъ похода и поруки въ щастливомъ окончаніи. Каждая подала милости Божіей листъ съ написаніемъ своего имени, которая оные прочтя, присовокупляла къ каждому восьмистишную строфу. Сіи были добродѣтели избраннѣйшихъ и совершенныхъ Рыцарей: вѣра, сожалѣніе, справедливость, разумъ, премудрость, умѣренность, крѣпость, правосудіе, щедрость, прилѣжаніе, надежда и храбрость.

За славнѣйшее изъ сраженій, которое было и опаснѣйшее, считалосъ сраженіе въ подземныхъ ходахъ, которые при осадахъ городовъ, вырывали съ обѣихъ сторонъ, для опроверженія башенъ и стѣнъ, или

для провѣдыванія и предупрежденія намѣреній осаждающихъ. Въ сихъ ходахъ, кои бывали очень тѣсны и изкривленны, дралисъ съ свѣтомъ факеловъ другъ на друга, или по крайности двое на двое, шпагами, или бранными топорами (*) у нихъ рукояти укорочивали, ибо въ противномъ случаѣ за тѣснотою употреблять ихъ было бы не можно. При осадѣ за́мка Вертелье 1388 года сражался самъ Герцогъ Бурбонскій одинъ въ таковомъ подкопѣ съ начальникомъ за́мка; они надавали уже другъ другу ранъ, какъ непріятель узналъ Государя по воинскому восклицанію, и изъ почтенія ему покорился.

Всѣ сіи храбрые подвиги происходили въ честь дамъ и любви. Показать величіе своей отважности, называлосъ доказать изрядство и красоту своей дамы. Утверждали, что прекраснѣйшая дама можетъ любить только храбрѣйшаго Рыцаря, и побѣди-

(*) Бердышами.

бѣдители въ сихъ предразсудкахъ находили свои выгоды. Но повѣрятъ ли, что почасту оба войска (подобно какъ въ Гомерѣ Греки и Трояне) посредѣ самаго жара сраженія оставляли битву, чтобъ дать мѣсто двоимъ Рыцарямъ, желающимъ обоготворить своихъ любовницъ? Такъ остановились при Шербургѣ въ 1379 швадроны Агличанъ и Французовъ, въ пылкомъ сраженіи, когда одинъ зачалъ вызывать изъ противной стороны, влюбленнѣйшаго Рыцаря. Таковый Картель тотчасъ былъ принятъ. Швадроны остались только зрителями, и не прежде престали драться, поколь одинъ изъ поединщиковъ любовь къ своей дамѣ не заплатилъ жизнію. Къ томужъ надлежитъ вызывное письмо Графа Ессекса 1591 къ Графу Вильяру, въ которомъ онъ между прочимъ утверждалъ, что любовница его прекраснѣе Вильяровой. Еще позднѣе при Генрихѣ IV и Людвигѣ XIV находятся у Французовъ слѣды сего древняго Рыцарскаго

ще-

щегольства. Часто тогда мѣнялисъ пулями за честь и любовь дамъ, и при осадѣ нѣкотораго мѣста видѣли смертельно раненаго Офицера, написавшаго на пескѣ имя своей возлюбленной, и въ ту минуту скончавшагося.

Мы не можемъ прадставлять нынѣ, какъ только очень слабо о семъ всеобщественно дѣйствующемъ духѣ щегольства, оживлявшемъ поединки, и производившемъ великіе подвиги. Гуго Брюнетъ, одинъ изъ старинныхъ шутниковъ, изображаетъ упадокъ любви. „Я видѣлъ времена, „говоритъ онъ, когда шляпный шну„рокъ, кольцо, перчатка, награж„дали любовниковъ цѣлый годъ про„вождающихъ во вздохахъ, любовныхъ „увѣреніяхъ и стихахъ. Нынѣ все „бы пропало, естьлибъ не получали „на первомъ мѣстѣ все, чего жела„ютъ. Въ оныя щастливыя време„на, коихъ ужѐ нѣтъ больше, на„дежда была лучшею цѣною добра, „нежели вкушеніе: и для чего? Ско-

 „ро

„ро насыщенный любовникъ утра-
„тилъ бы жало, желаній его под-
„стрекающее. Я повторяю еще разъ,
„удерживаемые воздержною любовію
„дары бываютъ съ тысячу разъ
„дороже, нежели расточаемыя иною
„страстью„.

Должно весьма остерегаться отъ смѣшенія изящной чистой старорыцарской любви, съ изступленіями и глупостями нѣкоторыхъ сектъ, коихъ повѣсть въ начертаніи Галуа и Галуазье, 1320 произшедшихъ въ Лангедокѣ, сохранила намъ чудный и весьма смѣшный примѣръ. Сіи бродяги искали величія любви въ томъ, что они съ непреклоннымъ упрямствомъ, презирали всѣ нападенія погодъ. Рыцари и дамы сего ордена по уставамъ онаго, долженствовали въ жарчайшія времена года одѣваться очень тепло въ подпушенное платье и шубы, раскладывать большіе огни, и грѣться близъ оныхъ. На противъ зимою одѣвались въ лѣт-

нее

нее платье, ходили на легкую руку, спали подъ тонкими покрывалами, усыпали покои свои толикимъ числомъ зеленаго листвія, сколько достать могли, и не помышляли ни о топленіи покоевъ, ни о раскладываніи огней. Но орденъ сей не долго замедлился, ибо большая часть сочленовъ онаго отъ стужи померла мученическою смертію.

Оружныя побратованія, или братства, *должны* такъ же быть упомянуты. Таковые побратовавшіеся Рыцари клялисъ, труды и опасности, честь и пріобрѣтеніе дѣлить жежду собою, и не оставлять другъ друга, поколь будутъ они имѣть въ себѣ нужду. Къ утвержденію обѣщанія отворяли себѣ жилы и смѣшивали свою кровь, или принимали въ мѣстѣ С. Тайны. Помощь которою обязывалисъ таковые братья превосходила всѣ должности, даже и защищеніе дамъ.

Оружіе Рыцарей извѣстно; оруженосцы должны были носить только легкій панцырь, щитъ и шпагу, а золото дозволялось только рыцарямъ. Шпоры, верьховые уборы, плащи по большей части показывались украшенные симъ металломъ. Багряный цвѣтъ и вообще всякая алая краска была однимъ имъ собственна. Разъѣзжающіе или странствующіе Рыцари ходили въ зеленомъ. Рыцари имѣли такъ же исключительное право носить одни бѣлые мѣхи. Маркграфъ далъ Гецу, когда оный былъ еще оруженосцемъ, для примиренія съ нимъ, въ знакъ отличности, „ Бархатную шапку, „ подбитую соболями „.

Двояко можно было только престать быть Рыцаремъ: чрезъ изверженіе и смерть. Когда Рыцарь долженствовалъ лишиться своего достоинства, слѣдовало преступленіе его доказать судомъ. Послѣ чего выводили его на шефотъ, гдѣ предъ гла-

глазами его переломляли его оружіе, и попирали ногами. Гербовый щитЪ его привязывали кЪ хвосту кобылы, и волочили по грязи. Священники совершали надЪ нимЪ погребальное пѣніе, и прочитывали надЪ головою его 108 псаломЪ, наполненный проклятіями преступникамЪ. Троекратно вопрошалЪ гербовый героляЪ о имени преступника, троекратно возглашалЪ оное другой, и каждый разЪ отвѣтствовалЪ геролдЪ, что сіе не можетЪ быть имя того, который предЪ его глазами, ибо вЪ семЪ видитЪ онЪ только преступника и клятво-нарушителя. ПотомЪ бралЪ онЪ сосудЪ сЪ горячею водою, и обливалЪ оною презрительно изверженнаго Рыцаря, чтобЪ освященное, сообщенное ему рыцарскими ударами, смыть. ПотомЪ виновнаго тащили веревкою подвязанною ему подЪ плечи сЪ шефота, сожали онаго на телѣгу, покрывали погребальнымЪ покрываломЪ, и привезши вЪ

 цер-

церковь доканчивали погребальные обряды.

Надгробныя и памятныя надписи умершихЪ достойными Рыцарьми, были наполнены похвалами. По большей части представляли подобія ихЪ вЪ латахЪ, и многихЪ, а особливо крестоносныхЪ КавалеровЪ, во оныхЪ и погребали. Домогались достать мечи и оружія ихЪ, какЪ бы нѣкую святость, и память ихЪ всегда оставалась вЪ почтеніи.

Сіе обЪясненіе казалось быть нужно, когда Романы Рыцарскіе, а особливо Французскіе будутЪ составлять не малую часть сея Библіотеки. Я льщу себѣ что оные и безЪ сего будутЪ читателямЪ пріятны, когда обычаи Рыцарства привлекаютЪ наше любопытство, и наполняютЪ почтеніемЪ кЪ ордену, коего нравы и дѣйствія были отличны и велики. Я занялЪ сіе обЪясненіе по большей части изЪ записокЪ господ-

сподина Сентпалее о древностяхъ Рыцарства, вышедшихъ въ 1759 въ Парижѣ въ двухъ толстыхъ книгахъ въ листъ, и наполненныхъ знаками учености сочинителя и пріятными повѣствованіями. Въ Нѣмецкомъ Меркурѣ на 1777 годъ находится сочиненіе о древнихъ Рыцарскихъ временахъ, которое касаясь до одного предмета, и кажущееся почерпнутымъ изъ одного источника, необходимо долженствуетъ имѣть великое сходство съ моимъ предложеніемъ. Но слѣдуетъ только оба сличить, дабы увѣриться, что мое не есть съ онаго списокъ.

---

2. (*)

Христїянскаго Нѣмецкаго великаго Князя Геркулеса и Богемской Королевны Валиски, чудная повѣсть. въ восьми книгахъ и двухъ частяхъ сочиненная, и всѣмъ Бога и добродѣтель любящимъ душамъ для Христїянской и честной забавы въ свѣтъ изданная, Брауншвеигъ 1676 года въ 4.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Мало будетъ читателей, которые слыхали бы въ жизни своей о семъ Романѣ, или естьли и имѣли оный въ рукахъ своихъ, чтобъ прочли отъ доски до доски. Взоръ на двѣ книги преисправной толщины, долженъ ужаснуть и неустрашимѣйшихъ, и хотя сочинитель, по-

(*) Прелагая на нашъ языкъ сїи Нѣмецкїя древности, которыя въ оригиналѣ представлены самымъ тогдашняго времени нарѣченїемъ: долженъ я сколько возможно сохранить древнюю Литературу: почему читатели да извинятъ отступленїе мое отъ слога нынѣшняго;

побуждаемый мудрымъ предчувствованіемъ, предварилъ краткимъ содержаніемъ, не сумнѣваясь, „ что читатели пожела„ ютъ имѣть краткое понятіе сей про„ странной повѣсти, дабы имѣть вразу„ мленіе всего того, что собственно въ „ сихъ восьми книгахъ предлагаемо „.

РО-

няго; ибо слѣдуетъ мнѣ переводить оные Литерально, дабы сколько возможно дать понятіе, каковыми степеньми вычищалисъ отъ грубости своей слово-предложенія, и вкусъ сочинителей. Но сіе не меньше того выставляетъ на опытъ человѣческое терпѣніе. Въ предисловіи своемъ сочинитель храбро выступаетъ противу писавшаго и защищающихъ позорную Амадисову книгу, на которую онъ жалуется „ Что оную многіе любя„ щіе чтеніе и между женскимъ поломъ имѣ„ ютъ, которое ни одной изъ нихъ еще не „ исправило, но многихъ поощрило къ не„ пристойной дерзости, представляя взорамъ „ приключенія, кои и безстыднѣйшіе въ под„ солнечной исполнить ужаснутся. — — „ Умалчивая, отъ части глупыя частію без„ божныя волшебства, о коихъ многократно „ упоминаемо, и столькожъ мало вкуса, какъ „ и вѣроятія содержится, но со всѣмъ тѣмъ „ сію дьявольскую науку предлагалъ онъ не „ токмо доброю и дозволительною, но и „ Христіанскою, когда попускалъ Христіан-

„ скимъ

РОМАНЪ.

Чудно прекрасная утренняя заря, тщащаяся блѣдносеребряный мѣсяцъ лишить его сіянія, ужѐ воздвигалась съ своего ложа, тогда пробудился отъ сна Геркулесъ, всталъ, по-

---

„скимъ Императорамъ Королямъ и Рыцарямъ употреблять оную безъ угрызенія совѣсти, и тѣмъ избавляться отъ нѣкіихъ судебъ посланнаго Богомъ несчастія, и подкрѣпляться въ произведеніи многаго добраго. Вмѣсто сей позорной книги, въ которой сочинитель, почасту кусаетъ себѣ губы, хочетъ нашъ издатель своего Геркулеса предложить прохлажденіе нрава, При чемъ богоговѣйныя души въ досаду не введутся; и понеже любовь къ отечеству вымыслила сей романъ, то желаетъ онъ на зло Испанской гордости, Италіанскому честолюбію, и Французскому воображаемому преимуществу показать, что Нѣмцы не однихъ только дикихъ вепрей и медвѣдей, но нѣсколькихъ преизрядныхъ Князей и Рыцарей между собой имѣли. — Мужъ, имѣвшій толь добрыя намѣренія, былъ Андрей Генрихъ Бухъхолцъ, Герцогскій Волфенбительскій придворный оберъпроповѣдникъ и Суперинтендентъ, написавшій кромѣ сего многіе богословскія сочиненія, и въ 1671 году, 20 Маія сочинившіися.

по обыкновенію своему, тихо съ своей постели, чтобъ другъ его Владиславъ онаго не примѣтилъ, сталъ на колѣна, и совершалъ съ сердечнымъ богоговѣніемъ свои Христіанскія утренніи молитвы. Не возмутимъ его набожности, но раскажемъ читателямъ, кто были, сей Геркулесъ и другъ его Владиславъ. Геркулесъ, „Пригожій видомъ, представляющій подо„біе истинной храбрости, доброде„тели и страха божія„, Рожденъ въ 204 году отъ великаго Князя вольныхъ Нѣмцовъ, господина Генриха, и госпожи Гертруды, дочери Шведскаго Короля Рахвалда, въ законномъ супружествѣ. Еще въ дѣтствѣ своемъ оказалъ онъ опыты своей неустрашимости, и 15 лѣтъ низложилъ Нѣмецкаго Рыцаря, хотѣвшаго изнасиловать Крестьянку, былъ невинно взятъ подъ караулъ, и бѣжалъ изъ онаго съ другомъ своимъ Владиславомъ, Богемскимъ Королевичемъ воспитаннымъ съ нимъ вмѣстѣ и чрезъ то въ истинномъ дружествѣ утвердив-

дившимся въ Богеміи, гдѣ онъ жестоко влюбился въ сестру его Королевну Валиску, и тайно съ нею обвѣнчался. Отъ разбойниковъ попалъ онъ въ Римское невольничество, какъ цѣломудріе его терпѣло нападенія отъ госпожи, коей онъ достался и отъ ея дочери, принялъ онъ Христіанство, открытъ Владиславомъ и выкупленъ. Съ сего времени начинается повѣсть. Оба друга желали Римъ оставить, и осмотрѣть свѣтъ далѣе, какъ старый Богемскій вѣстникъ вдругъ привезъ имъ печальное извѣстіе, что отецъ Владиславовъ упователъно лишился жизни. Въ самое то время претерпѣли они въ постоялом дворѣ своемъ нападеніе отъ разбойниковъ, коихъ хотя осилили, но получили при томъ опасныя раны. Напослѣдокъ оставили они Римъ, и въ лѣсу близъ Падуи имѣли щастіе освободить трехъ знатныхъ Римскихъ госпожъ, впадшихъ въ руки пятерыхъ разбойниковъ —— ибо наши Герои суть настоящіе бичи

всѣхъ

всѣхъ разбойничьихъ шаекъ —— и какъ естественно были очень близки къ насилію. Знатнѣйшая между оными дѣвица Софія, дочь господина К. Фабія, Римскаго Намѣстника въ Падуе, воспалила Владислава жесточайшею страстію: хотя вскорѣ за тѣмъ Герои наши вошли въ сильное сраженіе съ братомъ ея Кл. Фабіемъ, который не вѣдая о произшедшемъ, и мысля что они человѣкохищники, напалъ на нихъ, но ошибка скоро открылась, и дружество чрезъ опытъ храбрости еще крѣпче утвердилось. Владиславъ во время дороги приставалъ къ дѣвицѣ, просилъ и заклиналъ ее о взаимной любви, но оное признаніе сія цѣломудренная и стыдливая дѣвица, невзирая на внутреннюю свою склонность, умѣла отводить съ скромностію. „Что помощи, мнѣ голодному, „вопіялъ Владиславъ въ цвѣтѣ и „запахѣ вкуснаго яблока, когда слѣ„дуетъ мнѣ взирать на оное только „на деревѣ и не вкушать? Не должно „ли

„ ли томиться отъ того мое желаніе?
„ Государь мой, отвѣтствовала она,
„ можетъ ли ему пріятно быть пре-
„ красное яблоко, когда прежде повер-
„ гнетъ его въ грязь, чтобъ оно по
„ всюду запачкалось? Не проклянетъ
„ ли оное тотчасъ и возмерзитъ онымъ?
„ Да будутъ прокляты, отвѣчалъ онъ,
„ всѣ имѣющіе толь неприличныя на-
„ мѣренія! возможно ли мнѣ любезное
„ яблоко въ грязь повергнуть, коего
„ обоняніе желаю я искупить всѣмъ
„ моимъ имѣніемъ, для утоленія не-
„ стерпимаго моего голода? Дѣвица от-
„ вѣтствовала: иная алчность бываетъ
„ непорядочна и вредна, такъ что пор-
„ титъ и пищу, побужденіемъ ея вку-
„ шаему „. Пріемъ и радость въ
Падуе были столькожъ велики, какъ
благородное безкорыстіе обоихъ дру-
зей, отвергшихъ всѣ подарки: „ Они
„ прочли бы на пролетъ книгу невѣ-
„ жества „, былъ отвѣтъ ихъ, есть-
ли что либо изъ оныхъ взять могли.
Лучшая мзда Владислава была толь-
ко рука Софіина, которую отдала
она

она ему тайно, понеже отецъ ея, Намѣстникъ, желалъ обручить ее за нѣкоего Фулвія, но коего дѣвица поносила „порочнымъ и нечистымъ, „и который Владиславомъ убитъ на „поединкѣ. Намѣстникъ старался „разными лестьми и хитростьми „провести любовниковъ, но наконецъ „принужденъ былъ дать свое позво-„леніе и тогдажъ сочетать сына „своего съ его любезною дѣвицею „Урзилою. Читатели, безъ моего „припоминанія помыслятъ, что Гер-„кулесъ употребилъ въ пользу по-„сольство друга своего въ Прагу, да-„бы послать прекрасной Валискѣ по-„дарки и извѣстіе. Послы Вели-„кихъ Князей Франкскаго и Синамбр-„скаго, находились тогда въ Прагѣ. „съ требованіемъ Королевны за сво-„ихъ Государей, и получили исправ-„ный отказъ. Вскорѣ за тѣмъ спа-„сла Королевна Валиска въ плавь „чрезъ рѣку Молдаву, изъ рукъ нѣ-„которыхъ незнакомыхъ, похитить „ее желавшихъ, и вознамѣрилась,

„ подъ предлогомъ ѣзды на свадьбу „ своего брата, посѣтить своего Гер„ кулеса въ Падуе. Между тѣмъ „ провождала время съ любимицею „ своею Любусой, развращенною дѣв„ кою, въ цѣломудренныхъ разгово„ рахъ о своемъ возлюбленномъ, и „ сія дѣвка, присовокупляетъ сочи„ нитель умѣла насказать Королевнѣ „ столько пріятностей, что она не „ меньше нашла удовольствія, какъ „ бы сидѣла на колѣняхъ своего Гер„ кулеса „. Сей искусный Князь надѣлалъ чудесъ храбрости и способности, въ турнирѣ учрежденномъ въ Падуе, и оковалъ нѣсколько прекрасныхъ сердецъ, и сурово отказалъ имъ, но вскорѣ возвѣстили ему множество привидѣній въ его конюшнѣ, и другіе признаки, предстоящихъ ему нещастій — Королевну Валиску похитили! Всадникъ изъ провождающихъ ея привезъ сію печальную вѣсть ея любовнику, который тотчасъ устремился на освобожденіе своей возлюбленной. Онъ достигъ

толь-

только любимицу ея Любусу, и разбойника, который обратился, и подъ его водительствомъ и принятымъ именемъ Валикуля, продолжалъ онъ свои поиски. Въ Флисѣ, въ Коринфѣ встрѣчались съ нимъ нѣкоторыя приключенія: нужду терпящія дѣвицы, оскорбляемыя женщины, воры, убійцы, были защищаемы и отмщаемы, или падали отъ руки его. Въ Критѣ нашелъ онъ на орѣховомъ деревѣ надпись своей возлюбленной, которая одѣтая въ мужскомъ платьѣ, подъ именемъ Геркулиска, со второю своею фрелиною Геелою отбита морскими разбойниками у первыхъ ея похитителей, „за свою великую красоту, повезена Великому Парфянскому Царю Артавану въ особливый подарокъ, которому со всѣхъ сторонъ выискивали прекрасныхъ дѣвицъ, и запирали въ его женскіе покои, для насыщенія похотливыхъ его желаній, пригожихъ же мальчиковъ по ужасному языческому обыкновенію лишали мужества,

„и пріобучали стеречь женщины*„.
Надпись сія показала ему путь, принятый Валискою, коимъ онъ неусыпно поспѣшалъ; въ то время наказалъ онъ въ Гноссѣ двоихъ обманщиковъ, называющихся его и Владиславовымъ именемъ, и въ Іерусалимѣ одного жидовскаго Рыцаря, Бенъ-Лева — можетъ быть единственнаго странствующаго Рыцаря страны сея, который бы упоминался въ Романахъ, ибо нашему сочинителю, не трудно вооружать Рыцарей во всѣхъ земляхъ. — Въ Тирѣ нашелъ Геркулесъ новый знакъ по надписямъ о присудствованіи тамъ своей Королевны, кои и еще встречалисъ ему путемъ, поколь онъ утратилъ оныя наконецъ, и ночнымъ привидѣніемъ наставленъ на прямую дорогу и доведенъ въ Ектабану, гдѣ Королевна удержана, и оказала чудеса искуства и отважности своей въ стрѣляніи изъ лука, поединкахъ и укрощеніи коней, чемъ всѣ мущины были изумленны, и всѣ женщины распа-

распалены къ ней любовiю. Днесь предстоялъ ей при дворѣ Великаго Царя Артавана плачевный опытъ, вдругъ открывшiй истинный ея полъ. Аименно Великiй Царь вручилъ мнимаго пригожаго юношу, толико ему нравящагося тремъ Трабантамъ и преизящному лѣкарю „ Который нашему Геркули„ ску обѣщалъ поступить съ нимъ „ такъ тонко, что онъ подрезъ едваль „ примѣтитъ. По чему повели его „ чрезъ площать внутреннаго дворца „ въ покой, весьма украшенный, и со „ всѣхъ четырехъ сторонъ имѣющiй „ свѣтлые окны; по срединѣ онаго „ стоялъ длинный столъ, на которомъ „ лежали шелковые веревки, и по всѣмъ „ окнамъ стояли разныя крѣпитель„ ныя воды въ Кристалныхъ и Але„ бастровыхъ сосудахъ, изъ оныхъ „ взяли они нѣсколько, и требовали „ за тѣмъ, чтобъ Геркулискусъ снялъ „ съ себя платье: „ Геркулискъ отвѣтствовалъ на то ударами сабли, кои гонителей его повергли на

 полъ,

полѣ. „ Лѣкарь спрятался за столѣ; „ но онѣ сказалѣ ему: ты негодный „ человѣкѣ не будешь уже употреблять „ позорнаго ремесла своего; сѣ кото- „ рымѣ словомѣ вонзила ему вѣ мозгѣ „ саблю „. Тогда открыла она свой женскій полѣ, и отѣ чрезвычайна- го обрадованія Царь объявилѣ ее невѣстою и будущею супругою, но сѣ обѣщаніемѣ, чрезѣ цѣлый годѣ кѣ ней не прикасаться. „ Ибо по ея „ выдуманному показанію, обручена „ она на столько богинѣ Вестѣ, почему „ оная и заперта сѣ одною женщиною „ вѣ особливомѣ замкѣ, и вѣрный пе- „ реводчикѣ и слуга ея Тимоклей, при- „ нужденѣ былѣ жить на постояломѣ „ дворѣ, „ Дабы вѣ нужномѣ случаѣ дать ей извѣстіе о прибытіи Вла- дислава или Виликуля.

Геркулесѣ долго медлилѣ вѣ Ектабанѣ, у пріятеля своего, Князя Фарнабаза, который уговаривалѣ его кѣ терпѣнію, и совѣтовалѣ не спѣ- шить ко двору Великаго Царя. Для препровожденія времени, учреждалѣ

онѣ

онъ для него рыцарскіе потѣхи, въ которыхъ Геркулесъ появлялся въ Амазонскомъ платьѣ, и не знаючи сразился съ другомъ своимъ Владиславомъ, который съ Фабіемъ и другими друзьями изъ Падуи слѣдовалъ за своимъ сердечнымъ другомъ и увезенною своею сестрою, моремъ и сушею, съ многими опасностьми, сраженіями, и рырарскими приключеніями, а тогда слухомъ о сей Рыцарской потѣхѣ привлеченъ былъ въ Ектабану. Оба Герои въ третей стычкѣ, такъ сильно ударились что съ Коньми упали, и чуть не впали въ обморокъ. Радостное, взаимное опознаніе слѣдовало, и тогда, по малой остановкѣ отправились въ Хорасъ столицу Великаго Царя, ко освобожденію Валиски.

Первое по прибытіи ихъ туда было, осмотрѣть Королевнинъ замокъ, „Который почесть для вели„каго царя былъ малъ, но чрезмѣр„но красиво выстроенъ, окруженъ „глубокими водяными рвами, и вы-

„ сокими каменными стѣнами и баш-
„ нями; сами полаты состояли изъ
„ бѣлаго выглаженнаго мармора, съ
„ висящими покоями, кои съ наружи
„ раззолочены были цвѣтами; окны
„ изъ чистаго восточнаго кристаля:
„ кровля сіяла въ золотѣ, такъ что
„ при освященіи солнцемъ ослѣпляла
„ глаза взирающихъ. Рвы содержали
„ въ себѣ самую чистую воду, про-
„ веденную Каналами, и наполнен-
„ ную лучшими рыбами, которыя
„ Королевнѣ въ уединеніи великую
„ составляли забаву, когда она съ
„ стѣны бросала уду, и таскала
„ оныхъ на высоту къ себѣ. „ Взоръ
на свою любезную здѣлалъ въ Герку-
лесѣ толь сильное впечатленіе, что
онъ какъ бы застрѣленый упалъ къ
боку Владислава: сей и Тимоклей,
подскочили къ нему, привели его въ
чувство, и Геркулесъ сказалъ своему
удивляющемуся другу: „ Видишь ли
„ твоя сестра Королевна не увлекла
„ ли къ себѣ мою душу? Тогда ста-
„ ли они на нее смотрѣть присталь-

„ но,

„ но, и Геркулесъ не оставилъ ока-
„ зать ей учтивости по Нѣмецкому
„ обычаю, что она съ величайшимъ
„ удивленіемъ примѣтила, „ Ибо по
загорѣлымъ лицамъ не могла узнать
ни любовника ни брата. Но поданному и условленному знаку Тимоклеемъ о присудствіи ея любовника,
„ Вся кровь ея обратилась къ сердцу, такъ что упала она бездвиженія. Всѣ присудствующія женщины испужались онаго ужасно, прибѣжали съ спиртами, и раскрыли
„ ей грудь, и не могли довольно надивиться преизяществу красоты ея,
„ ибо до тѣхъ поръ скрывала она тѣло свое, какъ бы было оно настояще мущины; каковымъ цѣломудріемъ получила отъ нихъ великое
„ почтеніе, хотя считали они то и
„ за гордость. Съ четверть часа
„ прошло поколь привели ее въ память, очувствовавшисъ совсѣмъ,
„ возвела она усмѣхающіеся свои очи
„ и сказала присудствующимъ: ахъ,
„ другини мои, за чѣмъ не оставили

„ вы

„вы меня въ дѣвической чистотѣ
„моей умереть толь тихою смер-
„тію? При чемъ она увидѣла свою
„до половины обнаженную грудь,
„что ей жестоко досадило, тотчасъ
„оную закрыла, и гнѣвно говорила
„имъ: естьли послѣ сего кто обна-
„житъ меня таковымъ образомъ,
„тотъ не убегнетъ гнѣва моего и
„тяжко наказующей руки, ибо все
„что у меня есть хранится одно-
„му князю, впрочемъ ни одинъ че-
„ловѣкъ въ свѣтѣ не имѣетъ во мнѣ
„участія. Женщины съ покорностію
„просили у нея прощенія; что они
„не вѣдали, что ихъ милостивая
„государыня толь стыдливо себя со-
„держитъ, и чтобъ потому простила
„ла то, чего ужѐ впредъ не бу-
„детъ.„ Королевна вскорѣ успокоилась
ласъ, а особливо взирая на своего
Геркулеса издали посылающаго къ ней
любовные взоры, коимъ отвѣтство-
вала она равномѣрно. Она пустила
въ верьхъ будто для забавы позоло-
ченную стрѣлу, на коей написала
чер-

черными буквами понѣмецки: „Вы „любезныя сердца, пошлите ко мнѣ „пустую стрѣлу„. Стрѣла сія упала предъ Геркулесомъ, который послѣ того всякое утро пускалъ къ ней на переходы письма свои въ пустыхъ стрѣлахъ; изъ оныхъ хотя первое, для опыту любовныхъ переписокъ сего Романа, и въ позволенное прохлажденіе нрава спишемъ для нашихъ читателей. „Единый истин„ный Богъ неба и земли, препро„велъ меня здрава чрезъ разныя „опасности и нынѣ показалъ мнѣ „моей душевнолюбимой Королевны „высокожелаемый образъ; мой Влади„славъ не хотѣлъ допустить одного „меня искать, но ѣхалъ въ слѣдъ „за мною до Екбатаны, гдѣ мы „невзначай столкнулисъ, и узнали о „твоемъ любезная опасномъ состоя„ніи; понеже мнѣ въ постоянствѣ и „вѣрности моей Королевны не над„лежитъ сумнѣваться, ибо основаны „оныя больше на добродѣтели, не„жели на роскошной гордости, то ни

„водя-

„ водяные рвы, ни каменная стѣна,
„ ни осторожность стражи, ни само-
„ го Царя Артавана сила, не воспре-
„ пятствуютъ мнѣ достичь того,
„ что по Богѣ есть мое вышнее со-
„ кровище и желанie. Живите здоро-
„ рово, жизнь души моей, и примите
„ поздравленie отъ вашего, до смер-
„ ти совсѣмъ преданнаго слуги, Гер-
„ кулеса, нынѣ Валикулемъ назвав-
„ шагося.„ Вскорѣ за тѣмъ нашелъ Геркулесъ средство, подольститься великому Царю, такъ что почасту получалъ доступъ къ Королевнѣ. Произшедшее при послѣднемъ свиданiи, есть столь прекрасное, чтобы можно было внесть оное точными словами и господину придворному оберъ-проповѣднику: „Геркулесъ вскорѣ о-
„ смѣлился, и вмѣсто того что ца-
„ ловалъ только полу платья, позво-
„ лено ему было теперь полу устенъ,
„ краснокоралные лобзать губы, по
„ чему осмѣлился онъ въ самое то
„ время какъ осматривала она его
„ рану, сказать ей сie: мое вседра-

„ жай-

„ жайшее сокровище, и единый пред„ метъ всѣхъ моихъ любовныхъ же„ ланій; за чемъ имѣете вы толь „ великое сожалѣніе къ таковой малой „ ранкѣ, которыя не ощущаю я? Луч„ ще завяжите мнѣ бездальнѣйшаго „ противленія глубокую нестерпимую „ сердечную рану, кою учинили вы „ стрѣлою вашей несравненной кра„ соты, и взирайте, прошу я, что „ любовь наша ни чего непристойна„ го предпріять не можетъ, ибо су„ пружество наше заключено предъ „ Богомъ; естьли сіе сердечное про„ шеніе мое не можетъ убѣдить „ васъ, то прошу мой Ангелъ напом„ нить зделанное мнѣ по утру обѣща„ ніе, что при первомъ моемъ возвра„ щеніи въ сей покой, согласитесь вы и „ допустить мои супружескія требова„ нія. Королевна стала покрыта силь„ нымъ румянцомъ; ибо почувствовала „ справедливость его требованія, кото„ рое до тѣхъ поръ отвращать жела„ ла, и казалось не возможно ей гово„ рить съ нимъ строго. Вы, естьли

„ Богъ

„Богъ хочетъ, сказала она между
„прочимъ, и ни одинъ человѣкъ кромѣ
„васъ не вкуситъ того, что обѣщано
„вамъ еще въ дѣтскихъ лѣтахъ,
„только, естьли можно, не огор-
„читесъ принять нѣкоторую от-
„срочку „. Однако Геркулесъ пред-
ставилъ ей; „Что супружество дѣло
„христіанское и отъ самого Бога о-
„предѣленное состояніе, въ которое
„мы хотя благословляемся отъ цер-
„ковныхъ учителей; но понеже она-
„го въ семъ мѣстѣ имѣть не льзя,
„то прибегнемъ къ Богу съ прилѣж-
„нымъ моленіемъ о щастіи и благо-
„словеніи, и во имя Божіе исполнимъ
„наше супружество. Королевна по-
„тупиласъ стыдливо, сказала, что
„ей не возможно болѣе терпѣть его
„недовѣрчивость, хотя желательно
„намѣревалась отложить оное до ща-
„сливаго своего освобожденія; но по-
„неже ему какъ супругу должна по-
„виновеніемъ, предается она ему въ
„томъ со всякою надлежащею покор-
„ностію; послѣ того приступили

„они

„они къ столу, обѣщались вновь „въ любви и нещастіи другъ друга „не оставлять, и съ сего дня счи-„тать бракъ свой заключеннымъ; „и такъ произвели утвержденіе су-„пружества своего въ страхѣ божі-„емъ, и пребыли три часа въ та-„ковой забавѣ другъ съ другомъ„. Какъ Геркулесъ увезъ свою законную супругу, какія битвы за тѣмъ слѣдовали, и какъ отецъ его и Европейскіе его друзья прислали во множествѣ помошныя войска, кои нашъ романо-писатель безъ великаго труда изъ Нѣмецкой земли, Богеміи, Палуи и прочихъ за Ефратъ переправляетъ. —— Сего касаемся мы для продолженія нашего повѣствованія только легкимъ словомъ.

Въ пятой книгѣ продолжаются кровавыя сраженія. —— Ибо сто двѣ тысячи человѣкъ больше, или меньше сочинителю на письменномъ его столѣ безделица. —— Съ равнымъ щастливымъ послѣдствомъ съ стороны нашихъ Рыцарей: которые

наконецъ уставши драться, возвращаются съ богатою добычею въ домы. Въ Ерусалимѣ разрѣшается Валиска сыномъ, который при крѣщенiи получаетъ имя Геркулиска.

Въ Падуе тогда находилисъ Геркулесовъ братъ и Князь Шведскiй, освободившiе нѣсколькихъ увезенныхъ прiятельницъ нашихъ Героевъ изъ разбойническихъ пещеръ. Возвращаясъ встрѣтилисъ они съ сими выѣхавшими для освобожденiя тѣхъ госпожъ, вызвали оныхъ на поединокъ, но вскорѣ опозналисъ, и тѣмъ большая учинилась радость. Новыя влюбленiя и новыя свадьбы, турниры и другiя торжества. Геркулесъ и Владиславъ побѣждаютъ въ сраженiи многоглаголивыхъ Панонцовъ, и объявлены отъ Симскаго Императора вольными Князьями Нѣмцовъ и Богемцовъ, Панонцы желали отмстить Геркулесу и Владиславу на пути ихъ въ Прагу, но получили худый прiемъ.

Печальныя вѣсти. Венды напавъ, увезли родителей и сестру Геркулесовыхъ. Сіе ускорило отѣздомъ его въ Нѣмецкую землю. Непріятельское войско достижено, побито; но Арбіанъ Мидскій Геркулесу преданный господинъ, любящій сестру его, въ разсужденіи коварныхъ народовъ не могъ безопасно проѣхать съ Княжною въ воинскій станъ, для чего слѣдовалъ окольными дорогами; и препроводилъ нѣсколько дней у крестьянина на сѣнѣ, гдѣ открылъ любовь свою Княжнѣ, „ обнималъ ее „ съ сердечными почтительными по„ цалуями, коихъ нѣсколько отпла„ чено ему съ цѣломудренною стыд„ ливостію „, и получилъ склонность: (явленіе, которое гридировщикъ Вехтеръ не счелъ неприличнымъ вырѣзать въ лицахъ.) Въ семъ же ночлегѣ сдѣлалъ онъ ей наставленіе въ Христіанскомъ законѣ, и выучилъ молитву отче нашъ. Ибо страхъ Божій и попеченія любовныя слѣдуютъ во в ей книгѣ неразлучно. По-

 жаръ

жаръ разлучаетъ ихъ обоихъ въ послѣдствѣ пути: Княжна Клара сражалась съ насильственниками и другими нападеніями, а Арбіанъ съ невольничествомъ и разбойниками. Наконецъ встрѣтились они, достигли своихъ родственниковъ, и учинились супругами. Геркулесъ завоевалъ Фрисландію, и укротилъ своихъ возмущенныхъ языческими жрецами подданныхъ, которыхъ начальниковъ большая часть казнена, при чемъ Княгиня Валиска имѣла случай съ своего слона говорить чудно прекрасную рѣчь въ совершенномъ поповскомъ слогѣ противу бунтовщиковъ: „ Божіею милостію, я Валиска и прочая „.

Новыя безпокойства, привидѣніями возвѣщенныя, новыя кровопролитія, увезенія, побоищи, и прочая, и прочая, при чемъ самъ Геркулесъ, Владиславъ и другіе Князья попадаютъ въ плѣнъ, или въ опасность попасться во оный, составляютъ содержаніе восьмой книги, но которая

радо-

радостнѣе кончится, нежели можно бы ожидать по кровавому ея началу. Ибо плѣнники и Герои сходятся изъ всѣхъ мѣстъ свободны, просты и яко побѣдители. Они расказываютъ свои приключенія и опасности. Между прочими Арбіанъ выдержалъ искушеніе отъ лукаваго сатаны, который въ видѣ нищенскомъ чрезъ тончайшія безбожническія основанія искалъ поколебать его въ вѣрѣ, но отъ Арбіана толь хорошо опровер-женъ, что наконецъ... наше мѣсто свято.. отъ ярости въ дракона, въ десять слоновъ величиною обратился, и съ зловоніемъ изчезъ. Какъ сочинитель въ своихъ побоищахъ толь жестоко свирѣпствовалъ надъ человѣческою кровію, то и не удивительно, что при концѣ толь истинную повѣсть выдумалъ въ прибавокъ. „Нѣсколькія молодыя Ко-„ролевы и Княгини рождаютъ нѣ-„сколькихъ молодыхъ Государей„ и все дѣло заключается совершен-

 нымъ

нымъ введеніемъ повсюду Христіанскаго закона.

Здѣсь мои читатели имѣютъ вѣрнѣйшее сокращеніе Романа, не больше какъ въ 1793 четвертныхъ листа толщиною книгахъ и въ которыхъ притомъ въ свое время было совершенство и любимое читаніе знатныхъ и подлыхъ. Онъ содержитъ еще выраженія звону временъ, въ которыя онъ писалъ; и такъ простимъ мы его вкусу, котораго по мѣстамъ представилъ я начертанія.

3.

КРУГЛЫЙ СТОЛЪ.

Рыцарство круглаго стола и онаго повѣсть есть древнѣйшее изъ цѣлаго ордена странствующихъ Рыцарей. Дѣла и приключенія знатнѣйшихъ сего членовъ предложу я тѣми выписками, кои Графъ Трессанъ и другіе разные ученые въ рѣдчайшихъ рукописаніяхъ сообщили въ Bibliothèque vniuerſelle des Romans, и изъ которыхъ господинъ Виландъ въ немецкомъ Меркуріи съ свойственною ему способностію и пріятностію въ стихахъ преложилъ. Мы здѣлаемъ начало двумя первыми книгами, книгою Мерлина и Романомъ Короля Артуса, кои здѣсь во одно слиты. Но прежде предложимъ читателямъ нашимъ именованіе круглаго стола и его Рыцарей. —— Мерлинъ, славный волшебникъ былъ онаго учредитель, онъ здѣлалъ въ Кардуелѣ круглый столъ, на который истощилъ

щилъ все свое искусство. Между стульями было тринатцать, въ честь Апостоловъ. На двенатцати только стульяхъ могли засѣдать, и то Рыцари извѣстные, очень великой славы. Третійнадесять представлялъ предателя Іуду, и былъ всегда празденъ. Называли оный „Опасное сѣ„далище„, съ тѣхъ поръ какъ дерзкій и напыщенный Срацинскій Рыцарь дерзнувши на оный сѣсть, пожренъ былъ разступившеюся подъ стуломъ землею. На одномъ концѣ стола было мѣсто для Святыя Чаши, которая въ повѣсти сего стола великую играетъ роль, и будто бы оная была тотъ святый сосудъ, употребленный Спасителемъ при тайной вечери, который потомъ взятъ Іосифомъ Аримаѳейскимъ въ сохраненіе, и наполненъ кровію изъ ранъ Христа Бога. Сей святый сосудъ дѣлалъ великіе чудеса, и дошелъ наконецъ въ Сокровищницу Короля Рыбаковъ, изъ коего рукъ освобожденъ Перцевалемъ. Волшебная сила надписы-

вала

вала на каждомъ стулѣ имя того Рыцаря, который оной получитъ. Когда опростается смертію Рыцаря, преемникъ долженствовалъ превосходить предшественника своего храбростію и великими дѣлами, въ противномъ же случаѣ невидимою силою съ жестокостію былъ сталкиваемъ. Сей былъ опытъ, которому слѣдовало всѣмъ требователямъ подвергаться. Естьли новый Рыцарь заслуживалъ мѣсто, имя стараго сочлена заглаждалось, и его оказывалось на томъ мѣстѣ. Рыцари круглаго стола не носили наружныхъ признаковъ своего ордена. Слава ихъ дѣлъ замѣчала оныхъ довольно, сверьхъ того каждый примѣтенъ былъ по щиту своему и надписанной пословицѣ.

1. Король Артусъ, великій мастеръ ордена носилъ въ щитѣ тринатцать золотыхъ коронъ, и пословица его была: ,, Много Коронъ, не ,, больше добродѣтелей ,,. 2. Ланцелотъ Морской, шесть золотыхъ

и лазуревыхъ лентъ; пословица: „Великъ природою, храбростїю и „любовїю„. 3 Братъ его Гекторъ Морской золотую звѣзду подъ вышеписанными лентами; пословица: „Для щастїя потребна только одна „прекрасная звѣзда„. 4. Бодрый Лїонелъ ихъ братъ дворюдный, усыпанныя звѣздами ленты; пословица: „На небѣ больше одной звѣз„ды„; Дабы показать что онъ не такъ какъ Гекторъ не одну даму, но многихъ вдругъ почитаетъ. 5. Гавикъ Оркранскїй, старшїй сынъ Короля Лота и сродникъ Артусовъ, двоеглавнаго орла; пословица: „На „высоту орелъ„. 6. Его вторый братъ, Агревинъ, тогожъ орла, взирающаго на солнце; пословица: „Меня ни что не изумляетъ„. 7. Его третїй братъ Галеридъ, тогожъ орла вооруженнаго молнїею; пословица: „Ему надлежатъ оною поверг„нуть„. 8. Его четвертый братъ Галеретъ, тогожъ орла въ багряномъ полѣ съ перетянутою алою лен-

лентою; пословица: „ Удержанный „ орелъ еще страшнѣе „. И прочая. Но пространно бы было описывать всѣхъ 32 Рыцарей, по чему мы заключаемъ послѣднимъ, историкомъ, Арродіаномъ Келнскимъ, который такъ же Рырарь, и смотрѣлъ вблизи побоищи, дабы лучше оныя, описывать: онъ носилъ серебряного пѣтуха съ золотымъ гребнемъ, носомъ и ногтями, и съ надписью: „ Онъ имѣетъ перья, носъ и ногти „.

Мудрый Мерлинъ самъ сочинилъ законы и учрежденія сего свѣтлѣйшаго ордена. Ни кто не могъ быть допущенъ во оный, не оказавъ опыта силы и храбрости своей, опыты толь чрезвычайные, кои намъ нынѣ невѣроятны кажутся, однако въ Артусовы времена нашлосъ пятдесятъ Рыцарей онымъ удовлетворившихъ. Долженствовало быть во многихъ сраженіяхъ, копія-ломаніяхъ и самыхъ важныхъ поединкахъ и всегда остаться побѣдителемъ. Рыцари, принятые въ орденъ, могли

гли ломать между собою копья, для испытанія силы, но въ правдивые поединки, и сраженія оружія. вступать дозволялось имъ только противу непріятелей и постороннихъ. Отнять Рыцарю у Рыцаря его даму, было уголовное преступленіе. Равномѣрно запрещено имъ было женщинѣ поцалуй или иный любовный знакъ оказать противу воли, исключая, естьли противленія ея не были истинны. Требуемое дамою отъ Рыцаря, долженствовалъ исполнять, и съ радостію жизнь и кровь за нее отваживать, а особливо, естьли касалось то до защищенія чести женщины; ибо честь сія такъ крѣпко имъ повѣрялась, что законъ молчаливости о оказаніи отъ нихъ благосклонности надлежалъ къ освященнѣйшимъ правамъ круглаго стола, и ложъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ Рыцарю строго запрещаемая, а въ случаѣ семъ была дозволительна.

Дьяволы негодовали, что сынъ Божій низшелъ въ ихъ адъ, и свободилъ

дилъ изъ онаго ихъ жертвы, заключили по тому одного изъ себя имѣющаго даръ превращенія, послать на землю, и родить на оной младенца, который бы принялъ ихъ свойство, по ихъ волѣ дѣйствовалъ, и злобою своею, либо совсѣмъ, или хотя отъ части уничтожилъ великое дѣло избавленія человѣческаго рода. Посланный дьяволъ дѣлалъ честь выбору своей собратіи, и началъ дѣло толь хитро, что въ Великобританіи въ одномъ домѣ, въ который водворился, жену искусилъ, сына умертвилъ, и мужа вогналъ въ гробъ съ печали. Еще осталисъ три дочери, изъ коихъ двухъ онъ такъ же искусилъ, а третья всѣ покушенія его добродѣтелью свою учинила безплодны. Наконецъ удалосъ ему соблазнить оную во снѣ, и бѣдная дѣвица очревате-ла. Она расказала приключеніе свое святому мужу, который во очищеніе приказалъ ей пить святую воду и дѣлать покаяніе. Судьи зачали о ней слѣдовать, и хотѣли осудить на смерть,

смерть; но представленію святаго мужа Власія, ждали разрѣшенія ея. Мерлинъ, который лишъ только родился, тотчасъ началъ говорить, и тѣмъ спалъ жизнь своей матери, ибо главному судьѣ явственно доказалъ, „Что онъ, Мерлинъ своего истин„наго отца лучше знаетъ, нежели „онъ главный судья своего:„ Сей долженствовалъ по тому для пощады собственной родителницы Мерлинову мать простить. Въ то время жили три сына Короля Великобританскаго по имени Муанесъ, Пандрагомъ и Утеръ. Король при смерти своей повѣрилъ опеку надъ старшимъ изъ нихъ и наслѣдникомъ короны Рыцарю Вертигеру, который измѣнилъ, и самого себя велѣлъ въ Короли избрать. Боясъ чувствительности обоихъ прочихъ братьевъ, обратилъ онъ всякое прилѣжаніе на построеніе очень высокой и крѣпкой башни, но не взвели оныя ни трехъ саженъ, какъ оная до нѣсколько разъ опровергаласъ, такъ что не могли най-

найтить противу сего способа. Король спрашивалъ совѣта у ученыхъ и не ученыхъ, но тщетно. Семь звѣздочетовъ, коихъ призвалъ онъ въ совѣтъ, нашли по искусству своему хотя не причину опровержения башни, но достовѣрность, что жизни его предстоитъ великая упасность отъ младенца, рожденнаго женщиною безъ сообщения мужескаго. Почему дали они Королю въ отвѣтъ, башня его не упадетъ ужѐ, естьли основание камней обольетъ кровию младенца, не имѣющаго земнаго отца. Король разослалъ вѣстниковъ по всѣму своему государству провѣдывать о таковомъ младенцѣ, которымъ Мерлинъ добровольно предался, и прибывъ, открылъ Королю явственно ложь звѣздочетовъ и причину падения башни, показавъ, что не твердость башни происходитъ отъ двухъ великихъ Драконовъ, желающимъ между собою сразиться. Позорище, къ коему Король велѣлъ пригласить свое дворянство. Онъ предалъ Мерлину Астро-

Астрологовъ, который ихъ простилъ; и оказалъ себя многими другими предсказаніями, кои въ свое время всѣ вѣрно исполнисъ.

По смерти Вертигера, коего оба Королевскіе сыновья сожгли въ его замкѣ сталъ Королемъ Пандрагонъ, премудрость Мерлинову выше всего почитающій. Онъ убитъ въ сраженіи, Утеръ вступилъ на престолъ подъ именемъ Пандрагона. Онъ велѣлъ своему брату, коего тѣло, чрезъ волшебство перенесено изъ Ирландіи въ Салисбургъ, въ ономъ графствѣ съ помощію Мерлина построить преогромную надгробницу изъ неслыханной величины камней, коя и по нынѣ еще видима. Для него жъ Мерлинъ сдѣлалъ славный круглый столъ. Онъ помогъ ему въ склонности къ Игернѣ супругѣ Герцога Тинтадиля, которыя добродѣтель, не взирая на горячую Королевскую любовь, оказывала жестокое супротивленіе. Наконецъ далъ Мерлинъ Королю видъ Герцоговъ, въ кото-

которомЪ появился онЪ ко его супругѣ, во время какЪ ГерцогЪ былЪ вЪ походѣ протиеу непріятелей. Обманутая госпожа приняла его на ложѣ, и очревалѣла АртусомЪ. Вскорѣ за тѣмЪ убитЪ ГерцогЪ вЪ сраженіи, и Король женился на прекрасной Игернѣ, не сказывая ей никогда о ночномЪ приключеніи, ибо МерлинЪ ему то накрѣпко заказалЪ. ОнЪ явилЪ себя удивляющимся о скорой ея беременности, и по разрѣшеніи АртусомЪ, велѣлЪ младенца отдать первому человѣку, котораго наѣдутЪ при входѣ вЪ залЪ: сей мужЪ назывался АнферЪ.

УтерЪ умерЪ безЪ наслѣдниковЪ, и какЪ не вѣдали, что АртусЪ сынЪ его, подало сіе случай кЪ междуцарствію, поколь подЪ рождество христово, нашли предЪ дверьми церковными марморный столЪ сЪ железною наковальнею, между коими твердо сжатЪ былЪ мечь. Корона обѣщана тому, кто оный вытащитЪ. АрхіепископЪ выбралЪ 201 сильныхЪ

 му-

мужей, кои тщетно въ томъ покушались; напослѣдокъ пришелъ Артусъ, и вытащилъ мечь безъ дальняго труда, который потомъ остался любимымъ его мечемъ, и Ескалиборомъ назывался, и коему ни что противу стать не могло. Онъ возглашенъ Королемъ, и съ начала имѣлъ многiя брани съ нѣсколькими баронами Логрскими, непризнававшими выборъ его дѣйствительнымъ. Онъ побѣдилъ ихъ всѣхъ, при чемъ знамя его, состоявшее въ мѣдномъ драконѣ, огонь изрыгающемъ, и превеликiй хвостъ имѣющемъ, художества Мерлинова, великiе оказало услуги, ибо оное зажгло непрiятельскiй станъ воинскiй, и распространило всюду страхъ и ужасъ. По многимъ другимъ побѣдамъ, коимъ пособлялъ съ стороны своей Мерлинъ, изчезъ наконецъ мудрый волшебникъ, и ни гдѣ его больше не видали. Гавинъ и прочiе Рыцари круглаго стола искали онаго повсюду, но понапрасну. Слышали только голосъ его, въ нижней

ней Британіи, въ лѣсу Броцеліандскомъ, изъ заросшаго бѣлымъ терновникомъ грота, гдѣ онъ невидимъ силою очарованія запертъ находился, чему самъ онъ научилъ пріятельницу свою Вивіану, и которая, не вѣря сама тому, извѣдала сіе, надъ Мерлиномъ безъ его спроса. Исполнилось оное толь нещастно, что ни Мерлинъ, ни самая Вивина не въ состояніи были отвратить чародѣйство. Славныя пророчества сего древняго Волхва напечатаны особливо, и отъ преученаго монаха Алана островскаго истолкованы, потомъ въ Франкфуртѣ Манискомъ въ 1608 году подъ заглавіемъ, Ambrosii merlini Britanni vaticinia изданы. Въ новѣйшія времена память Мерлинова возобновлена отъ Королевы Каролины, возстановленіемъ его грота въ звѣринцѣ Рихмондскомъ и груднаго его истукана.

Между войнами Короля Артуса не должны мы забыть помощь его, оказанную Лаодаганту Королю Кармелид-

мелидскому, когда сей отъ тиранна Ріона былъ нападенъ и осажденъ. Ріонъ былъ толь лютъ, что заключилъ подбить себѣ плащъ бородами Королей, коихъ побѣдилъ. Онъ вымѣрялъ съ великимъ надзирателемъ своего Гардероба, что на подпушку добраго и просторнаго Королевскаго плаща потребно сорокъ боролъ, и какъ до того побѣдилъ онъ только пять Королей, то уповалъ, что Лаодагантова борода составитъ шестую. Однако Артусъ и Рыцарство его учинили намѣреніе сіе толь суетнымъ, что воинство его разсыпано, и самъ онъ принужденъ бѣгствуя, бродить повсюду. Прекрасная Лаодагантова дочь славная Геніевра была мзда побѣды Королю Артусу; Мерлинъ сваталъ оную за Артуса у отца ея, и получилъ. Геніевра, говоритъ Романо писатель, была совершеннѣйшая и любезнѣйшая Принцеса на земли; изряднаго и прекраснаго роста, прелестнѣйшаго лица, бѣлаго но живаго цвѣта,

розо-

розовыхъ смѣющихся устенъ, съ пригожими голубыми очами, пламеннаго и гордаго взора, но иногда нѣжнаго; таковы были преимущества тѣла, съ коимъ сообщались правомыслящій и очищенный духъ и сердце, которое при чувствительности и сожалѣніи своемъ, способно было къ возвышеннымъ намѣреніямъ. Брачное торжество совершено въ величайшемъ празднествѣ. Между прочимъ турниръ привелъ Рыцарей отъ всѣхъ дворовъ. Самъ Артусъ сражался на ономъ противу каждаго противника. Онъ умертвилъ вызвавшаго незнакомаго Рыцаря, въ коемъ послѣ узнали Короля Ріона, пришедшаго мстить за стыдъ своей побѣды. Подъ латами его нашли плащь съ пятью Королевскими бородами. Король Лаодагантъ запретилъ сему варвару честь погребенія, но оказалъ оную плачевнымъ остаткамъ Монарховъ, бывшихъ жертвою его лютости.

Не за долго предъ тѣмъ, какъ возвращался Артусъ съ супругою въ

свое государство, произошло приключеніе, которое въ началѣ не уважали, но кое въ послѣдствѣ великія безпокойствія причинило. Въ городѣ Кармелидѣ жила прекрасная дѣвка, имѣвшая совершенное сходство съ Королевою Геніеврою. Нѣкоторые Вельможи, ревнующіе Артусову щастію, вздумали сію дѣвку подменить вмѣсто настоящей Геніевры, кою увезти помышляли. Но глубокое Мерлиново знаніе и осторожность уничтожили ихъ предпріятіе, и заговорщики обращены въ бѣгство. Новобрачные отъѣхали въ Британію, гдѣ по пріѣздѣ своемъ нашли круглый столъ, искусствомъ волшебника туды принесенный. Столъ сей распространилъ славу Артусову во всѣхъ частяхъ свѣта. Короли Ирландскій, Шотландскій, Новержскій, Дацкій, и другіе Великіе Князи и Владѣльцы приходили къ подножію Артусова престола. Самъ Фарамундъ повелитель Франковъ, и побѣдитель Галловъ, сражался яко незнакомый

Ры-

Рыцарь на его турнирахъ, и оказалъ себя толь храбро и толь вѣжливо противу дамъ, что не льзя было ему отказать мѣста въ кругломъ столѣ. Не прежде отъѣзда его узнали про его имя, которое онъ запечатавъ оставилъ историку Орденскихъ повѣстей.

Завоеванiе святаго сосуда, упражняло тогда Артуса найболѣе. Но, по провѣщанiю оракуловъ, не можно было сiю драгоцѣнную святыню завоевать, кромѣ Рыцаря сохранившаго свое дѣвство. Между всѣми Героями двора Королевскаго нашелся единый Рыцарь Перцеваль, могущiй хвалиться симъ рѣдкимъ преимуществомъ. Онъ назначенъ предводителемъ, и святые достались въ его руки. Подробность сего славнаго завоеванiя составляетъ предметъ двухъ Романовъ, подъ заглавiемъ первый: походъ за святымъ сосудомъ; а второй: Романъ Перцеваля Гальскаго.

Но между тѣмъ какъ часть Рыцарей упражнена была въ семъ предпрiя-

пріятіи, дошелЪ АртусЪ сЪ оставшими великихЪ безпокойствЪ. Король получилЪ письмо, подписанное Геніеврою дочерью Короля Лаодаганта, и коего сочинительница утверждала, что она настоящая Геніевра, а Королева подложная. Читатели вспомнятЪ о дѣвкѣ, толь сходной. сЪ Геніевою, о которой сказано выше; однако АртусЪ не ожидалЪ обмана, предался оному на нѣсколько, взялЪ ложную Геніевру, и подлинную заперЪ вЪ зáмокЪ, гдѣ потребно для ней было все мужество, усердіе и искусство Ланцелота морскаго, дабы доказать ея невинность. Сію любопытную повѣсть удерживаемЪ мы расказать читателямЪ вЪ приключеніяхЪ Ланцелота, наконецЪ прекрасная и истинная Геніевра оправдалась, и свѣту извѣстно какое нѣжное чувствованіе благодарности удержала она кЪ Ланцелоту, и коего знаки бодрый Рыцарь принималЪ со всякою молчаливостію, по обя-

обязательствамъ законовъ круглаго стола о благосклости дамъ.

Миръ и согласіе владычествовали опять при дворѣ Артусовомъ, но недолго. Мордетъ, сынъ Артусовъ, плодъ нещастнаго заблужденія Короля сего и прекрасной Королевы Орканской, овладѣлъ престоломъ Короля Лота, ко вреду Гавина, старшаго сына, и его обоихъ братьевъ. Артусъ защищалъ право своихъ родственниковъ, противу сего недостойнаго сына, къ коего знаменамъ пристали всѣ недопущенные въ орденъ круглаго стола; ибо не доставало онымъ потребныхъ свойствъ. Часть Рыцарей отсудствовала съ Перцевалемъ для завоеванія святаго сосуда, остатокъ защищался съ храбростію соразмѣрною славѣ ихъ, дѣламъ и ордену. Но послѣ неслыханныхъ сраженій и невѣроятныхъ подвиговъ, побѣжденъ Артусъ и его Рыцарство. Срацины, помогающіе Мордрету, пробилисъ до войскъ предводитель-

 ству.

ствуемыхъ Артусомъ. Множество осилило, и онъ самъ смертельно раненъ. Вѣрный оруженосецъ его, Гаифледъ, видя что онъ ужѐ умеръ, взялъ добрый мечь его Ескалиборъ, и бросилъ въ море, отъ куду онаго ужѐ не выняли. Бліомберъ, Ліонкелъ, и много другихъ погибли въ сраженіи, за тѣмъ слѣдовавшимъ. Ланцелотъ морской, во время сего произшествія, напалъ на баталіонъ, въ коемъ Мордретъ самъ присудствовалъ, обратилъ въ бѣгство, и гналъ до морскаго берега; наткнулся на Мордрета, пронзилъ его мечемъ въ сердце, истребилъ всѣ войска вѣроломнаго и возвращался съ побѣдою, къ шатрамъ Артусовымъ. Коль велика была печаль его, при узнаніи судьбы сего Государя. Въ отчаяніи напалъ онъ на оставшія непріятельскія толпы, и не упустилъ ни единыя души. Король и побитые Рыцари воспріяли почтительное погребеніе, и Принцъ Константинъ, ближній

жній наслѣдникъ короны посажденъ на престолъ.

Естьлибъ прекрасная Геніевра захотѣла остаться въ свѣтѣ и на престолѣ, нѣтъ сумнѣнія, чтобъ Ланцелотъ не защитилъ ее на ономъ и не раздѣлилъ его съ нею. Но сія Государыня пошла въ монастырь, и въ послѣдствѣ вошло сіе въ законъ всѣхъ храбрыхъ и свѣтлѣйшихъ Рыцарей. Онъ учинился пустынникомъ, и братъ его Гекторъ морской, помогавшій ему въ побѣдѣ надъ Мордретомъ участвовалъ въ его кроткомъ вознамѣреніи. Перцеваль возвратившійся увѣнчанъ честью завоеванія С. сосуда, вскорѣ томужъ послѣдовалъ. Арродіанъ, лѣта и повѣстей писатель круглаго стола, окончалъ свое писаніе, и убѣжалъ въ туже пустыню.

Въ семъ состоитъ краткая повѣсть круглаго стола, изъ коей въ послѣдующихъ частяхъ предложимъ мы приключенія нѣкоторыхъ славныхъ

ныхъ Рыцарей, сокращеніе оныхъ будетъ пріятнѣе для нашихъ читателей, нежели сіе продолженіе, которое только объясняетъ. Впрочемъ; „Какъ вся повѣсть Короля „Артуса и круглаго стола, говоритъ „господинъ Виландъ, такъ же и по„вѣсть Мерлинова неоспоримо есть „нѣчто истинно бывшее, но различ„чить во оной истинну, отъ басно„словнаго, былъ бы можетъ трудъ „напрасный„.

II.

РОМАНЫ НАРОДНЫЕ.

По всѣму свѣту прославившагося Архичернокнижника и волшебника де Іоанна Фауста, учиненное съ дьяволомъ обязательство, и страшно воспріятый конецъ, въ новь пересмотрѣнные, въ пріятное сокращеніе приведенные, и всѣмъ отличнымъ грѣшникамъ въ сердечное увѣщаніе и обличеніе въ печать изданные, отъ христіански мыслящихъ.

Франкфуртъ и Лейбцигъ въ 8.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Непростительно бы было, естьли бы мы начало сихъ сказокъ не учинили честнымъ м. Фаустомъ, коего нравоучительная повѣсть была первая употребительная книга простаго народа, и въ Ниренбергской фабрикѣ сего разбору имѣетъ знакъ номера 2. Она переведена даже и на Французскій языкъ, и ученымъ страны тоя столькожъ приключила смѣху какъ и нашимъ природнымъ. Нѣкоторые изъ первыхъ нашихъ головъ старались, вывесть оную на театръ, на которомъ она съ

съ непамятнымъ временемъ въ весьма не правильномъ видѣ находилась. Лессинговъ докторъ Фаустъ былъ первый; явленія онаго находятся въ письмахъ о литературѣ: Живописецъ Миллеръ свое напечаталъ расположеніе, но Гетенсовъ Фаустъ еще рукописный, Романцъ и нѣкоторые другіе пѣсни во ономъ отъ господина Камергера Фонъ *** въ Венмарѣ положены на музыку. И такъ ни одинъ изъ сихъ докторовъ Фаустовъ не окончанъ и обществу не предложенъ. „Мы посмотримъ, говорилъ одинъ изъ „сихъ сочинителей, котораго чортъ воз„метъ„!

РОМАНЪ.

Иванъ Фаустъ родился въ Аглинскомъ мѣстечкѣ Сондвелелѣ отъ праведныхъ, но бѣдныхъ крестьянъ. Онъ имѣлъ въ Виттенбергѣ богатаго дядю, который его воспиталъ и послалъ въ Инголстадъ въ академію, гдѣ онъ по остротѣ своей много успѣлъ. Но вдругъ промѣнялъ онъ богословское ученіе на лѣкарскую науку, и какъ находилъ онъ склонность къ быв-

бывшимъ тогда во обычаѣ заклинаніямъ заговорамъ и изгнаніямъ дьявола, предвѣщаніямъ при рожденіи и прочая, то приставалъ онъ къ Цыганамъ, и другимъ въ сихъ легкомысленныхъ искуствахъ обращающимся людямъ, и не пропускалъ въ большіе праздники при восхожденіи солнца употреблять разсвѣтъ, crepusculum matutinum. Вскорѣ ославился онъ хорошимъ предвѣщателемъ и искуснымъ сочинителемъ календарей, и чрезъ три года получилъ докторскій чинъ. Дядя его умеръ послѣ того скоро, а Фаустъ видя себя владѣтелемъ его имѣнія, предался всякому мотовству; и тотъ часъ увидѣлъ конецъ своимъ деньгамъ. Онъ выдумалъ къ тому средство, чрезъ обязательство съ дьяволомъ спасти себя отъ недостатка. Онъ купилъ всякіе Астрологическіе, Хиромантическіе, Нехромантическіе и подобные рукописи, коихъ по смерьти его нашли великое множество; и испытуя часы своего рожденія и тогдашее вліяніе

 звѣздъ,

звѣздъ, нашелъ что духи къ нему отмѣнно были благосклонны. Больше утвердившее его воономъ было, что онъ по нѣсколько разъ сряду видѣлъ въ комнатѣ своей ходящіе по стѣнѣ чудные стѣни, и ночью не однократно, будто бы лѣтающія чрезъ постелю его свѣчи, такъ же иногда тихо говорящіе голосы слыхалъ. Но не имѣлъ онъ сердца вопросить сихъ духовъ, и надѣялся чрезъ умножительное стекло, купленное имъ у славнаго оптичесчихъ дѣлъ мастера Христофа Хайлингерна, еще болѣе получить объясненія. Напослѣдокъ въ ясный день вышелъ онъ на перекрестокъ, гдѣ сходилисъ пять дорогъ, и провождалъ тамъ послѣ полуденное время, потомъ онъ приготовилъ свои волшебные круги и поясъ, и ставъ въ самый среднiй кругъ въ полночь въ Спезартскомъ лѣсу началъ свои заклинанія. Вдругъ побѣжалъ мимо его огненный шаръ, который близъ черты разсѣлся, потомъ стала великая буря, и скакали мимо его

его колѣсницы, покрывшія всего его пылью, что привело его въ таковый ужасъ, что желалъ бы удалиться. Однако напослѣдокъ сверьхъ всякаго чаянія, усмотрѣлъ ходящее около круга привидѣніе, которому онъ закричалъ: „Хочетъ ли онъ ему слу„жить или нѣтъ„; Въ чемъ духъ обѣщался, естьли Фаустъ согласится на нѣкоторыя условія, о чемъ на утріе въ домѣ его хотѣлъ поговорить. Послѣ того выступилъ Фаустъ изъ круга, и пошелъ во ожиданіи приходящихъ вещей въ домъ свой.

Въ полудни явился духъ въ Фаустовой комнатѣ, и занялъ мѣсто за печью. По повтореннымъ Фаустовымъ заклинаніямъ, оказался онъ въ видѣ человѣческой головы, съ низкимъ поклономъ. Фаустъ разсердился что оный не подходитъ ближе, и угрожалъ сильнѣйшими заклинаніями, которое лукавому непріятно быть казалось, ибо онъ въ то мгновеніе повиновался. Вся комната наполнилась огнемъ, и духъ видимъ

димъ сталъ съ человѣческою головою, но по всему тѣлу косматъ, какъ медвѣдь, такъ что Фаустъ принужденъ былъ просить его опять за печку удалиться. По чему спросилъ онаго, не можетъ ли онъ принять на себя не толь страшный образъ? Но духъ отрекся, за тѣмъ что онъ не слуга, но Князь адскій. Однакожъ обѣщалъ ему прислать другаго бѣса, могущаго появиться одѣтымъ почеловѣчески. Тогда предложилъ ему слѣдующіе пункты къ подписанію: 1 Бога и всего небеснаго воинства отречся. 2 быть врагомъ всѣхъ человѣковъ, а особливо тѣхъ, кои пожелаютъ наказать его за злую жизнь; 3 въ число которыхъ особливо надлежитъ духовенство, оныхъ ему не слушаться, 4 въ церковь не ходить, ни святымъ тайнамъ пріобщаться, 5 супружество ненавидѣть, и во оное отнюдъ невступать. Въ награжденіе за сіе обѣщалъ ему всѣ забавы, какіе только вздумать можно чрезъ цѣлую жизнь

его

его доставлять, и учинить искуснымъ и славнѣйшимъ мужемъ. Дьяволъ исчезъ; а Фаустъ отворилъ жилу, и написалъ своею кровію и собственной рукою договоръ, согласуясь на вышесказанные пункты, и предая себя на 24 года „земному Богу „какъ обыкъ называть дьявола глу„пый простый народъ„, таковымъ образомъ, что дьяволъ по прошествіи онаго времени, по сему его обязательству, можетъ напасть на душу его и тѣло, и управлять оными какъ хочетъ, и чтобы ни учители слова Божія, ни Фаустово покояніе, ни священное писаніе въ томъ ему не попрепятствовали. Едва засохло рукописаніе, Велзевулъ ужѐ подхватилъ оное, явясь совсѣмъ въ иномъ видѣ, и обѣщалъ еще прислать къ нему вышепомянутаго свѣдущаго и ученаго бѣса, сей и предсталъ въ вечеру, жалуясь на Фауста, потóмъ какъ сей ему сѣсть приказалъ, что онъ лишилъ его всей знаменитости, и учинилъ человѣческимъ дѣтищемъ?

Однако, понеже онъ духъ домовый, и охотникъ къ обществу съ человѣками, то будетъ ему вѣрно служить, и слѣдуетъ ему, когда понадобится, только кликнуть Мефистофиля; онъ будетъ не отлученъ. Женщину близъ себя имѣть онъ можетъ, но не дѣвицу. Всѣмъ онымъ Фаустъ съ начала былъ доволенъ, но во второй разъ зачалъ не довѣрять, и хотѣлъ духу нацепить колокольчикъ, чтобъ слышить приходъ его. Но чорту сіе не понравилось, и противился оный толь жестоко, что Фаустъ принужденъ былъ перемѣнить мысли.

Теперь началъ Докторъ прежнюю свою роскошную жизнь съ новыми и неисчерпаемыми помощными средствами. Надлежало ему только о желаемомъ положить на столъ записку, то поутру все въ надлежащее время было готово. Онъ часто разговаривалъ съ господиномъ Мефастофилемъ о состояніи духовъ, о участи грѣшниковъ и прочемъ, о чемъ сей, яко свѣдущій и ученый

бѣсъ

бѣсъ подробно и основательно говорить могъ, и тѣмъ еще умножилъ Фаустову душевную скорбь, но однако не могъ онъ вознамѣриться къ покоянію и обращенію, отъ своего безпутства. Вмѣсто того увеселялся онъ чудотворствами, производимыми своею дьявольскою помощію. Одни комнаты его наполнены были отборнѣйшими поющими птицами, а другія рѣдчайшими чрезвычайной красоты перьями. Онъ завелъ преогромный садъ, который чрезъ весь годъ блисталъ отмѣнными растѣніями и цвѣтами, и въ коемъ древеса разныхъ свойствъ носили совсѣмъ противные природѣ своей плоды: на примѣръ, на грушахъ росли вдругъ дули и финики, и такъ далѣе. Но въ сей садъ входили изрѣдка, только вѣрнѣйшіе его пріятели. Въ Астрономіи, Математикѣ, предвѣщаніяхъ календарныхъ, и предсказаніяхъ ни одинъ человѣкъ съ нимъ равняться не могъ. Каждый, чужестранецъ и одноземецъ вопрошали

его о совѣтѣ, и слова и письмы его считались за оракулъ. Такъ предвѣщалъ онъ Игумену Аццолинiю въ Павiи, что онъ будетъ кардиналомъ, и сей въ благодарность прислалъ ему послѣ 200 кроновъ.

Сверьхъ того употреблялъ онъ знанiе свое очень часто къ насмѣшкамъ и забавнымъ шуткамъ, изъ которыхъ мы нѣкоторые включимъ. Однажды ѣхалъ онъ на славномъ своемъ плащѣ съ тремя молодыми Баронами на Княжескую свадьбу въ Минстеръ и привезъ ихъ благополучно туды и обратно, кромѣ одного, который нарушилъ обѣщанное молчанiе и отговорился умыть руки, что по тогдашнему обыкновенiю надлежало ему сдѣлать по повелѣнiю Князя. По чему слѣдовало ему остаться въ тюрьмѣ. Но на другой день пришелъ де Фаустъ, напустилъ сонъ на караульныхъ, сорвалъ замки и цепи, покрылъ своимъ плащемъ спящаго Барона, и отнесъ по воздуху въ Виттенбергъ къ дядѣ

его,

его, за что знатно былЪ награжденЪ.

КакЪ Мефистофиль противился, доставлять ему столько денегЪ, какЪ онЪ требовалЪ, принужденЪ былЪ онЪ для полученія оныхЪ выдумывать иныя средства. И такЪ обманывалЪ онЪ жидовЪ и ХристіанЪ. Лошадиному торговщику продалЪ онЪ лошадь сЪ подтвержденіемЪ не вЪѣзжать вЪ воду прежде двухЪ дней. КупецЪ не взирая на сіе, учинилЪ оное, и едва не утонулЪ, ибо конь его вдругЪ сталЪ пукомЪ соломы. РазсердясЪ бѣжалЪ онЪ кЪ Фаусту, коего нашелЪ спяща, и потянулЪ его за ногу, чтобЪ разбудить; но нога оторваласЪ и осталасЪ вЪ рукакЪ купца, который отЪ страха чуть живЪ ушелЪ назадЪ.

ФаустЪ вЪ ЛейбцигѣЪ сЪ нѣсколькими своими пріятелями видилЪ, какЪ винные продавцы старалисЪ понапрасну вытащить изЪ погреба чрезмѣрной величины бочку. ФаустЪ сЪ товарыщами своими шути-

ли надъ оными, и смѣялисъ ихъ безсилію. Погребщики досадовали, и господинъ погреба требовалъ, чтобъ они здѣлали лучше, съ прибавкою, что за успѣхъ подаритъ имъ бочку, вина, естьли будутъ они въ состояніи оную изъ погреба вытащить. Фаустъ тотъ часъ ударился объ закладъ, сѣлъ на бочку, и выѣхалъ на ней верхомъ какъ на лошади въ верьхъ по лѣсницѣ. Сіе подало случай къ слѣдующимъ стихамъ, которые всѣмъ подлымъ ребятишкамъ въ Лейбцигѣ знакомы за истинную быль.

Докторъ Фаустъ въ сіе время,
Вывезъ тажкое бремя,
Вшедши въ погрѣбъ Аурбахъ.
Сѣлъ на бочку за коня,
И такъ ѣхалъ вонъ гоня;
Чемъ навелъ на многихъ страхъ.
За волшебнуюжъ науку;
Получилъ отъ чортей муку.

лѣта Господня 1025.

Въ Венѣ далъ онъ пріятелямъ своимъ богатый пиръ, въ огромныхъ палатахъ, Гости танцовали, пили и были очень веселы; по наступленіи

же

же ночи, зачали всѣ дремать и заснули. Пробудясь лежали они подъ висилицою на олнихъ костяхъ изтлѣвшихъ висильниковъ. —— Герои Омировыхъ стихописаній представлены имъ были въ присудствіи многихъ Ерфуртскихъ Студентовъ. Заключеніе онъ здѣлалъ съ Исполиномъ Полифемомъ, грызущимъ стегно младенца. Тоже показалъ онъ Императору Максимиліану въ Инспрукѣ. Онъ показалъ ему при томъ Александра великаго и супругу его. „Первый „появился, говоритъ нашъ повѣствователь, въ драгоцѣнныхъ Латахъ, „и здѣлалъ Императору глубокій „поклонъ, а другая въ голубомъ вышитымъ восточнымъ жемчугомъ „платьѣ, и съ бородавкою, кою имѣ„ла она нашеѣ„. —— У мужика, который не хотѣлъ поворотить съ дороги проглотилъ онъ полвоза сѣна, и однако оное осталось по прежнему цѣло. —— Одному богобоязливому сосѣду, склонявшему его къ покаянію, напустилъ онъ въ домъ при-

привиденіе, и равномѣрный поступокъ претерпѣлъ отъ него вольнодомецъ Валентинъ Хохенмеиеръ въ Готѣ, когда по близкому обхожденію съ женою своею запретилъ ему входъ во домъ. —— Въ Венѣ закладывался онъ съ корабельщикомъ, что большое его судно встянетъ въ верьхъ по Дунаю обезьянами, велѣлъ лошадей отпречь, и выигралъ закладъ. —— Однаго дворянина, бывшаго въ полону у Турковъ, и коего невѣста по ложному слуху о смерти его хотѣла вытти замужъ, велѣлъ онъ духамъ принесть изъ Турціи, и соединилъ съ его любезною. —— Въ другій разъ давши пиръ пріятелямъ, здѣлалъ шутку, когда одинъ изъ нихъ хотѣлъ раздавать телячью голову, но лишъ дотронулся, голова вдругъ закричала: „ Караулъ! рѣжутъ! что я тебѣ здѣлала „? —— Одному бѣдному поповичу, Христофу Вагнеру, примѣтивъ острый разумъ его, здѣлалъ благосклонность учинить его своимъ общникомъ, и уговорилъ онаго предать

дать душу свою и тѣло бѣсу, имянуемому глухій тетеревъ. Сему Вагнеру укрѣпилъ онъ все свое имѣніе, всѣ свои книги и записки, и завѣщалъ прилѣжно оныя читать, такъ же поручилъ ему описать жизнь свою по смерти.

Фаустъ влюбился въ одну прекрасную бѣдную дѣвицу, но которая безъ брака ни за что не соглашаласъ. Онъ вознамѣрился жениться на ней, и какъ сіе было противу пятой статьи договора, то вошелъ съ бѣсомъ въ великую ссору, однакожъ надѣялся превозмочь. Но вдругъ всѣ двери съ крючьевъ посорвало, и весь домъ наполнился огнемъ, почему докторъ принужденъ былъ бѣсу покориться, и просить перемѣны стихій, что и получилъ съ обѣщаніемъ лучшаго повиновенія. Вскорѣ за тѣмъ, привелъ ему бѣсъ по особливой милости прекрасную Елену, надѣлавшую въ старину великихъ пакостей Троянамъ въ наложницы, отъ которой

торой Фаустъ родилъ сына. Но мать и сынъ исчезли, по ужасномъ концѣ нещастнаго доктора, о чемъ теперь объявимъ.

Двацать четыре года прошли до послѣдняго дня, и тогда появился Адскій Князь, возвѣстилъ ему окончаніе услугъ своихъ, и объяснилъ ему его преступленіе. Но чтобъ неприписалъ онъ ему вины своего осужденія, въ томъ просилъ его подъ страхомъ суда божія, сказать и признаться, не имѣетъ ли онъ права на написанный кровію его залогъ. Фаустъ оцепенѣлъ отъ страха, и хотя самъ дьяволъ и Мефистофиль уговаривали его и предлагали, что печаль лишъ отяготитъ сердце его, такъ же и преемушъ его Вагнеръ дѣлалъ ему еще надежду къ спасенію, и для того въ тайнѣ призвалъ ученаго всященника, но ни увѣщанія духовнаго, ни слова святаго писанія, не пособствовали Фаусту къ отрадѣ, и дьяволъ умѣлъ его укрѣплять въ ми-

малодушіи и сумнѣніи къ милосердію божію, такъ что все время остальныхъ сутокъ прошло безъ пользы.

Назавтре пригласилъ де Фаустъ Магистра, который его увѣщевалъ и нѣсколько другихъ вѣрныхъ своихъ пріятелей въ деревню Римлихъ, угощалъ ихъ изобильно, и просилъ ночь остаться въ оной деревнѣ. Послѣ ужины открылъ имъ о обязательствѣ своемъ съ дьяволомъ, и какая ему днесь судьба предстоитъ. Увѣщевалъ ихъ имѣть примѣръ свой въ осторожности, простился съ ними, и просилъ, чтобъ тѣло его, гдѣ оное найдутъ, землѣ предать. Въ полночь поднялася таковая буря, что домъ весь зашатался, и ни кто не смѣлъ тронуться съ постели. Въ Фауставой комнатѣ слышанъ былъ ужасный свистъ и ревъ, какъ бы были тамъ змеи и ехидны, при томъ же сильные удары, толчки, туды и сюды бросанье, при чѣмъ Фаустъ кричалъ „ Погибъ, пропалъ „. На-

разсвѣтѣ увидили столѣ, стѣны и скамьи, обмаранныя кровїю и мозгомѣ на полу лежали зубы, а тѣло нашли вѣ конюшнѣ на навозѣ раздроблено, и всѣ кости переломаные. Гости, помня послѣднее Фаустово завѣщанїе, подкупили попа и вольнодомца, зашивѣ тѣло вѣ полотно погребли при церкви. Однако при похоронахѣ возстала прежняя буря, такѣ что всѣ присудствовавшїе несумнѣвалисѣ, куда предлежалѣ путь покойнику.

III.

РОМАНЫ НѢМЕЦКІЕ.

Господина фонъ Лоене, добродѣтельный человѣкъ при дворѣ, или приключенія Графа фонъ Рипера.

Улмъ 1760.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Іоаннъ Михаилъ Фонъ Лоенъ происходилъ изъ древнѣйшаго Голландскаго поколѣнія, и въ 1694 году родился въ Франкфуртѣ Маинскомъ; учился въ Галлѣ и Иенѣ, послѣ чего путешествовалъ. Онъ странствовалъ разнообразно и продолжительно. Родственники его приступали къ нему съ прозьбами о вступленіи въ службу нѣкотораго великаго Государя, но онъ отвергалъ все; вольность его была ему дороже. Кончина дѣда его, послѣ котораго онъ знатное получилъ наслѣдіе, учинила его совершенно не зависящимъ. Онъ предался вновь склонности своей, научаться познавать человѣковъ; вступилъ опять въ путешествія. Но здоровье его было исчерпано, чтобъ могло выдерживать труды; онъ возвратился въ отечество. Тамъ жилъ онъ въ спокойствѣ Философическомъ, и пріобрѣлъ больше знаменитости всеобщаго

почтенія, нежели бы могли доставить ему блистающіе чины. Лѣтнее время продолжалъ онъ въ пріятныхъ деревняхъ, кои имѣлъ онъ близъ города; забавы текли къ нему съ каждымъ взоромъ, онъ жилъ истинный золотый вѣкъ.

Таковый блаженный жребій промѣнять на исполненную суетъ жизнь, ни кто бы не принудилъ его, естьлибъ не было мужа, каковъ Кокцей, и естьли бы не было таковаго Короля Фридрика, коему онъ служить долженствовалъ, который служащимъ ему всевозможнымъ образомъ найменьше зависимость ихъ чувствовать давалъ. И такъ Кокцей тогдашній великій Канцлеръ Короля Прускаго, открывшись прежде явственными похвалами, коль несказанно его почитаетъ, довелъ его въ 1753, принять президентское мѣсто въ Лингенѣ.

Онъ умеръ 1776, осмидесять двухъ лѣтъ, съ сожалѣніемъ отъ всѣхъ знающихъ и умѣвшихъ почитать великія его заслуги: удивляемый своими непріятелями и завистниками; прославленный въ ученомъ свѣтѣ чрезъ многія богословскія, Моралическія, Статистическія и Юридическія книги.

Ро-

Романъ его, Графъ Фонъ Ривера, изданный въ свѣтъ 1740 въ Франкфуртѣ Маинскомъ, достигъ повторенныхъ тисненіевъ, потомъ переведенъ на Голландскій языкъ, съ котораго мы теперь предлагаемъ сокращенія, онъ не долженъ быть пропущенъ по своему благородному намѣренію, ибо въ немъ предполагаетъ, защитить честь добродѣтели и изящное нравоученіе подъ выдуманными лицами доставить людямъ въ руки число отмѣнныхъ его писаній, хотя бы средства имъ на то употребленныя и не были толь хороши, таковы оныя въ самомъ дѣлѣ суть.

Господинъ Фонъ Лоенъ нашелъ Романы, сію пріятную отрасль Исторіи, въ несчастныя руки впадшую; либо въ рукахъ явныхъ нравовредителей, или бездушныхъ головъ, кои еженедельную мораль наполняютъ вздоромъ, и ни мало не разумѣютъ искуства, учинить Романъ привлекательнымъ. Онъ читалъ славнѣйшіе Романы Англичанъ и видѣлъ, что совсѣмъ иную цѣльбу употреблять должно, нежели каковою соотчичи его до сихъ поръ пользовались. Онъ примѣтилъ вредныя слѣдствія, произведенныя въ народѣ его чтеніемъ Романовъ, и заклю-

ключилъ тожъ самое, что оный заразило, обратить въ спасительный противу ядъ. Рихардсона взялъ онъ въ подражаніе; слѣдуетъ оному до коль сей держится природы, но хотя мало гдѣ удаляется отъ оныя, то представляетъ вещи, собственной выдумки, отвергаетъ сей и изобаржаетъ тварей, жаковы оныя суть дѣйствително въ поднебесной. По естественности лицамъ, повѣсти и слогу, по блистающимъ всюду человѣческимъ чувствованіямъ, и по удачно разсыпаннымъ нравоучительнымъ и Политическимъ разсужденіямъ, заслуживаетъ его Графъ Ривера не послѣднее мѣсто въ нашей Библіотекѣ. Человѣкъ отъ него представленный говоритъ вольно то, что у него на сердцѣ, сражается съ жаромъ за право человѣчества и добродѣтели, смѣло срываетъ маску съ ложноучителей, и ложныхъ ревнителей вѣры, льстецовъ уязвляетъ рабскій ихъ хребетъ, дерзкихъ опозориваетъ, не имѣя попеченія о звѣздахъ и Орденскихъ лентахъ; или сей мужъ, или нѣкто заслуживаетъ мѣсто учителя народнаго, да бы постановленну быть въ высотѣ храма заслугъ.

РОМАНЪ.

Графъ Ривера, коего душа толь же прекрасна какъ и тѣло, возвращается изъ своихъ путешествій, и слѣдуетъ въ свои деревни, гдѣ заключаетъ жить только съ однимъ собою. Король Аквитанскій опредѣляетъ его въ свои Камергеры. Графу прискорбно оставить любезное свое уединеніе, и явиться при дворѣ, таковомъ дворѣ, при коемъ такъ необузданно идетъ, какъ при Аквитанскомъ. Онъ и безъ того не считалъ себя созданнымъ къ жизни придворной. Для чего говорилъ съ господиномъ Беламонтомъ, возросшимъ при дворѣ. Сей оказываетъ ему своимъ примѣромъ, что и при дворѣ можно быть исправнымъ человѣкомъ, и уговариваетъ его вступить въ сію службу. Графъ исполняетъ оное; съ прискорбнымъ сердцемъ отпускаютъ его сестры и родительница. Свойство Короля, и перьваго его Министра, притомъ же учиненный взоръ на Аквитанское государство, подъ

крайнимъ притѣсненіемъ находящееся, показываетъ ему развратность. Графъ Раскаевается, вступя въ таковый дворъ; онъ не уповаетъ что либо при ономъ исполнить. Углубленъ въ таковыя разсужденія, заблуждается въ лѣсу, въ коемъ прогуливался, и находитъ пустынника.

Повѣсть пустынника, Пандоресто, назывался онъ, имѣлъ родителей, въ совершенномъ свѣтѣ живущихъ; онъ вскорѣ изображается человѣкомъ свѣтскимъ, т. е. учиняется дерзкимъ вертопрахомъ, б ** беззаконнымъ остерякомъ. Съ нѣкоторыми своими товарищами во время Карнавала производитъ онъ жестокій непорядокъ; общники его взяты подъ караулъ; онъ спасается щастливымъ прыжкомъ въ окно. Приходятъ ему угрызенія совѣсти о прошедшей жизни. Онъ удаляется изъ свего отечества, и принимаетъ военную службу у Короля Ликаціанскаго, твердо вознамѣрясъ перемѣнить свои нравы. Но не исполняетъ сего. Онъ прикрываетъ ихъ только ли-

личиною благопристойности; дѣлается обманывающимъ игрокомъ; убиваетъ предпочитаемаго ему Офицера, долженъ отъ того бѣжать; удаляется ко двору Аквитанскому, вступаетъ въ приказный чинъ, составляетъ свое щастіе, ибо былъ онъ негодный Юристъ и наилучшій придворный. Чрезъ досады и пьянство доводитъ онъ жену свою, кою за справедливость и воздержаніе терпѣть не могъ, до гроба. Онъ познакомливается съ прекрасною госпожею, которая его плѣняетъ; но любви ея ни чѣмъ пріобрѣсть не можетъ, кромѣ притворяя себя человѣкомъ добродѣтельнымъ и праведнымъ. Но изъ притворства выходитъ истинна, онъ впадаетъ въ угрызеніе сердца; вдругъ убѣгаетъ двора, свѣта, и своей обручницы; удаляется въ пустыню, гдѣ подкрѣпляемый старымъ Францисканцомъ, ведетъ очень набожную жизнь. Примѣръ его дѣйствуетъ въ Королевнѣ, она повелѣваетъ создать уединеніе, и провождаетъ во ономъ большую

 часть

часть дней своихЪ. НевЂста его постригается вЪ монахини.

ГрафЪ выводится изЪ пустыни, другомЪ своимЪ господиномЪ Ридели. ОнЪ пріемлетЪ твердое вознамЂреніе быть добрымЪ придворнымЪ, какЪ и истиннымЪ ХристіаниномЪ.

Графиня Монтераская, племянница перваго Министра, влюбляется вЪ Графа Ривера. Молодая преизрядная дЂвица. Она овладЂла всЂми душевными и тЂлесными заслугами Графа, но еще вЪ высочайшей степени. Женщины, какЪ извЂстно, превосходятЪ насЪ какЪ вЪ добромЪ, такЪ и вЪ худомЪ. ГрафЪ чувствуетЪ кЪ ней пламенную страсть, но старается истребить оную, понеже примЂчаетЪ, что Король ему совмЂстникЪ, и не меньше какЪ онЪ щастливый. Не видавши Графа, могла бы она быть кЪ Королю благосклонна, такЪ признаваласЪ молодая Графиня своей повЂренной, но днесь ужè то невозможно. Король употребляетЪ все, понравиться ей; даже перемЂ-

ремѣняетъ для нея свою прежнюю распустную жизнь; подкрѣпляется всѣми силами отъ ея дяди, желающаго сердечно союза дому своему съ Королевскимъ. Все не пользуетъ; Графиня остается съ холодностію. Графъ Ривера не вѣдая учиняетъ новое завоеваніе; Герцогиня Салонская вдова, еще свѣжей красоты, но худаго сердца и малаго духа, влюбляется въ него. Графъ встрѣчаетъ ея холодно. Она впадаетъ въ злобу, и уповая, что открыто Графиня Монтераская ей мѣшаетъ, бывъ любима Графомъ, ищетъ уничтожить любовь сію.

Графъ впадаетъ въ глубокую задумчивость, ибо принуждаемъ былъ жертвовать склонностію страсти своему Королевствующему совмѣстнику. Сей почтилъ его величайшею благосклонностію, и избираетъ его (помышляя, что онъ найболѣе возможетъ надъ молодою Графинею) въ обЪяснители любви своей сей госпожѣ. Коль ни мучительно то было для его

его сердца, искалъ онъ всячески, склонить Графиню къ Королю. Не успѣваютъ въ томъ. Комнатный слуга Королевскій подслушиваетъ разговоръ его съ Графинею, и только отъ половины подслушалъ, взирая притомъ очами зависти, спѣшитъ къ Королю, и увѣдомляетъ онаго, что Графъ исполняетъ свои дѣла, а не дѣла Его Величества. Сей прогнѣвляется крайне, и въ первомъ жару хочетъ онаго умертвить, но укрощается Герцогинею Сандильскою, обѣщающеюся наказать Графа тайно. Онъ ссылаетъ его въ крѣпость. Чувствительный ударъ для его возлюбленной. Она впадаетъ въ жестокую болѣзнь.

Графъ находитъ ссылку свою больше раемъ, нежели заточеніемъ; мѣстоположеніе было онаго вокругъ самое наилучшее въ государствѣ, въ комендатѣ крѣпость, крайне снисходительнаго дружественнаго человѣка, съ союзниками своими пріятное время провожденіе. Онъ не желалъ оттуду выѣзжать.

Другъ

Другъ его господинъ Ридела, пріѣзжаетъ къ нему съ предложеніемъ отъ Герцога Сандильскаго. Предложеніе было сіе: онъ получитъ свободу и чинъ верховнаго сокольничаго, естьли женится на Герцогинѣ Салонской. Повѣренная сей Герцогини представила первому Министру, что супружество оное одно только средство погасить Королевскую ревнивость и Графинѣ Монтераской пресѣчь всю надежду владѣть ея возлюбленнымъ. Герцогу расположеніе сіе понравилосъ, и онъ умѣлъ оное и Королю учинить угоднымъ. Ридела, думалъ Министръ, есть самый тотъ человѣкъ, могущій уговорить Ривера, къ принятію сего предложенія. Для сего то и послалъ онъ его. Ридело начинаетъ; Графъ отвергаетъ со всѣмъ предложеніе; онъ хочетъ лучше быть изгнанъ отъ двора, и остаться въ сей крѣпости, чемъ жениться на Герцогинѣ. Ридело находитъ между тутошными невольниками знакомаго Барона Ризенбурга, освѣдомляется,

ляется, какимъ образомъ онъ попалъ подъ караулъ.

Ризенбургъ повѣствуетъ. Путешествуя въ Монако, по нечаянному случаю узналъ онъ прекрасную дѣвицу, и влюбился во оную; подъ именемъ простаго, безпомѣстнаго дворянина, испытуетъ силу склонности ея, умѣвши такъ подольститься къ ея матери, что сія дала согласіе на сочетаніе его съ своею дочерью, и обѣщала чрезъ своихъ знакомыхъ выпросить ему знатный чинъ при дворѣ. Тогда онъ открылся: превращеніе, которое было лестное для матери такъ какъ и дочери. Братъ дѣвицы, лютый человѣкъ, опредѣлившій сестру свою въ монастырь, видящій оную отъ того отведенну, и готова достается въ собственность еретику, отнюдъ не хотѣлъ дать своего на то согласія, принудилъ его съ собою биться, и отъ него застрѣленъ. Послѣ чего своехотно отдался подъ стражу въ крѣпость, до окончанія слѣдствія. Отецъ его за него

ста-

старается, и онъ ожидаетъ благополучныхъ слѣдствъ.

Король прогнѣвляется вновь, услышавъ, что Графъ Риверо не пріемлетъ его предложенія; выдумываетъ средства, збыть онаго съ рукъ добрымъ порядкомъ. Онъ повелѣваетъ шествовать ему противу Ликатіанцовъ, нечаянно въ государство впадшихъ, и нашедшихъ слабую оборону. Генералъ, подъ коего повелѣніемъ состоять ему должно, былъ Графу крайній непріятель, потому что онъ прежде того предпринималъ разныя поправленія въ его манерахъ; сверьхъ сего имѣлъ оный повелѣніе отъ Короля выставлять Графа величайшимъ опасностямъ. Сіе возложеніе наблюдалъ онъ со всякою исправностію. Чрезъ его коварства въ разныя сѣти, изъ коихъ свобожденъ онъ только рѣшимостію и отважностію своею. Генералъ збитъ, утѣкаетъ, и погрязаетъ въ болотѣ. Ривера повергается съ малымъ остаткомъ, и съ военнымъ жаромъ на

толпу

толпу всадниковъ его окружившихъ и берущихъ въ плѣнъ. Баронъ Ризенбургъ подоспѣваетъ съ своими подчиненными, избавляетъ его изъ рукъ непріятелей, и подхватываетъ ударъ, который былъ бы ему смертоносенъ. Графъ Ривера пріобрѣтаетъ совершенную побѣду; спасаетъ жизнь непріятельскому начальнику. Онъ слѣдуетъ съ послѣднимъ и Барономъ Ризенбургомъ ко двору. Дорогою расказываетъ имъ господинъ Греенхилмъ, полоненный непріятельскій Генералъ, случаи жизни своей.

Греенхилмъ былъ изъ древнѣйшаго и знаменитаго рода въ Скандинавіи. Онъ съ братомъ своимъ воспитывался у духовнаго страны тоя, которому скоро полюбился предъ своимъ братомъ, ибо былъ онаго открытнѣе. Родитель его умираетъ, во время шестнатцатилѣтняго его возраста. Одна изъ тетокъ его, имѣвшая при себѣ съ малолѣтства сестру его, взяла и его брата; онъ самъ посылается въ ближній Универ-

верситетЪ, попадается вЪ руки добраго Философа, полагаетЪ хорошее основаніе вЪ наукахЪ, а при томЪ и вЪ законознаніи. По возвращеніи своемЪ находилЪ онЪ у своей тетки рѣдчайшій домЪ на свѣтѣ. Толпа набожныхЪ распѣваетЪ, молится, проповѣдуетЪ, впадаетЪ вЪ восторги, и коверкается сЪ утра до вечера; все домостроительство тетки его состоитЪ вЪ томЪ. Сестра его открываетЪ ему, что всѣ сіи лицемѣры подЪ мнимою братскою и сестренскою любовію производятЪ порочнѣйшія дѣла, и сколь много терпитЪ они отЪ одного изЪ сихЪ ТартюфовЪ брата Христофора. ГреенхилмЪ приходитЪ вЪ досаду; приводитЪ ее вЪ безопасность; разгоняетЪ потомЪ скопище сихЪ лжехристіанЪ, и постановляетЪ богоговѣніе у тетки своей на дѣйствіяхЪ разума. Рѣчь, кою господинЪ ЛоенЪ слагаетЪ на сей случай своему Греенхилму вЪ защищеніе здраваго Христіанства, наполнена усердныя горячности.

Греенхилм предпринимает путешествіе, участвует в Панонии в двух воинских походах, и прославляет тем свое имя. Сіе побуждает Короля призвать его в отечество, дать ему капитанское место и объявить при том своим Камер-юнкером. Тетка и сестры его понуждают его к браку. „Ему не нравятся белыя северныя лицы; оныя довольно пригожи, но не достает им живости„. Две девицы, к которым он имел склонность, подхвачены в глазах его, ибо он был медлителен в открытіи им любви своей. Одна из оных овдовела, и не имела отвращенія вступить с ним в супружество. Однако являются на то препятствія. Отец ея отказывает ему ея руку. Греенхилм в жару своей страсти, оскорбляет смертельно свою возлюбленную; примиряется опять со оною. Отец ея умирает; она удаляется в деревню, где чрез несколько лет в

спо-

спокойствіи чистѣйшаго богоговенія оканчиваетъ жизнь свою. Понеже Греенхилмъ отвергъ предлагаемую отъ Короля невѣсту, потерялъ тѣмъ благосклонность двора; его отставляютъ. Онъ готовъ ужѐ былъ ѣхать въ свои деревни, какъ Король предложилъ ему начальство надъ помощными войсками, посылаемыми къ Ликаціанамъ.

Баронъ Ризенбургъ, коему повѣсть брата Христофора очень понравиласъ, расказываетъ содержанія своей придворной жизни, составлявшей таковагожъ Тартюфа. Графъ шествуетъ въ Панополисъ, и находитъ Короля въ болѣзни. Чрезъ воздержность и движеніе обѣщаетъ онъ ему прежнее здоровье. Во уединеніи. гдѣ Король долженствовалъ производить цѣльбу свою, разговариваетъ Ривера съ старикомъ Пандорестомъ, о утѣшеніяхъ жизни, и о добромъ употребленіи придворныхъ дней. Король выздоравливаетъ. Ривера назначенъ посломъ къ двору Ликатскому.

му. Герцогъ Сандилскій взираетъ съ удовольствіемъ на его удаленіе, не по ненависти къ Графу, но что удобнѣе можетъ произвесть намѣреніе свое воздвигнуть племянницу свою въ Королевы.

На пути въ Ликацію находитъ Графъ въ одной деревнѣ прежнюю свою возлюбленную, которая при взглядѣ на него упадаетъ въ обморокъ; оная считаетъ его невѣрнымъ, женихомъ Герцогини Салонской. Онъ отводитъ сіе подозрѣніе, и объявляетъ ей, что Герцогиня сговорена за Аллеманскаго Принца; расказываетъ ей все свое приключеніе, при чемъ вплетаетъ возможное, почему бы Графиня могла замѣтить постоянство любви его. Повѣренная ея Асменія преемлетъ слово вмѣсто Графини, и расказываетъ претерпѣнное ея госпожею, какъ оная услышила, что Графъ Ривера женился на Герцогинѣ, и какъ оная съ печали вознамѣрилась оставить городъ Ривера растается съ величайшею нѣжностію,

ко-

которую слѣдовало ему скрывать отъ Графини. Графъ достигаетъ назначеннаго ему мѣста, имѣетъ продолжительный разговоръ съ Королемъ, принявшимъ его очень милостиво; но для мирныхъ условій отосланъ къ первому Министру. Онъ нашелъ въ немъ довольно разума и дарованія, чтобы мочь самому царствовать; но по слабости происходящей отъ привычки, или по худому воспитанію отвергль Государь сей всякіе труды. Въ Министрѣ открылъ Ривера малый духъ и крайнее надменіе. Съ таковымъ человѣкомъ не могъ онъ ничего исполнить; и употребляетъ другія средства къ достиженію своего намѣренія. Дворъ его долженствовалъ продолжать военныя распоряженія; Графъ вперяетъ въ Ликаціянъ важность сихъ распоряженій; разсѣваетъ между ими письма, въ коихъ изображаетъ живо страхъ предстоящій имъ отъ сей войны. Народъ и безъ того въ крайнемъ утѣсненіи находящійся, отя-

гощается ежедневно новыми налогами, страшная война угрожаетъ ему по его мнѣнію; довольныя причины къ возмущенію. Бунтующая чернь стремится съ яростію на домъ перваго Министра, который долженъ былъ удалиться, и въ крайнемъ волненіи вопіетъ о мирѣ. Король видитъ себя принужденна согласиться на оный.

Въ одиннатцатой книгѣ предлагаетъ господинъ Лознъ свою идею о совершенномъ, или сказать его словами, о учрежденномъ по разумной и Христіанской Полиціи государствѣ. Въ тамошнемъ постояломъ домѣ находитъ Графъ нещастнаго купца, въ крайнемъ отчаяніи. Между тѣмъ какъ люди онаго мѣста стараются исцѣлить его душу, Графъ прилагаетъ попеченіе о разстроенномъ его тѣлѣ. Ему удается. Молва, что онъ весьма искусный врачь, есть причиною приглашенія его ко двору. Нечаянность открываетъ ему здѣсь дѣвицу Турисъ, возлюбленную дочь Ба-

рона

рона Ризенбурга. Не открывая о себѣ, и въ лицѣ лѣкаря, предсказываетъ онъ ей, что она скоро увидится съ своимъ любовникомъ, а старшей Королевнѣ ближайшее овладѣніе блистательнѣйшею короною.

Больный Графскій нещастный тотъ купецъ расказываетъ ему теченіе своей жизни. Господинъ Гилденблехъ (такъ онъ прозывался) былъ сынъ богатаго купца, который по принужденію жены своей природной дворянки, домогся въ шляхетство. Сынъ его воспитанъ какъ сынокъ матушкинъ, ходилъ по университетамъ, проживалъ тамъ исправно деньги, и пріобрелъ тѣмъ названіе искуснаго и ученаго кавалера. Его заставили путешествовать. По возвращеніи въ домъ мать его мучила своего мужа до тѣхъ поръ, поколь купилъ онъ ему Рыцарскую деревню, гдѣ она думала представлять наилучшимъ образомъ боярынѣ, но смерть нарушила ея радость. Невѣжество и вѣчное бражничество со-

сѣдственныхъ дворянчиковъ наскучило Гилленблехамъ деревенскою жизнію. Они переѣхали въ городъ, и отецъ его деревню продалъ. Молодый Гилленблехъ женился на богатой наслѣдницѣ; чрезъ наслѣдство по смерти отца и тестя получилъ онъ ужасное имѣніе. Жена его столько же разумѣла о домостроительствѣ, какъ и онъ; вскорѣ промотали они сіе знаменитое стяженіе Ему слѣдовало бѣжать, ибо хотѣли его какъ банкрота взять въ тюрму. Князь мнимаго государства, гдѣ находился тогда Ривера, дозволилъ ему прибѣжище.

Графъ появляется королевскимъ посломъ при дворѣ Аргильскомъ, и открывается дѣвицѣ Туррисъ повѣреннымъ друга своего ея любовника. Оная разказываетъ ему, какъ она вошла въ монастырь, какъ тамошняя развращенная жизнь принудила ея оный оставить, и возвратиться къ своей родительницѣ, какъ братъ ея подъ видомъ дружества уговоря

ее

ее на прогулку, увезЪ вЪ пустой горный замокЪ, глѣ поступалЪ сЪ нею немилосердо; КакЪ слуга и служанка брата ея, наскучивЪ скотскою жизнїю своего господина, ушли сЪ нею и препроводили ее кЪ здѣшнему двору. ГрафЪ разговариваетЪ сЪ княземЪ о вещахЪ политическихЪ, и открываетЪ ему, что онЪ намѣренЪ стараться о бракѣ дочери его сЪ королемЪ своимЪ. Князь дѣлаетЪ разныя на то возраженїя, которыя всѣ ГрафЪ отвратить умѣлЪ.

Ривера находитЪ Короля своего еще кЪ себѣ благосклонна; онЪ показываетЪ ему портреты разныхЪ ПринцесЪ. Однако Король не находитЪ между оными Графини Монтераской. Ривера превозноситЪ красоту Княжны Агрильской столько, что Король воспламеняется желанїемЪ оную видѣть, и заключаетЪ ѣхать вЪ Аквану, гдѣ она по обнадеживанїю Графа, будетЪ употреблять теплыя воды. ГерцогЪ Сандильскїй оказываетЪ себя снисходительнѣе

нѣе

нѣе къ Графу Диверѣ, даже кажется не супротивляющимся любви его къ своей племянницѣ. Онъ не мощствуетъ еще отъ яда, которымъ искалъ его отравить нѣкій господинъ Королевской крови. Король шествуетъ съ Ривероюю въ Аквану, видитъ Княжну, очаровывается ея прелестьми, и съ нетерпѣливостію свойственною его народу належитъ о свадьбѣ. Графъ ускоряетъ распоряженіями и бракъ совершается въ его деревенскомъ замкѣ. Сочетаніе дѣвицы Туррисъ съ Барономъ Ризенбургомъ посредствомъ Риверы заключается въ тоже время. Графъ при семъ случаѣ познакомливается съ дворининомъ, который отдѣлясъ отъ обхожденія съ прочими, весьма пріятно расположилъ себя.

Сей дворянинъ расказываетъ ему свои приключенія. Онъ изъ знатнана дома, и называется Кавалеръ Кастагнета Онъ воспитанъ родителемъ своихъ съ отмѣнною мудростію; который примѣтя, что братъ его

возъ-

возЪимѣлЪ великое за то негодованіе, послалЪ онаго ко двору сЪ сильными препоручительными письмами. ГерцогЪ Алмабарскій, коему онЪ препорученЪ, употреблялЪ его вЪ государственныхЪ дѣлахЪ и былЪ имЪ очень доволенЪ. ДонЪ ЖуанЪ, сынЪ сего Министра, учинился его искреннимЪ другомЪ. Донна Леонора, сестра Жуанова, возчувствовала любовь кЪ Кавалеру, а сей только одну пріязнь кЪ ней; онЪ открылся ей чистосердечно, что не можетЪ ее любить, плѣнясЪ ея пріятельницею, которою за высокимЪ состояніемЪ ея природы владѣть не имѣетЪ надежды, и что одинЪ изЪ его пріятелей есть оныя любовникомЪ. Леонора имѣла довольно великодушія, не токмо уступить то его сердцу, но и употребить сильное вспомоществованіе его страсти. Нещастный спорЪ вовлекЪ его сЪ ДономЪ ДіегомЪ старшимЪ сыномЪ Герцога вЪ поединокЪ, вЪ коемЪ оный лишился жизни, наскоча вЪ запальчивости на его шпагу.

шпагу. ДонЪ ЖуанЪ вспомоществуетЪ ему вЪ побѣгѣ. КавалерЪ поспѣшалЪ вЪ замокЪ отца своего, и нашелЪ сего почтеннаго старика скончавшагося. БратЪ его снялЪ сЪ себя совершенно прежній притворный видЪ, и далЪ ему разумѣть, что онЪ у него не вЪ безопасности. Кастагнета уѣхалЪ вЪ Палермо. БратЪ его умѣлЪ искусно довести имѣніе его вЪ свои руки. КавалерЪ учиняется извѣстнымЪ при дворѣ СицилійскомЪ, и употребляется отЪ онаго вЪ разъѣзды противу морскихЪ разбойниковЪ. Тунискій морскій разбойникЪ взялЪ его корабль, и отвелЪ вЪ свой городЪ. Дей принялЪ его сЪ великою ласкою, разговаривалЪ сЪ нимЪ о христіанскомЪ законѣ, и былЪ склоненЪ отдать за него дочь свою Рокселану страстно вЪ него влюбившуюся, естьли пріиметЪ онЪ вѣру Магомеданскую. Кастагнета, какЪ ни привязанЪ сталЪ кЪ сей дѣвицѣ, но былЪ ревностнѣйшій ХристіанинЪ, чтобЪ согласиться на предлагае-

каемое. ДворЪ Сицилiйскiй его выкупилЪ, и КавалерЪ исходатайствовалЪ у онаго, что заключенЪ вѣчный мирЪ сЪ Тунисцами. ВЪ награду сей услуги, просилЪ онЪ у Дея Рокселану. ЧрезЪ чтенiе хорошихЪ книгЪ и разговоры сЪ однимЪ АрмениномЪ, получилЪ наконецЪ Дей вкусЪ вЪ законѣ ХристiанскомЪ. Рокселана подЪ видомЪ, что посылается вЪ невѣсты Паше Левантскому, вручена присланнымЪ отЪ Кавалера. Дей имѣлЪ желанiе оставить владѣнiе и остатокЪ дней препровесть у дѣтей своихЪ. Земляки его сiе провѣдали, и лишили за то жизни. ОдинЪ отЪ Дервишей подкупленный злодѣй вкрадывается вЪ милость Кавалеру, умерщвляетЪ Рокселану ядомЪ. КавалерЪ находился вЪ мучительномЪ состоянiи, и удалился во уединенiе. Король желающiй исцѣлить его унынiе, призвалЪ его ко двору своему, почтилЪ его многими милостьми, и женилЪ на молодой прекрасной дѣвицѣ знатнѣйшаго дома. Великое кокет-

кетство сей женщины, коего онъ преодолѣть не возмогъ, повергло его въ крайнюю горесть. Покойная супруга его Рокселана, явилась ему во снѣ, совѣтовала оставить мѣсто, толь опасное его добродѣтели, бѣжать отъ своей прелюбодѣйницы, въ отдаленную землю и такъ уклонясъ отъ свѣта, провести остатокъ дней. Сонъ сей слѣлалъ въ немъ толь сильное впечатлѣніе, что онъ послѣдовалъ въ точности совѣту Рокселанину. ——

Послѣ сего описывается вѣздъ Короля съ молодою супругою въ Панополь. Графъ Ривера объявленъ его оберкамергеромъ; онъ подноситъ расположеніе къ поправленію государства, учрежденію сборовъ, и всеобщее благо намѣреніемъ имѣющій. Оный хотя нравится Королю и Герцогу Сандильскому, но Графъ не имѣетъ успѣха въ принятіи онаго. Страшная непогода собирается на него на придворномъ небѣ, отъ которыя онъ по совѣту своей любезной уда-

удаляется. Алпина, область пришедшая въ крайній упадокъ, чрезъ неразумныя совѣщанія и гражданскія несогласія, пріемлетъ его въ защищеніе, дабы чрезъ то притти въ прежнее свое цвѣтущее состояніе. Графъ съ отмѣнною мудростію помогаетъ всѣмъ онаго политическимъ немощамъ, и полагаетъ твердое основаніе къ будущему онаго благосостоянію.

Графъ возвращается въ Панополь; имѣетъ щастіе обоихъ своихъ главныхъ противниковъ привлечь на свою сторону. Король желающій невзначай появился къ своей супругѣ въ увеселительномъ замкѣ, ошибается въ кабинетѣ, и заходитъ въ тотъ, который Королева опредѣлила Графинѣ Монтераской, и Маркграфинѣ Лукальской. Сіе приключаетъ забавное явленіе, и не малое изумленіе; и учиняется причиною ускоренія брака Риверы съ Графинею Монтараскою. Графъ имѣвшій великую любовь къ Герускому во услугахъ его

на

находившемуся дворянину, приводитЪ его вЪ милость королевскую и пожалованіе камерЪюнкеромЪ. Но тѣмЪ не числитЪ еще ГрафЪ его довольно награжденнымЪ, и доставляетЪ ему вЪ супружество дѣвицу БелламонтЪ, кою онЪ страстно любилЪ, и коей за неравенствомЪ состоянія не смѣлЪ открыться. БракЪ ихЪ совершается вЪ одинЪ день, и Ривера получаетЪ достоинство, имѣніе и титулЪ Герцога Сандильскаго.

По-

Повѣсть Мис Фанни Вилкес, такъ какъ переведена оная съ Аглинскаго. въ двухъ томахъ. Лейбцигъ 1766 въ 8.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

„Сколь ни мало находимъ мы при-
„чины, (сказали сочинители Библіотеки
„свободныхъ наукъ, упоминая о семъ Ро-
„манѣ во второмъ томѣ, на с. 355).
„удобрять нѣмецкіе собственные Рама-
„ны, исключая нѣкоторые не многіе, но
„сей заслуживаетъ уваженіе, и проч„.
Мы мало знаемъ между собою писателей, кои были бы способнѣе къ изданію лучшихъ Романовъ. Сочинитель сего имѣетъ духъ, живость, чувствованія, онъ разумѣетъ свѣтъ и человѣческое сердце, знаетъ нарѣчіе свое, и пишетъ изрядно. Въ прочемъ книга сія заслуживаетъ всегда мѣсто въ Библіотекѣ Романовъ, и желательно бы больше имѣть трудовъ сего сочинителя. Путешествіе Софіи изъ Мемеля въ Саксонію, руки сего же писателя, въ послѣдствіи еще лучше оправдало похвалу сію, и мы конечно бы не сѣтовали на рѣдкость добрыхъ

Романовъ для противуположенія иностраннымъ; естьли бы имѣли множайшихъ писателей равныхъ дарованій и свѣтопознанія, посвятившихъ себя сему роду нашей Литературы. Г. Іоаннъ Тимофей Гермесъ Авторъ сего нынѣшній протопопъ въ церкви с. духа, пасторъ с. Бернарда, владѣтель духовнаго суда въ Бреславлѣ.

РОМАНЪ.

Фанни Вилкесъ была изъ одного древнѣйшаго дома въ Шотландіи и единородная дочь Исаака Вилкеса и Юліи Карлесы. — Таковымъ „образомъ, говоритъ сочинитель, „могу я очень удобно начать повѣсть; и чрезъ то не окажу ничего необычайнаго, а читателю „подамъ надежду, что онъ со временемъ найдетъ извѣстія, о коихъ и теперь у него на умѣ спросить, а именно не родня ли она „славному Вилкесу. Но я лучше изберу безопаснѣйшее, и о родствѣ „ея не скажу ничего вѣрнаго, до-

„коль

,, коль въ послѣдствѣ все откроется.
,, Чтожъ могу я объявить за истин-
,, ну, то сіе только, что Фанни во
,, первыхъ появилась въ преизрядномъ
,, гульбищномъ суднѣ на великомъ о-
,, зерѣ въ Шотландіи, въ которомъ
,, она одна сидя, и великимъ своимъ
,, плачемъ привлекла къ берегу дочь
,, нѣкоего разбойника жившаго въ близъ
,, лежащемъ лѣсу. —— Софія Гид-
денъ такъ называлась сія дѣвка, за
долго ужѐ примѣтила, что родъ
жизни отца ея не можетъ быть
праведный, и явное открытіе его
наказанія достойныхъ намѣреній вы-
вело ее напослѣдокъ изъ пещеры.
Она съ младенчества находилась въ
семъ лѣсу, не знала своей матери,
коя какъ сказываютъ за одинатцать
лѣтъ предъ тѣмъ умерла; но она
находилась подъ строгимъ присмо-
тромъ нѣкоторой женщины, гораздо
ея старшей, и кою надлежало ей на-
зывать своею теткою, хотя содер-
жаніе, въ каковомъ оная состояла съ
отцемъ ея, весьма именованію сему

противурѣчило. Софія чрезъ всю ночь бродила по лѣсу вооруженная пистолетомъ, и восходящее солнце вывело ее въ мѣлкій лѣсъ изъ густоты, и учинило примѣчательною къ воплю Фанни. Утро сіе было изъ наилучшихъ въ лѣтѣ, котораго сочинитель не описываетъ въ угодность тѣхъ, кои на зло Нѣмецкому въ городахъ обыкновенію, рано просыпаются, и уже прекрасныя утры видывали. Но какъ ни красиво было утро, такъ печальна казалась Софія, съ робостію пятнатцати лѣтней дѣвушки на берегѣ. Фанни была такая милая маленькая куколка, каковы прекраснѣйшія между читательницами могли быть по восьмому году, въ каковомъ возрастѣ и она находилась. Теперь она еще робенокъ; а когда доведемъ ее до шеснатцати лѣтъ, то въ описаніи красоты ея будемъ столькожъ рачительны, какъ Географъ бываетъ въ описываніи города, въ коемъ вступилъ онъ въ

слѣдъ покойнаго родителя своего господина Ректора.

Фанни едва увидѣла Софію, какъ старалась маленькими своими рученками удалить лодку отъ берега; она кричала со слезами: за что ты меня застрѣлить хочешь? У меня денегъ нѣтъ. Но смотри, (говорила она снявъ свой карманъ и стуча онымъ о край лодки) у меня ничего нѣтъ: Софія бросила прочь пистолетъ, говорила съ нею ласково, увѣрила, и вывела ее изъ судна. Все что могла она отъ дитяти повторяемыми вопросами вывѣдать, было, что она изъ замка, на который ночью напали разбойники, и по описанію изъ товарищей отца ея; что Инни, комнатная дѣвка вскочила съ нею въ лодку; что разбойникъ оную тамъ застрѣлилъ, и что вода и вѣтръ ночью унесли ее далеко; званіе замка Фанни именовать не могла. Шумъ отъ двухъ рыбаковъ принудилъ обѣихъ красавицъ себя и лодку спрятать далѣе въ тростникъ. Изъ

разговоровъ сихъ людей поняли они, что за Гидденомъ гонются, и что дочь его такъ же по всюду ищутъ. Люди удалилисъ, а тихое колебаніе лодки, усталость и жаръ, погрузили Софію и Фанни въ глубокій сонъ. Наша маленькая пробудилась, и не могла насытиться зрѣніемъ на спящую Софію. О! вскричала Фанни когда Софія очнулась, ты невѣдаешь какова ты пригожа во снѣ! —— Сей Анекдотъ мимоходомъ для нашихъ читателей, чтобъ они помнили въ Софіи прекраснѣйшее женское созданіе. — Наши дѣвицы совѣтовали, что имъ слѣдуетъ начать для безопасности и достиженія къ человѣкамъ. Довѣренность Фаннина къ Софіи еще умножаласъ, когда услышала она сію молящуюся. „ О, сказала она, теперь я ничего ужè „ не боюсъ; тебѣ Богъ ни въ чемъ „ не откажетъ, и я такъ же молиласъ „. Пещера въ лѣсу конечно не была отмѣнная школа Христіанства для Софіи, однако она потаено

чи-

читывала нѣкоторыя книги, брошенныя въ уголъ мнимою ея теткою; а особливо библію, Абадіевы, Жюріевы, Дрелинкуровы и Юнговы сочиненія. Фанни и Софія вошли опять въ свою лодку, но вѣтръ опять принесъ ихъ къ прежнему мѣсту, По чему вознамѣрились они искать дороги сухимъ путемъ сквозь лѣсъ. Фанни имѣла на себѣ нѣсколько дорогихъ вещей, кои успокоили попеченіе Софіи о своемъ содержаніи.

Гандсомъ Гофмейстеръ молодаго дворянина въ замкѣ, изъ коего убѣгла Фанни, между тѣмъ противился разбойникамъ съ истиннымъ Геройствомъ, многіе, между коими Гидденъ и мнимая сестра его ранены, и убійца Фанни, его возлюбленныя Фанни пойманъ. Онъ приказалъ прочее скопище, и шелмовскую домовую Французскую мамзель Дюбуа, скрывшуюся при томъ съ Секретаремъ сыскивать, и поспѣшалъ тогда отъ ближней морской пристани въ Лондонъ, чтобъ привезть Лорду печаль-

чальное извѣстіе и о пропажѣ Фанни. Онъ ѣхалъ съ отягощеннымъ сердцемъ. Ко объясненію его расположенія мыслей должно сказать, что господинъ Гандсомъ при выгоднѣйшемъ видѣ, находился въ весьма знатномъ щастія обстоятельствѣ, и съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ обходиться съ женщинами. Слѣдственно поведеніе его было крайне плѣняющее, разумъ просвѣщенный и чувствованія его отмѣнно тонкія. Но по причинамъ, кои казались ему не маловажны, на двятцать восьмомъ году возраста, возвратясь изъ путешествія, заключилъ онъ никогда не жениться. Лордъ Фостеръ, у котораго во угодность одному своему пріятелю принялъ онъ мѣсто Гофмейстера, и Милади, кои оба поставляли за честь, чрезъ почтеніе къ своему Гофмейстеру отличать себя отъ мѣлкихъ дворянъ, заслуги и характеръ господина Гандсома, какъ то сіи и заслуживали, очень уважали, употребляли съ начала все, чтобъ равнодушную

шную его холодность превозмочъ чрезъ знакомства съ достойнѣйшими и прекраснѣйшими женщинами, но тщетно. Не взирая на сіе говорила ему Милади откровенно, что она не вѣритъ, чтобъ сердце его не было нѣжно, а онъ бывъ богословомъ, но не Нѣмецкимъ богословомъ, признавался ей, что сіе правда. И хотя онъ не поправлялся, однако Милади надѣялась, что по таковомъ признаніи она съ нимъ скоро управится. Изъ чего выходитъ, что: „Всѣ въ су„пружествѣ состоящія особы, либо не „могутъ терпѣть, чтобъ другія „любили, или не могутъ сносить, „чтобъ другія имѣли свободныя „сердца„.

Фанни и Софія еще въ лѣсу, и неучтиво оставить ихъ во ономъ долѣе. Они пришли къ мельницѣ, и человѣкъ въ лодкѣ причалилъ къ берегу чтобъ ихъ перевезть, какъ Фанни въ другъ начала кричать; „Мамзель дю Буа въ мелницѣ„. Софія тотъ часъ просила перевозчика

отъѣхать назадъ, сей согласился, и показалъ имъ постоялый дворъ по ниже мельницы, Во ономъ хозяйка забавляла ихъ разговорами на своемъ худомъ Гасконскомъ языкѣ, но въ другъ ее вызвали, и мамзель Дюбуа съ своимъ достойнымъ другомъ секретаремъ Сеттеромъ вошла къ нимъ. Мамзель съ начала показаласъ довольно суровою, но переговоря на сторонѣ съ Сеттеромъ, вступила съ видомъ ласковымъ, приказала хозяйкѣ, обѣихъ дѣвицъ угощать, съ обѣщаніемъ вскорѣ прислать за оными коляску; а сама съ Секретаремъ уѣхала Коляска прибыла, и привезла при томъ письмо отъ Фанниной матери, но столь неявственно къ дю Буа писанное, что Фанни не могла узнать почерка своей родительницы. Софія, которая съ стороны своей, по описанію Фаннину плѣнена ужѐ была Гандсомомъ, тѣмъ охотнѣе послѣдовала приглашенію, имѣющему ее къ нему приближить, и такъ обѣ красавицы пріѣхали въ назначенный воль-

вольный домъ въ Фиртъ Оффортѣ. Тутъ нашли они нерадостное письмо отъ господина Гандсома, принуждающаго ихъ слѣдовать далѣе въ Дуабаръ, и можетъ бы еще и долѣе ихъ заведшаго, естьли бы говяжій языкъ данный имъ въ вольномъ домѣ отъ дю Буа, не подалъ имъ яснаго свѣта. Бумага въ коей оный языкъ былъ обверченъ, составляла письмо Сеттерово къ дю Буа, содержащее расположеніе и плутовскій заговоръ къ нападенію на замокъ. Оставимъ сихъ красавицъ размышлять о томъ, и послѣдуемъ въ подробности Гандсомова отвращенія къ браку.

Милади Фостеръ имѣла у себя комнатную дѣвку Бетти, которая такъ была прекрасна, что Милордъ ея никогда не видывалъ, и какъ должно полагаться на разумъ Лади, никогда и неувидитъ. Господинъ Гандсомъ нашелъ самъ оную толь прелестную, что на вопросъ, что надлежитъ къ совершенно пригожей женщинѣ, отвѣтствовалъ: „ все что и-

„ мѣетъ

„ мѣстѣ Бетти „ Сей приказано вести приступъ къ его сердцу. Она исчерпала всѣ тамошныя средства тончайшаго женскаго искусства, и описаніе ея нападеній составляетъ заразительнѣйшую картину въ семъ Романѣ; но она претерпѣла кораблекрушеніе, и конецъ хитрости былъ весьма нещастный бракъ съ другимъ; ибо сердце ея всегда осталось занято Гандсомомъ. Милади приняла на ее мѣсто другую дѣвицу, и просила одну пріятельницу доставить къ Фаини другую комнатную дѣвку, которая могла бы оставатся съ нею въ замкѣ. Сія принята, при отъѣздѣ господъ въ Лондонъ. Гандсомъ принялъ ее. Оная была пригожѣе Бетти, а особливо что принадлежитъ до нѣжности и красоты стана, но различіе не составляло многаго. Ея темные волосы къ нѣжносмѣшанному румянцу лица, несказанно украшали слѣдствіе ея задумчиваго сложенія. Она одѣвалась не пышно, но съ лучшимъ вкусомъ. Головный уборъ

боръ ея возвышалъ прелесть ея волосъ и бровь, повязка на шеѣ была, какъ прилично къ полосатому черному съ пунсовымъ убору, а именно черная шелковая. О передникѣ ея скажемъ мы только, что оный не могъ быть пристойнѣе къ таковому прекрасному наряду, хотя подробнѣе объ ономъ и не опишемъ. Извѣстно въ прочемъ, что башмаки ея были черные, украшенные хотя не блистательными, но довольно изрядными пряжками съ каменьями. Имя ей было Іянна Геави, и читатели тотчасъ догадаются, ежели имъ сказать, что имя Іянна, когда сократить оное въ нѣжнѣйшее Анхенъ, произносится Инни. Каково сердцу при таковомъ предметѣ, а особливо когда пригожей дѣвицѣ случится обморокъ. Сіе испыталъ господинъ Гандсомъ; по щастію сестра его подоспѣла на помощь, и Инни успокоилась, какъ сія обѣщала съ нею остаться. Обѣ пріятельницы — каковыми они учинились, пошли по при-

ше-

шествіи первой въ себя, въ садъ, гдѣ госпожа Гандсомъ прохаживаясь, узнала слѣдующую ея повѣсть.

Отецъ Иннинъ человѣкъ отмѣннаго искуства, имѣлъ необузданный нравъ. Онъ запрещалъ дочери своей читать всѣ книги касающія до вѣры и добрыхъ нравовъ. Ей надлежало читать предъ нимъ позорныя сочиненія и пѣсни, переводить оныя, пѣть и рисовать дерзостнѣйшія картинки, естьли не хотѣла она быть бита. На пятнатцатомъ году, искали ее подвигнуть силою къ нѣкоторымъ вещамъ, къ коимъ умѣренныя увѣщанія и примѣры привлечь не могли. Послѣдній поступокъ повергъ ее въ смертельную болѣзнь, такъ что отецъ ея, имѣющій для нѣкоторыхъ намѣреній надобность въ ея здоровьѣ, принужденъ былъ паслать ее въ Лондонъ къ одной госпожѣ равнаго съ нимъ свойства, надѣясъ возстановить ея чрезъ помощь врачей того города. Письмо отъ отца Иннина, брошенное къ ней въ по-

постелю отъ хозяйки молодой, довольно пригожей, но распутной женщины умножило скорбь ея. Отецъ ея, увѣдомлялъ во ономъ свою достойную помощницу о намѣреніи своемъ съ дочерью, кою посылаетъ къ ней, то есть чтобъ воспитать ее въ наложницы знатнаго господина. Она подала прочесть письмо оное госпожѣ Гандсомѣ, но имя отца ея было отъ онаго отрезано. „Щасливая Мисъ, возопила Инни, „вы не имѣете причины стыдиться „отца своего, позвольте мнѣ, что бы „я сіе имя въ вѣчномъ погребла мол„чаніи. Геави есть званіе, которое „въ мое время въ Лондонѣ вымерло. „Мисъ Геави послѣдняя сего рода, „была со мною на одномъ кораблѣ, „гдѣ однако ни кто не зналъ ее кро„мѣ меня. При жестокой бурѣ, „упала она чрезъ Бордъ въ море, и я „думала что можно безопасно при„нять ея именованіе„. Госпожа Гандсомъ обняла свою сожаленія достойную пріятельницу, которая была

была тронута до внутренности души, вырвалась изъ ея обьятій, и съ горькими слезами, не медленно удалилась въ густую Алею. Тамъ встрѣтился съ нею господинъ Гандсомъ, и въ томъ какъ она наполненна была глубочайшаго сострадания. Старался подавать ей утѣшеніе, упала Инни къ марморному столу, и Гандсомъ —— составлялъ ея товарыщество. Сестра его на вопль имъ испускаемый поспѣшила, и видѣла онаго упадающа безчувственна. Она и Инни (которую состояніе Гендсомово скорѣе всѣхъ лѣтучихъ солей привело въ себя) хотя старались помочь ему, но онъ лишъ отнесенъ въ свою комнату, какъ получилъ жестокую горячку. Приключеніе таковое не можетъ быть странно для нашихъ читателей. Гандсомъ прежде насъ примѣтилъ, что Инни его любитъ; собственности скорби ея онъ не видалъ, слѣдственно печальный видъ ея за столомъ и за питьемъ чаю, принялъ онъ за знакъ любви. Хотя таковыя явле-

явленія въ жизни его нерѣдко случались, но ни одно столь сильно не нападало на его сердце, кое теперь совсѣмъ начинало покоряться Инни. Необходимый отъѣздъ госпожи Гандсомъ къ ея матери, при чемъ и Инни на нѣсколько миль здѣлала ей общество, удалила сію любви достойную дѣвицу отъ ея больнаго, и доставила намъ случай продолжать цѣпь ея повѣсти.

Инни прочитавъ письмо отца своего, впала въ глубокое размышленіе. Она узнала судьбу сестры своей, которую отецъ ея упоминалъ ей умершею, что оная отдана имъ въ другое мѣсто, для воспитанія во всякихъ распутствахъ. Лѣкарь пришедшій навѣстить ее, человѣкъ чистосердечный и любви достойный, нарушилъ ея задумчивость. Она открылась ему о себѣ, въ двухъ торопныхъ рѣчахъ, ибо Вантонъ, такъ называлась хозяйка, вошла къ ней, и Инни просила у него Библіи: лѣкарь принесъ оную тайно въ слѣдую-

дующее посѣщеніе, и при семъ случаѣ выпало письмо, которое Инни къ себѣ спрятала, скрывъ оное отъ госпожи Вантонъ. —— Повѣствованіе было нарушено прибытіемъ родственника госпожи Гандсомъ, смѣшнаго педанствующаго студента, выѣхавшаго на встрѣчу своей теткѣ, и разлученіемъ обѣихъ нашихъ путешественницъ. Гандсомъ продолжала свою дорогу, а Инни возвратилась въ свой замокъ Фостеровъ, въ коемъ бѣдная Гандсомъ провела все время въ неутѣшномъ состояніи. Присматривающая за нимъ расказала о всѣмъ Инни; „ какъ онъ не сводилъ „ глазъ своихъ, какъ онъ безпрестан„ но крнчалъ Мисъ Геави: какъ онъ „ вопіялъ, что онъ хочетъ писать, „ и какъ писалъ „. Инни не хотѣла ни чему тому вѣрить (хотя внутренно о томъ не сумнѣвалась), но по случаю, подлинности коего узнать не можно, попаласъ ей въ руки бумага, писанная ночью господиномъ Гандсомомъ. Содержаніе оныя

такъ

такъ страстно, что не льзя не сообщить сего читателямъ.

Спокойный ночи мракъ, меня ужъ не встре-
(чаетъ
И глазъ моихъ бѣжитъ пріятный чувствамъ
(сонъ!
Въ жестокой участи меня онъ обрѣтаетъ:
Я зрю вокругъ себя вздыханье, слѣзы, стонъ.
Прошедшихъ лѣтъ забавъ я въ мысль недо-
(пускаю;

Ты кровь вспалила
И духъ плѣнила;
Мнѣ нѣтъ отрадъ!
Единъ твой взглядъ

Въ себѣ мою судьбу и щастье заключаетъ!
Меня сражаетъ онъ, сразя возстановляетъ.
Богъ сна прохладъ своихъ въ часъ тотъ меня
(лишилъ,
Какъ сердце мое взоръ на вѣкъ твой покорилъ.
Но гнѣвъ ли то его? Когда лишилъ мечты;
Конечно онъ хотѣлъ, чтобъ въявъ на мысляхъ
(ты

Во всякую была минуту;
Чтобъ то воображалъ
И горесть уменьшалъ
Я мной тобою люту!

Но естьли мой покой съ твоимъ соединится,
И сладкій сонъ явитъ мечтая мою страсть
И скажетъ онъ тебѣ, въ какую злу напасть
Гандсомъ тебя любя любовью сей стремится:

Играй моимъ тогда ты жесточайшимъ ро(комъ;
Считай нелестныхъ чувствъ ты пламень (мой порокомъ;
Я щастливъ буду не ложно
И жить мнѣ будетъ возможно,
Коль узнаешь что люблю
И любя тебя терплю.

Что Инни больнаго своего посѣщала, и почасту посѣщать будетъ, сіе читатели безъ моего припоминанія, по всѣмъ обстоятельствамъ заключить могутъ, и такъ безъ замедлѣнія приступаю я къ продолженію ея повѣсти, какъ оная въ отсутствіи госпожи Гандсомъ сообщила къ ней письменно.

Письмо человѣколюбиваго лѣкаря г. Гая, было очень утѣшительно для нещастной Инни; онъ объяснялъ воономъ, что не можетъ считать ее обманщицею, и обѣщалъ ей свою помощь, прося о осторожности, ибо подвергнетъ жизнь свою опасности, естьли узнаетъ о томъ Вантонъ, живущая на содержаніи у Лорда злѣйшаго его непріятеля. Второе письмо, поданное имъ во второе посѣще-

щеніе, было еще пріятнѣе перваго; онъ обѣщалъ прекрасной Инни, въ ночь будущаго воскресенья съ помощію вѣрныхъ ему разъѣздныхъ полицейскихъ. Но ночь прошла, и г. Гаи не являлся. Въ послѣдующій вечеръ получила Инни посѣщеніе отъ Лорда въ провожаніи Вантоны. Два служителя внесли за ними четыре Геридона съ свѣчами. „Ну Милордъ, „сказала Вонтонъ, признайтесь что „вы ничего еще подобнаго не видывали. Естьли вы скажете: Вантонъ, „ты противу сей дѣвушки, такъ гадка, какъ ветхой улей безъ пчелъ, „я не осержусь за сіе, я подтвержу „что вы вкусъ имѣете. — Но нынѣ „я вамъ не позволю больше, какъ ужѐ „сказывала, кромѣ воззрѣнія на ея „прелести„. — — Послѣ сего предпріяла она нѣчто, чему Инни всѣми силами сообщенными въ руки ея, гнѣвомъ и отчаяніемъ воспрепятствовала. „Оставь ее, сказалъ распустный Лордъ, она еще усмирится. Возьми моя красавица„! и

бросилъ Инни свою табакерку. Она задернула гардины своей постели, и мы учинимъ то же, чтобъ не видать происходившаго между Вантоною и Лордомъ.

Не удачная надежда съ стороны г. Гоя, жестокія поступки Вантоны, привели мысли Иннины въ ужасное состояніе. Она вспала на послѣднее средство къ спасенію, уморить себя голодомъ. Сіе навлекло ей ослабленіе и припадки желудочной судороги, обезобразившихъ ее до крайности. И однакожъ не можно было подвигнуть Вантону, чтобъ призвали лѣкаря Гая. Въ одинъ разъ когда сія госпожа вышла изъ дому, вступила особа въ маскѣ въ Иннину спальну, и обняла ее съ такимъ нѣжнымъ движеніемъ, котораго усильность, повергла почти за мертво близъ постели сію незнакомую. Инни еще не отдохнула отъ страха, какъ еще двое въ маскахъ вскочили въ комнату. Они схватили первую, которая не подавала ни малѣйшаго знака жизни,

зни, и одинъ изъ нихъ сорвалъ съ ней маску, чтобъ завязать ей ротъ. Сія была Иннина добродѣтельная мать, а другіе безчеловѣчный отецъ и братъ ея. Они поволокли умирающую сію женщину вонъ, и коляска въ которой они пріѣхали тотчасъ удалилась. Вантона возвратившаяся на другое утро, нашла злосчастную дѣвицу въ безуміи. Но не тронувшись ея состояніемъ, ругала она ее называя нищею, и понимая, кто ей заплатитъ двадцать гвиней за ея содержаніе, когда отецъ ее какъ чаятельно впалъ въ руки правосудія, понеже онъ столкнулъ женщину съ стараго моста въ воду, за что его ловили гонясь въ слѣдъ. Представте скорбь Иннину при сей вѣсти о ужасной судьбѣ родительницы и отца ея. Но мы пройдемъ сіи печальныя слѣдствія, и упомянемъ кратко, что Инни, послѣ выдержаннаго новаго нападенія отъ Лорда щастливо избавлена ночью г. Гаіемъ, и отведена въ безопасность въ его домъ, гдѣ

она въ дочерѣ его Шарлотѣ, нашла любви достойную подругу. Инни спала сей вечеръ впервіе спокойно, и съ сладкимъ воображеніемъ, поутру встрѣтить своего благодѣтеля съ новымъ повтореніемъ благодарности. Развѣло, и Инни съ Шарлотою кликнувшую ея трепещущимъ голосомъ вскочили въ комнату сего добродѣтельнаго старика: какой видъ! онъ пораженный параличемъ, сидѣлъ издыхающъ въ своихъ креслахъ, и по нѣсколькихъ прерывающихся словахъ, скончался тихимъ дыхновеніемъ. По семъ ужасѣ слѣдовалъ новый: разъѣздный помогавшій освобожденію Инни, прибѣжалъ задыхаясь. „Лордъ „нашелъ у Вантоны въ комнатѣ библію, подписанную на имя покойнаго Гаія, теперь онъ все вѣдаетъ: „я опасаюсь, что онъ въ сію минуту сюда будетъ„. Сказалъ сіе, схватилъ Инну, и бѣжалъ съ нею, какъ онъ былъ очень знакомъ въ домѣ семъ въ лабораторію лѣкаря въ концѣ двора находящуюся, было мгновен-

венное дѣйствіе разъѣзднаго. Лордъ ворвался съ пистолетомъ въ комнату умершаго. Онъ произносилъ клятвы, увидя онаго мертва, и грозилъ Шарлотѣ, но сія утвердилась что не вѣдаетъ виду какъ отвезена Инни. Лордъ принужденъ былъ ни съ чемъ возвратиться. Шарлотѣ и ея подругѣ надлежало оставить домъ сей, ибо оный не былъ собственный покойника, они наняли съ помощію разъѣзднаго маленькой домикъ, гдѣ шитьемъ и рисованьемъ доставали себѣ пропитаніе. Инни написала портретъ Гаіевъ, и отнесла оный для продажи къ купцу торгующему галентереями. Сей удивляясь искусству и великому сходству портрета, тотчасъ давалъ за него десять гвиней. Знатный незнакомый въ маскѣ, при томъ случившійся, примѣчалъ со вниманіемъ, и заплатилъ Инни сто гвиней за оный, принудивъ ея напередъ сказать гдѣ ея жилище. Инни съ великою радостію спѣшила домой. Она удовольствова-

ла судейскаго пристава, намѣрившагося взять Шарлотины и ее пожитки за долги покойнаго лѣкаря полученными деньгами: но послѣ сего обѣ подруги были попрежнему бѣдны, въ полночь вызвала ее стукомъ въ двери сидѣлица лавки галентерейнаго купца, и въ самое то мгновеніе бросилось къ ней множество мущинъ, кои отнесли Инни въ карету. Незнакомый въ маскѣ былъ никто иной, кромѣ Его Сіятельство, Лордъ **.

Карета ѣхала очень скоро, и Лордъ поступалъ съ нею очень вѣжливо. Зима была тогда, и ночь очень холодная: Инни не имѣла на себѣ кромѣ легкаго платья, она терпѣла очень отъ сквознаго вѣтра, но гордиласъ попросить Лорда закрыть окны; ей очень удивительно казалось, что онъ самъ не учинилъ онаго, когда ему въ легкомъ маскарадномъ платьѣ столькожъ надлежало чувствовать пронзительную стужу. На послѣдокъ усмотрѣла она, что оба,

Лордъ

Лордъ и купцова сидѣлица, чаятельно утомясь танцованьемъ и виномъ, крѣпко спали. И такъ она отворя съ осторожностью дверцы прыгнула вонъ, но ударилась о замерзшую землю толь сильно, что осталась безъ движенія. Служители стоявшие за каретою, слышали паденіе сіе, но немогли разсмотрѣть за темнотою. Инни опамятовавшись вскочила, и бѣжала босая изъ всѣхъ силъ; но стужа и изнеможеніе вскорѣ лишили ее чувствъ. Сонъ овладѣлъ ею, и она считала оный смертію. Два мясника нашли ее въ семъ состояніи, и подвигнутыя сожалѣніемъ привезли въ Лондонъ. Первое дѣло ея было сыскать Шарлоту, послѣ чего обѣ подруги избрали удаленное и незнакомое жилище. Шитье, рисованье, и пятдесятъ фунтовъ стерлинговъ, заплаченныхъ отъ разъѣзднаго, коими долженъ сей былъ покойному лѣкарю, поставили маленькое ихъ домостроительство на хорошей ногѣ. По нѣсколькомъ времени начала Инни

съ

съ великимъ прискорбіемъ примѣчать въ Шарлотѣ чувствительную перемѣну. Она здѣлалась лѣностна, печальна, безпокойна. Инни сносила сіе долго, но на послѣдокъ начала приставать къ своей подругѣ о причинѣ онаго. Шарлота призналась ей съ великимъ отчаяніемъ, что ее снѣдаютъ страсти и желанія, коихъ она превозмочь не можетъ вѣдая оныхъ гнусность. „ Вотъ, сказала она, отперши сундукъ, и вынимая нѣсколько книгъ, сіи проклятыя книги здѣлали сердце мое сборищемъ нечистоты! за чемъ не пожрала земля враговъ человѣчества, сочинявшихъ сіи книги, приуготовлявшихъ сіи рисунки, и сіи мерзости въ руки Агличанъ доставившихъ „? Она бросила книги. Инни увидѣла въ одной, которая упавши развернулась, знакомый ей рисунокъ. Но какой объялъ его ужасъ, когда она вспомнила, что сія одна изъ книгъ переведенныхъ ею, между прочими безпутствами по принужденію ея отца!

По-

Пощастію Шарлота была только на пути къ развращенію, и не учинила еще послѣдняго шага. Кроткія Иннины утѣшенія, ея повѣсть, кою расказывала она ей о дняхъ своего дѣтства, учинили сильное дѣйствіе на ея сердцѣ. Она бросилась заливщись слезами на шею Инни: „ Одѣ„вайтесъ поспѣшно, говорила она, „естьли вамъ пріятна ваша безопа„сность. Вѣдайте что я до нынѣ „была зговоренная за сына госпожи „Вантоны и ваша предательница, „и что въ три часа Лордъ ** сюда „будетъ „. Страхъ Инни при произнесеніи сего имени, да вообразитъ читатель. Честный человѣкъ Іонъ, помянутый разъѣздный въ минуту пришелъ по призыву Шарлотину, и обѣ дѣвицы удалились немедленно съ малыми своими пожитками въ домъ его для безопасности, пока наймутъ другое жилище. Шарлота не ложилась въ постелю; а Инни извѣдала вновь, что ни что такъ несладко, и не съ таковою услужливостію отъ при-

природы представляется, какъ сонъ по претерпѣнной опасности. Пробудясь не нашла она Шарлоты, сія пропала, оставя письмо, содержащее въ себѣ повѣсть знакомства ея съ Вантоною, ея раскаянія и отчаянія.

Читатели наши подумаютъ, что Шарлоту долго не увидятъ, Инни тоже думала, однакожъ въ вечеру предстала оная въ провожаніи своего родственника, самого того родственника, который оставилъ ее совсѣмъ присмерти отца ея, ибо, какъ оказаласъ послѣ корыстолюбивая жена его, надѣясь одна завладѣть наслѣдствомъ послѣ Гаія, письма Шарлотины перехватила. Въ отчаяніи съ коимъ оставила Шарлота Инни, хотѣла она броситься въ Темзу, какъ вдругъ очутилась въ объятіяхъ своего родственника, который ища ее безплодно, нечаянно увидѣлъ на берегу рѣки. Какъ злая жена его умерла за нѣсколько мѣсяцовъ, то взялъ онъ Шарлоту и ея подругу въ домъ свой. Годъ спустя добросердный сей старикъ за

не-

не могъ и скончался такъ же скоропостижно параличемъ какъ и братъ его Гаи. Шарлота учинилась наслѣдницею всего его имѣнія, кромѣ 2000 фунтовъ, кои онъ подарилъ Инни, и 4000 фунтовъ отказанныхъ имъ молодому человѣку именемъ Поору, жившему тогда во Франціи по дѣламъ его торговымъ. Господинъ Поръ вскорѣ прибылъ изъ Парижа, принять сіе имѣніе, а Шарлота нашла его толь любви достойнымъ, что онъ получилъ ея руку и сердце. Около сего времени сыскался капецъ Кинсманъ, участвовавшій въ торгахъ съ Гаіемъ женихомъ за Инни, но онъ лишъ примѣтя несклонность ея къ себѣ, премѣнилъ любовь въ дружество.

Сколь пламенна была Шарлотина нѣжность, столь чудно было поведеніе господина Поора; слѣдовало Инни употребить всѣ силы, чтобъ уговорить его къ женидьбѣ, на толь любви достойной особѣ, какова Шарлота, и которую онъ притомъ же-

сто-

столько любилЪ. НапослѢдокЪ бракЪ совершился, и вЪ первое утро очень рано увидѢла Инни Молодаго сего супруга отъѢзжающа. Она бросилась кЪ ШарлотѢ, кою нашла вЪ ужасномЪ замѢшательствѢ. И онЪ разЪѢздный объяснилЪ всю загадку. Едва сей услышалЪ о новомЪ семЪ бракѢ, какЪ закричалЪ: сочетаніе сіе страшное кровосмѢшеніе, ПоорЪ есть побочный сынЪ покойнаго Гаія, и только онЪ знаетЪ о ономЪ таинствѢ. КинсманЪ одинЪ могЪ подать утѢшеніе вЪ таковомЪ обстоятельствѢ. Пусть будетЪ онЪ сынЪ ГаіевЪ, сказалЪ онЪ, но Шарлота не сестра ему: подите, продолжалЪ онЪ кЪ Инни, успокойте сію нещастную женщину; скажите ей что она дочь не Гаія, а Лорда Килледа.

Мы переступимЪ слѢдствіе сего явленія, Поорово самоубіивство, и Кинсмановы объясненія, что Шарлота точно дочь Лорда Килледа, и сестры Кинсмановой. —— НавѢстимЪ на часокЪ господина Гандсома,

ко-

который во все то время, какъ Инни сестрѣ его отчасти письменно, частьюжъ изустно сообщала свою повѣсть, лежалъ боленъ съ постели не вставая. Мамзель дю Буа (Попанцъ (*) коего маленькая Фанни Вилкесъ боялась столь много) тщетно старалась очернить Инни у госпожи Гандсомы и ея брата. Зависть или ревность, ее къ тому приводила, неизвѣстно. Инни упражнялась въ письмѣ обыкновенно въ садовой бѣседкѣ; тутъ оставила она однажди письмо свое къ госпожѣ Гандсомѣ, и оное попалось въ руки дю Буа. Она отписала тотчасъ къ Лади Фостерѣ въ Лондонѣ: что Инни дочь извѣстнаго Исаака Странга, и бывшая наложница Лорда **. По чему Лади Фостеръ приказала господину Гандсому, выгнать немедленно сію обманщицу изъ дома, чтобы оная не развратила пріемшую дочь ея Фанни. Для того что Фанни не была побочная дочь

(*) Папанцы называются дикіе людоѣды.

Лади, какъ иные думали, но взятая ею во время ея путешествія по Европѣ, по желанію ея имѣть дочерью, въ чемъ ей присовѣтовала одна пріятельница. Въ Калаисѣ нашла она больную Англичанку госпожу Вилкесъ, имѣвшую при себѣ сію дѣвочку, но и сія не была ей мать, а взяла оную за нѣсколько предъ тѣмъ и съ сожалѣнія у неизвѣстной женщины именемъ Нурзы; которая вскорѣ за тѣмъ умерла, и Инни досталасъ по желанію Лади на воспитаніе.

Инни нашла въ господинѣ Гандсомѣ ревностнаго защитника. Во время какъ занимался онъ доказательствами ея невинности, и оправдать ее не много имѣлъ труда, отъѣхала она съ сестрою его опять къ Гандсомовой матери, и дорогою продолжала повѣсть свою слѣдующимъ образомъ.

Кинсманъ показывался отчасу невеселъ и задумчивѣе. сколь впрочемъ ни былъ всегда бодръ; оное не долго продлилосъ, и Инни увидѣла его

пред-

представшаго объяснить ей причину своей скорби. Получа отказъ отъ нее, какъ читатель можетъ вспомнить, положилъ онъ всю свою надежду на сочетаніе съ добродѣтельною госпожею Ливингъ, коя жила у него въ домѣ, и коя называласъ вдовою одного Французскаго Офицера, и была очень достойная особа. Она превосходила его много лѣтами: но любовь была чувствуемая имъ къ ней, а нѣжное наклоненіе, непобѣдимое желаніе всего сердца, и неописанное вознамѣреніе, вѣчно съ нею не разлучатся. И сію особу видѣлъ онъ при послѣднемъ издыханіи; онъ приставалъ вновь къ Инни, о принятіи его руки, и какъ она ему опять отказала, то просилъ онъ изъ милости, чтобъ она его и больную его посѣтила. Инни согласиласъ на сіе; разговоръ бывшій у ней съ госпожею Ливингъ былъ трогающій, и вкоренившійся во внутрь Иннина сердца. Ничего не было ей тяжелѣе какъ растаться съ сею госпожею; движеніе

 серд-

сердца, котораго она не превозмогла; оставляло ее въ дверяхъ, когда Кинсману надлежало отвезти ее. Госпожа Ливингъ умерла, и Кинсману вручили письмо найденное подъ взголовьемъ ея. Оное было къ Кинсману, и какъ онъ сталъ развертывать бумагу, въ коей оное было обернуто, впалъ ему на глаза портретъ. „О Боже, вскричалъ онъ, что я „вижу„? И подалъ оный Иннѣ. Сія не меньше оторопѣла. Портретъ былъ ея собственный, писанный не задолго предъ отъѣздомъ ея изъ дому отцова, ея братомъ. Надпись на письмѣ: къ Іяннѣ** была руки ея матери. Инни бросиласъ въ комнату госпожи Ливингъ, и повергла себя на ея тѣло: „возвратисъ, возпіяла она, о возвратись изшед„шая душа, дозволь родительницѣ „обнять хотя единожды нещастную „дочь ея„! —— —— въ письмѣ покойницы упоминаласъ госпожа Геави, съ тѣмъ что оная была повѣренная ея скорбей, и о судбинѣ ея довольно

свѣ-

вѣдущая. Къ сей приказала себя Инни отвезти, какъ только немножко отдохнула, и госпожа Геави объяснила ей приключенїе ея родительницы тако: послѣ произшествїя, когда ея мужъ схватилъ у постели дочерней, потащилъ и бросилъ въ Темзу, не утонула она какъ чаяли, но остановиласъ упавъ на ступень мостоваго схода въ водѣ, и лежала съ великимъ страданїемъ отъ разбитїя членовъ. Потомъ всползла она по всходамъ, и велѣла себя отнести къ прїятельницѣ своей госпожѣ Геави, у которой жила до времени, какъ недостатокъ содержанїя принудилъ ее итти во услуженїе къ господину Кинсману, подъ скрытымъ именемъ. Сїи разговоры заняли большую часть вечера, госпожа Геави и дочь ея оказывала толь дружественное участїе въ Инниной печали, что время протекло непримѣтно, и коляска въ десять часовъ казалась прїѣхавшею еще рано. Инни просила, чтобъ Мисъ Геави сдѣлала ей това-

 вари-

вариществе, и мать сея на то позволила. Они поѣхали при жестокой непогодѣ. Бывъ долгое время въ пути, казалосъ имъ при отсвѣчиваніи молніи, что они ѣдутъ не Лондономъ; а напослѣдокъ явственно узнали что ихъ везутъ въ полѣ. Они умножили свой крикъ, въ ту минуту вскочилъ къ нимъ слуга, сказывая, что онъ не можетъ болѣе сносить дождя. При каждомъ блистаніи смотрѣли Мисъ Геави и онъ прилѣжно другъ на друга. Вдругъ послѣднея вскочила: „ахъ! Мисъ, мы „пропали„! —— „такъ, отвѣчалъ „мнимый служитель, я Вантонъ, „и дѣвица Странге можетъ быть „обнадежена, что я въ сей разъ буду осторожнѣе„. —— И вы мой ангелъ, (къ Геави) можите такъ же быть очень позволенною добычею. Громовая погода такова милостива, что помогаетъ мнѣ разсмотрѣть у васъ пригожее личенко. Онъ хотѣлъ послѣ сего предпринять нѣкоторыя вольности, но она треснула его толь

сильно въ рожу, что онъ закричалъ о пумощи, по чему еще служитель вскочилъ въ коляску. Ихъ привезли въ мѣстечко лежащее на Темзе въ лѣтній домъ садовый, и отдали подъ присмотръ двухъ безпутныхъ женщинъ. Лордъ ** не замѣдлилъ появиться. Онъ началъ съ Инни то же, что хотѣлъ было отъ сей какъ и отъ той, то кликнулъ онъ тѣхъ двухъ женщинъ, но имъ не можно было отважиться на львицу; таковою казаласъ Инни въ сіе мгновеніе. Таковая чрезвычайная сила, кою часто слабыя особы имѣютъ при крайней опасности, надлежитъ безъ сумнѣнія къ непонятнымъ вещамъ; душа кажется въ таковыхъ обстоятельствахъ ищущею въ тѣлѣ той помощи, каковой прежде не искала, или не чаяла.

Лордъ взиралъ на Инни, устрашившую обѣихъ его помощницъ съ удивленіемъ. Онъ приближился къ ней съ почтеніемъ, и сказалъ умѣреннымъ голосомъ. „Таковой женщи„ны я искалъ, примите мою руку.

 „Намѣ-

„ Намѣренія мои перемѣнились. Я
„ отъѣзжаю въ Шотландію, гдѣ желаю
„ препроводить остатокъ моей жиз-
„ ни. Я имѣю католицкаго священ-
„ ника въ моихъ послѣдователяхъ.
„ Здѣлайте меня щастливымъ! поз-
„ вольте ему нынѣжъ связать мою
„ судьбу съ вашею. Я человѣкъ бо-
„ гатѣйшій въ вашемъ отечествѣ, и
„ слѣдственно одинъ изъ могущихъ
„ толико добродѣтелей наградить,
„ и толико красоты ощасливить. Къ
„ вашимъ ногамъ, —— Онъ бы про-
должалъ, но Инни съ презрѣніемъ
перебила, и съ благородною гордо-
стію отвергла его предложенія. Лордъ
вскочилъ какъ бѣшеный. „ Молчи,
„ безумная, вскричалъ онъ, и уда-
„ рилъ ее въ лице. Ты мала для
„ моего мщенія; я отдамъ тебя
„ Вантону, и радуюсъ быть свидѣ-
„ телемъ отчаянія, кое тебя въ
„ силныхъ рукахъ его постигнетъ „.
Вантонъ, кликнулъ онъ —— и Инни
бы погибла; но мисъ Геави броси-
ласъ невзапно на Вантона, когда онъ
по-

понесЪ свою добычу. ВЪ то мгновеніе вошелЪ КинсманЪ вЪ комнату, но за нимЪ вскочили и служители Лордовы во множествѣ; обѣихЪ дѣвицЪ оттащили вЪ корету, а отЪ туда на корабль, нанятый Вантономъ ихЪ надзирателемЪ. СЪ Инни обходилисЪ очень вѣжливо, но сЪ Геави тѣмЪ суровѣе. Воображеніе, что она причиною нещастія сей бѣдной дѣвицы, и ожиданіе приближающейся ея судьбы мучило Инни несказанно. ВЪ пятый и послѣдній день ихЪ плаванія бѣдную сію дѣвицу во время бури, сбросило вЪ море, и она невзирая на всѣ прилагаемыя старанія о спасеніи ея, утонула. ВЪ Единбургѣ высадили Инну на землю, и путь немедлѣнно продолжался вЪ товарыществѣ Лорда. ВЪ двухЪ миляхЪ отЪ Едимбурга вЪ лѣсу, напали на нихЪ разбойники, овладѣли его каретою, и повезли ихЪ всторону вЪ гущину лѣса. Ужѐ очень было темно, но Инни узнала вЪ лице, и особливо по голосу начальника разбой-

 никовЪ.

никовъ. Оный былъ опаснѣйшiй ей самаго Лорда — онъ былъ ея отецъ. Лордъ скоро послѣ того и самъ узналъ его. Онъ ругалъ его, и приказывалъ ему, естьли хочетъ видѣть дочь свою живу, тотчасъ удалиться. Отецъ Инни отвѣтствовалъ бранью: „ Я могу, продолжалъ „ онъ, то состоянiе въ каковомъ дочь „ моя выдетъ изъ высокихъ вашихъ „ рукъ, толь живо представить, что „ сумнѣваюсь, можно ли ужѐ будетъ „ получить отъ ней прибыль „. — „ Бѣднякъ, подхватилъ Лордъ, вотъ „ дочь „! — „ дочь моя „, и въ то мгновенiе выдернулъ оную изъ кареты. Лордъ хотѣлъ обороняться, но получилъ рану кортикомъ. Одному изъ разбойниковъ поручено было умертвить его продолжительными ударами. Потомъ какъ его изрѣзали до смерти, вошелъ отецъ Иннинъ въ карету, и втащилъ за собою дочь свою за волосы. Тутъ началъ онъ располагать свой ужасный планъ, къ будущимъ днямъ ея жизни,

зни; но послышанные пистолетные выстрелы принудили его в мгновеніе карету оставить. Сіи были Вантоновы, который собрав нескольких Лордовых служителей, напал на Иннина отца. Он ранил его смертельно, и уехал с каретою. При разделеніи добычи досталась Инни Вантону, который привез ее в Едимбург в дом, известный под именем Храма Венерина. Мадам Бавд, коей вручена она была от Вантона одела ее тотчас во одеяніе Жрицы сего храма, сіе называется, как возможно роскошнее. После сего начались обыкновенныя в таковых домах явленія; от коих Инни едва избавилась. Вантону надлежало немедленно отъехать, и Инни нашла случай сквозь решетку оконную, находившуюся в сад, в коем прохаживалась женщина, бросить листок, написав на оном поспешно строки просящія о избавленіи. Вантону следовало бежать в Калаис от учиненнаго им смерт-

смертноубійвства, онъ требовалъ у Бавды выдачи Инни, но получилъ отказъ. Оная въ вечеру впустила къ ней молодаго человѣка въ верховомъ платьѣ, который не доволенъ былъ ни одною изъ ея питомицъ; но Иннинною красотою казался быть пораженъ. Онъ начиналъ съ нею вольности обыкновенныя въ таковыхъ домахъ, и казался будтобы смѣется слезамъ ея и прозбамъ; однако въ то же мгновеніе удалился, и скоро за тѣмъ получила мадамъ Бавдъ приказъ отъ Сиръ Жамесъ Гопе, Лордъ профоса Единбургкаго, (сей былъ молодой человѣкъ) возвратить находящейся у ней Мисъ Иннѣ Б** свободу; приказъ, коему Бавдѣ подъ страхомъ тысячныхъ бѣдъ слѣдовало повиноваться. Инни изумиласъ при имени Гопе, ибо въ младенчествѣ своемъ знавала она фамилію сего званія, и очень преданную ея матери. Но она и еще пріятнѣе тронуласъ, когда ей Бавди вручила письмо отъ настоящей Мисъ Констансы Гопе, единаго друга

га ея юношества. Констанса шла Инни на встрѣчу, и восхищенія ихъ были не описанны. Она была та Госпожа, коей Инни бросила листокъ сквозь решетку; братъ ея посѣтивъ домъ Бавды только въ намѣреніи, избавить сію нещастную просящую помощи. Къ великому замѣшательству своему позналъ онъ въ Инни возлюбленную перваго своего возраста, и которая еще владѣла его сердцемъ. Что бы извѣдать, не притворство ли повѣсть ея невинности и не погрязла ли она какъ всѣ обстоятельства дозволяли чаять, поступалъ онъ съ нею вышепомянутымъ образомъ. Но онъ скоро узналъ истинну, и ни когда не ощущалъ щастія быть начальною особою, столь сильно, какъ подписывая приказъ о ея свободѣ. Теперь опасался онъ взглянуть на нее, ибо отвѣтъ Инни на письмо его, въ коемъ онъ предлагалъ ей свою руку. пронзилъ его душу. Она почитала въ немъ добродѣтельнаго человѣка, но любить его — она не могла.

Пер-

Первое дѣло Инни было писать въ Лондонъ, и освѣдомиться о своихъ пріятеляхъ. Отвѣтъ полученный ею отъ Шарлоты. Составлялъ печельное. Госпожа Геави умерла вскорѣ по разлученіи своемъ съ дочерью, и не зная ни чего о ней, укрѣпила имѣніе свое добродушному Іону. Кинсманъ съ горести выѣхалъ изъ Англіи оставя управленіе стяжанія своего, и третью онаго часть Шарлотѣ. Онъ писалъ къ ней, что духъ его не исцѣлится кромѣ совершеннаго удаленія отъ всего того, что онъ зналъ, и чтобъ потому не ожидала она его писемъ. Сама Шарлота, жила въ Лондонѣ, въ безпрестанномъ уныніи, въ строжайшемъ уединеніи, и просила Инни опять о товарыществѣ. Но страхъ отъ большаго свѣта, и особливо отъ Лондона, ужасаласъ Инну исполнить сіе желаніе, и удоволствоваласъ она только имѣть съ нею переписку подъ именемъ Мисъ Геави, хотя болѣзнь Шарлотина рѣдко дозволяла ей отвѣт-

вѣтствовать. СирЪ ЖамесЪ продолжалЪ свои старанія о Иннѣ, во время пребыванія ея у сестры его, сЪ равномѣрно робкимЪ почтеніемЪ, и всегда безплодно. МисЪ Гопе наконецЪ вышла за мужЪ, и Шарлота вѣдающая всѣ Иннины обстоятельства, доставила ее кЪ Лади СпелтерЪ вЪ Фротвиль, кЪ той госпожѣ, которая препоручила ее послѣ Лади ХостерЪ. Когда она садиласЪ вЪ карету, чтобЪ отЪѣхать кЪ Лади СпелтерЪ, нашла она на подушкѣ каретной СирЪ Жамесовы стихи, содержащіе стенаніе на разлуку, и между прочимЪ слѣдующія двѣ строфы.

Когда покой сыскать желаешь
У меня кой отняла:
Ты все забудь, что здѣсь ни знаешь,
Гдѣ ты стала мнѣ мила;
Забудь луга, рощи, долины,
Гдѣ тебя всечасно зрѣлЪ,
Гдѣ я узналЪ горесть судьбины.
АхЪ! забудь что я горѣлЪ!

При окончаніи Инниной повѣсти, ужè вЪ домѣ Гандсомовой матери,

тери, дѣвицы долженствовали окончать разгововорЪ до прибытія нѣкотораго мущины. Сей былЪ не господинЪ ГандсомЪ обѣщавшій пріѣхать за Инною, но помянутый СирЪ ЖамесЪ, при взорѣ на коего Инни тотчасЪ пропала, и МисЪ ГандсомЪ приказавшая ее по всюду искать, вЪ немалый приведена ужасЪ, таковымЪ нечаяннымЪ бѣгствомЪ. Инни бѣжала по Алеѣ, ведущей кЪ заднимЪ воротамЪ сада, какЪ повстречаласЪ со вторымЪ мущиною, поспѣшающимЪ вЪ сей домЪ. Пронзенная неизвѣстнымЪ чувствованіемЪ, бросиласЪ она вЪ его обЪятія. „О „мой возлюбленный, вскричала она, „избавь меня! естьли ты имѣешь „сожалѣніе, ахЪ! отвези меня не„медленно вЪ КолверкЪ„. ГосподинЪ ГандсомЪ, ибо разумѣется довольно изЪ вышеобЪявленнаго, что онЪ былЪ это: господинЪ ГандсомЪ —— жаль бы отправить его очень сухо —— выпросилЪ нѣсколько поцалуевЪ, кои Инни —— какЪ легко догадаться можно!

жно, —— охотно ему позволила. Успокойся моя дражайшая, сказалъ онъ, коляска еще здѣсь, ибо я только въ сію минуту приѣхалъ за вами изъ Колварка. Но любезная Инни, (и тутъ еще поцалуй) что вамъ случилосъ? „Я все вамъ скажу, отвѣтствовала она, ступайте только, и будьте Ангеломъ хранителемъ нещастной, полагающей къ вамъ безпредѣльную довѣренность. —— Мы забыли, сказано ли читателямъ, что господинъ Гандсомъ отъ сестры своей получилъ описаніе всѣхъ Инниныхъ приключеній, и слѣдственно о всемъ вѣдалъ.

Замѣшательство двоихъ сихъ персонъ въ каляскѣ не много было большее. Инни вѣдала, что Гандсомъ въ нее влюбленъ былъ; она сама любила его страстно. И такъ при объявленіи о причинѣ своего бѣгства, не могла она ожидать, кромѣ, что при толь удобномъ случаѣ начнетъ онъ говорить о любви своей; но Гандсомъ неупоминалъ о томъ ни слова, и сіе

учинило ей еще больше недоумѣнія.
Въ таковомъ двоемысленномъ содержаніи прибыли они въ Колваркъ, куды и Мисъ Гандсомъ на другой день пріѣхала, послѣ того какъ избавлена чрезъ письмо отъ ней, въ разсужденіи ея заботы. Мисъ Гандсомъ осталасъ обоюдною зрительницею молчанія пылающихъ любовію своего брата и подруги, а чрезъ годъ вышла она сама за знакомаго ея брату Нѣмецкаго патриція Германа. Сей прибылъ за нѣсколько мѣсяцовъ изъ Нѣмецкой земли, чтобъ видѣть лично Аглинскую вольность, каковой въ Нѣмецкихъ приморскихъ городахъ есть исправнѣйшая копія. Нечаянно получила Инни письмо изъ Гевьодама отъ Сиръ Жамеса. съ приложеніемъ втораго отъ Кинсмана. Жамесъ нашелъ его въ пустыхъ долинахъ Севенскихъ горъ; онъ въ завѣщаніи своемъ отказалъ двѣ трети пожитковъ своихъ Инни, а последнюю Шарлотѣ. Отвѣтъ Иннинъ къ Жамесу былъ съ прежнимъ оди-

одинакого содержанія, кромѣ что призналасъ она ему, что другой давно уже имѣетъ ея сердце. Подруга ее Мисъ Гандсонъ, которую мы впредъ будемъ называть только Елисаветою, употребила сей случай вывѣдать, не братъ ли ея оный щасливый. „Не пристыживайте меня, „сказала Инни, упавъ къ нѣдрамъ „ея, утѣшайте лучше меня моя „дражайшая. Вашъ братецъ меня „убѣгаетъ; ахъ моя возлюбленная, „онъ ничего, ко мнѣ не чувствуетъ, „или чувствуетъ но не ко мнѣ„ Елисавета обнадеживала ее, что она ошибается, и что братъ ее любитъ всѣмъ сердцемъ. Они нарушены были Ладіею Фостеръ, которая вошла нечаянно и шутила съ пріятностію надъ ихъ слезами. Елисавета тотчасъ сообщила о семъ разговорѣ своему брату, но нашла сего столькожъ малодушна и робкаго, какъ и Инну, и оба сіи человѣка, со своею взаимною горячайшею нѣжностію никогда бы не дошли далѣе, естьлибы проворная Елисавета,

выбравъ способность, не сложила ихъ руки вмѣстѣ, и не вымогла сердечнаго и замѣшательнѣйшаго признанія ихъ любви. „Сіе мнѣ весьма любо„, Вскричала Лади Фостеръ, выскочивши съ радостными слезами изъ боковой комнаты. Ужѐ восемъ дней примѣчала я за вами, чтобъ увидѣть толь пріятное явленіе. Позвольте и мнѣ съ стороны моей что нибудь здѣлать, продолжала она подавая имъ руки. Вы должны мнѣ дозволить радость, чтобъ я сама пеклась о вашемъ бракѣ, и притомъ въ Лондонѣ. Оба благодарили Ладію образомъ, который, не могъ быть ей противенъ, и отъѣздъ въ Лондонъ назначенъ въ будущемъ Маіѣ. Фостеры отправилась туды въ началѣ весны, слѣдственно щасливая чета одна осталась въ замкѣ. По случаю тогда было мѣсто въ Парламентѣ, ибо господинъ Гандсомъ духовное свое званіе сложилъ послѣ болѣзни, то Лади доставила ему оное; надлежало отсрочить бракосочетаніе

до

до Іюля. И самый сей мѣсяцъ былъ нещасливый, въ которомъ Гидденъ, по наущенію секретаря Сеттера и дю Буа, щастіе сихъ достойныхъ особъ толь люто нарушилъ. Умерщвлена ли при томъ Инни, о томъ вѣдаемъ мы только по слуху, и словамъ маленькой Фанни. Не взирая на то, сумнительно, чтобъ читатель вспомнилъ о семъ дитятѣ и ея спутницѣ Софіи, такъ много должно намъ было отъ нихъ удалиться; однако отъ нетерпѣнія мы тотчасъ ихъ сыщемъ.

Гандсомъ, послѣ того, какъ Софія, по полученіи мнимаго его письма, по простотѣ своей освѣдомлялась у коменданта крѣпости Дункара по воротнымъ билетомъ, и не нашла его, Гандсомъ искавшій повсюду свою Инни и Фанни, нашелъ, къ горѣсти только послѣднюю. Какъ Гидденъ и его сообщники были уже переловлены, и отданы нужные приказы къ преслѣдованію Сеттера и дю Буа, то продолжалъ онъ путь

свой съ двумя дѣвицами оными въ Лондонъ. Посреди глубочайшей его скорби, терзающей его сердце чрезъ объявленіе Фаннино, что Инни близъ ея застрѣлена, примѣтилъ Гандсомъ, что противу желанія своего здѣлалъ впечатлѣніе въ Софіиномъ мягкомъ и незнающемъ притворства сердцѣ. Откровеніе сіе еще больше его опечалило, и онъ вознамѣрился быть противу ея сколько возможно скромнѣе и осторожнѣе, чтобы вольнымъ поведеніемъ не умножить нещастную оныя склонность. Онъ почиталъ Софію и любилъ обращенія сей преизрядной дѣвицы, она была для него то, что для выздоравливающаго бываютъ ясные лѣтніе вечеры; они оживляютъ ослабшія нервы, нравятся всѣмъ чувствамъ; — но лѣкарь запрещаетъ сіе вкушеніе, понеже за онымъ слѣдуютъ болѣзненныя отпрыжки не истребившейся еще внутри немощи. Въ Лондонѣ не засталъ Гандсомъ Форстери, они по полученіи его писемъ

уѣхали

уѣхали въ Колваркъ. Столькожъ мало получилъ онъ отрады у Шарлоты Гаiи. Но чтобъ не оставить читателя въ дальнѣйшемъ невѣденiи о Гандсомѣ и его Инни; обратимся мы къ письмамъ къ нему отъ Фостери и Елисаветы, чтобъ возвѣстить радостную вѣдомость, что Инни жива, и въ то мгновенiе, какъ онъ ихъ читаетъ, она ужѐ въ комнатѣ своей въ Колваркѣ. Сеттеръ и дю Буа попались въ Калансѣ въ руки Сиръ-Жамесу, коему поступки ихъ показались подозрительны; по чему онъ взялъ ихъ со всѣмъ похищеннымъ подъ караулъ, и увѣдомилъ письмомъ въ Лондонъ о всемъ Лорда Фостера.

— Неописанно! такъ конечно радость и всѣ движенiя Гандсомовы при сей вѣдомости были неописанны! Фанни не меньше была обрадована избавленiемъ своей любезной Инни. Одна только Софiя молчала, но нѣсколько капель слезъ выпадшихъ изъ очей ея, и съ коими она удалилась,

лась, открыли проницательному Гандсому еще большую рану сердца ея. Дѣла удержавшія его по должности въ Лондонѣ, который бы охотно лежалъ у постели Инниной; ибо лихорадка отъ раны удерживала ее на одрѣ: —— плакать и сцаловывать текущія изъ глазъ ея слезы. Между тѣмъ ходилъ онъ ежедневно къ Гаіи, у коей Фанни и Софія провождали большую часть часовъ, оставляемыхъ имъ на отдохновеніе отъ учителей. Сіе обхожденіе было для всѣхъ ихъ желаемаго послѣдства. Гандсомъ сталъ веселѣе, Фанни не грустила о разлукѣ съ своими, мысли и нравъ Софіи поправились, и Шарлота Гай чрезъ разговоры своего пріятеля истребила въ мысляхъ желаніе растаться со свѣтомъ. Подкрѣпляемый искуснымъ лѣкаремъ Гандсомъ имѣлъ щастіе поправить столько ея здоровье, что она могла ужѐ ѣхать посѣтить свою любезную Инну въ Шотландіи. Врачь великаго искусства, коего послалъ Гандсомъ въ

Кол-

Колваркъ, спасъ равномѣрно Инну, коя до прибытія господина Пластера, не однократно была у вратъ смерти. — Но читатель желаетъ знать, какъ она избавилась отъ разбойниковъ.

При нападеніи разбойниковъ побѣжала Инни съ Фанніею въ лодку, одинъ изъ злодѣевъ гнался за ними. По какому намѣренію, легко догодаться; должно лишъ вообразить, сколь много ужасъ и простое одѣяніе увеличили Иннины прелести. При сопротивленіи ея разбойникъ выстрѣлилъ по ней изъ пистолета, и она упала въ воду. Что съ ней произошло она не помнитъ. Она очнуласъ въ водѣ изъ обморока, и нашла себя лежащу на мели въ тростникѣ, и подъ спиною колоду. Долго сидѣла она, поколь одумаласъ гдѣ она. Боль чувствуемая ею въ ранѣ, привела ее къ воспоминовенію произшедшаго, и притомъ во ужасъ о опасности; она собрала всѣ свои силы чтобъ уйтить далѣе. Но кровь изъ

 раны,

раны, когда она пошла вставъ на ноги, начала течь вновь, и принудила ее сѣсть опять на камень. Напослѣдокъ голова ее такъ здѣлалась пуста, что все видимое ею умножалось, возрастало до облокъ, и было зелено и темно. Изнемогши до смерти впала она въ состоянiе, въ коемъ не вѣдала, спала ли она или бодрствовала. Голосъ, сочтенный ею за ржанiе лошади, привелъ ея опять въ себя: но должно думать что недолго была она въ семъ состоянiи, ибо по пробужденiи ее еще не разсвѣло. По щастiю между тѣмъ кровь сама течь перестала. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно, и Инни продолжала медленные шаги на вершину холма, надѣясь увидѣть съ онаго мѣсто, куды бы взять ей прибѣжище. Взошедъ, усмотрѣла она нѣчто, которое съ начала сочла ивовымъ деревомъ, а потомъ человѣкомъ исполинскаго роста, но на конецъ разсмотрѣла, что былъ то столбъ съ колесомъ, на коемъ казнятъ злодѣевъ. Инни безъ

того

того не могла смотрѣть на мѣста казни, а тогда чувствованія ея были еще напряженѣе, Ужасъ ея увеличился, когда нѣчто на колесѣ зашевелилосъ; но она успокоила себя разсужденіемъ, что то воронъ или сова, и продолжала всходить. Подлинно было то человѣческое тѣло, но ужѐ не трогалась. Можетъ статься ето преступникъ, думала Инни, который умеръ въ сію минуту, страдая со вчерашняго дни въ раздробленномъ своемъ тѣлѣ. Помышленіе сіе было для нее толь трепетно, что холодная дрожь защелкала ея зубами. Она взглянула еще разъ. Находившійся на колесѣ пошевелилъ обѣими руками. „Кто тамъ?„ Онъ тихимъ голосомъ, и Инни упала на землю. Привиденіе сошло съ колеса долой. Онъ былъ пастухъ, коему занадобился ноготь отъ мертваго. Онъ натеръ ей виски водкою, увѣрилъ ее о безопасности, перевязалъ ея рану, и отвезъ къ лѣкарю въ Галкеитъ, отъ куду взяла ее Елисавета.

Здѣсь

Здѣсь подергиваетъ меня за полу наборщикъ и припоминаетъ, что сей первый переплетъ Библіотики очень превзойдетъ положенное число листовъ, естьли я во всѣхъ моихъ сокращеніяхъ, такъ буду распространителенъ. Подробмость конечно нужна, когда по нашему плану, каждое сокращеніе должно составлять маленькій Романъ. Однако повинуюсъ Господину наборщику, и скажу въ короткихъ словахъ —— что Сиръ Жамесъ, послѣ того какъ странствовалъ по Голландіи, Англіи и Франціи безпрестанно терзаемый любовію, счелъ наконецъ за лучшее возвратиться въ Лондонъ, и вызвать Гандсома, чтобъ принудить его открыть жилище Мисъ Инни. Поединокъ кончился безъ кровопролитія и съ честію на обѣ стороны; Лордъ Гопе бросилъ свое оружіе, обнялъ своего хладокровнаго противника, объявилъ его достойнымъ владѣть прекрасною дѣвицею, и поскакалъ опрометью опять въ чужіе краи. Въ Шотландіи происходитъ со

всѣмъ

всѣмъ другое явленіе. Продавецъ Галантеріиныхъ вещей пріѣзжаетъ, госпожи покупаютъ у него разные товары, Инни получаетъ письмо, открываетъ, блѣднѣетъ, запирается съ Шарлотою въ особливой комнатѣ, съ того времени дѣлается задумчива, печальна, и наконецъ вдругъ пропадаетъ. Письмо отъ ней къ одной госпожѣ въ Колваркѣ Мисъ Адамсъ называемой открываетъ таинство. Галантерейный купецъ былъ не кто иный какъ комнатный слуга Сиръ Жамеса, и пакетъ его содержалъ увѣщеваніе Инни, чтобъ остановиласъ выходить за Гандсома. Жамесъ по особливому случаю нашелъ въ Калаисѣ женщину, которая Гандсома подъ имяиемъ Жерменя знавала въ Испаніи, и которая знала его обстоятельства, какъ то побѣгъ его съ наложницею великаго Инквизитора, въ пребываніе его въ Испаніи и вещи не служащія къ выгодѣ Гандсома. Худѣйшее изъ онаго было, что онъ о нѣкоторомъ приключеніи двадцать

вто-

втораго года своего возраста, отъ самой сестры своей скрывалъ въ глубокомъ молчаніи, и что письма его и отъ оной женщины, кои Жамесъ получа отъ помянутои особы въ Каласѣ переслалъ къ Инни, все оное подтверждать казалось. Попеченіе сіе было единая ревность о благѣ Инниномъ безъ ложной выдумки или подлаго пронырства противу Гандсома, принудившая Лорда Гопе, доставить сію вѣсть; все письмо его оное изъявляло, и Инни не могла имѣть ни малаго сумнѣнія или подозрѣнія въ таковомъ болѣзненномъ объясненіи. Какъ Гандсомъ производилъ свое оправданіе, и какъ промежекъ въ повѣсти его 22 года не остался невыполненнымъ, оное произошло слѣдующимъ его собственноручнымъ писаніемъ къ одной Инниной пріятельницѣ.

Гандсомъ на 22 году возраста отправился съ Шотланскимъ Графомъ въ Испанію; Графъ тамъ умеръ. Гандсомъ принялъ въ смотрѣніе остав-

ставшее его имѣніе, и долженствовалъ по сему обстоятельству ѣхать въ Сарагоку въ Аррагонію, гдѣ ему одинъ пріятель, котораго по прибытіи своемъ онъ не застаалъ, нанялъ домъ у госпожи Видовы. Онъ занемогъ, Видова прилагала крайнее о немъ стараніе, но требовала дѣятельнаго признанія по его выздоровленіи. Съ начала открывала она сіе только подъ прикрасами и примѣрами, послѣ же дала разумѣть очень явственно. Въ сіе время были переписки между ими, приложенныя отъ Сиръ Жамеса. Гандсомъ остался холоденъ и нечувствителенъ ко всѣмъ ея хитростямъ; онъ искалъ спастися бѣгствомъ, но нашелъ себя стрегомаго. Видова, какъ свѣдала отъ слуги ея Жуана могла все надъ Генералъ-Инквизиторомъ и была его наложиницею. Гандсомъ вскорѣ позванъ предъ сего старшаго судію, который показалъ ему собственноручное его разсужденіе „естьли седмъ „таинствъ„ которое Видова выташила

щила изъ его скрыни. Инквизиторъ возвѣстилъ ему, что онъ яко еретикъ впалъ въ руки святаго суда; однако можетъ еще избѣжать спрогости святыхъ правъ, естьли женится на госпожѣ Видовѣ, которой ужѐ и безъ того обѣщалъ онъ сіе, и оставитъ съ нею Испанію. „Я ужѐ „старъ, сказалъ Инквизиторъ, и „хочу отъ свѣта удалиться; но я „не хочу сію мою общницу оставить предразсудкамъ злобнаго міра, „желаю чрезъ удаленіе ея изъ сей „земли отвратить мысли о себѣ „некоротко меня знающихъ„ Съ начала Гандсомъ, или лучше сказать Жермень (ибо сія имя принялъ онъ, чтобъ назвать себя Французомъ, и тѣмъ скрыть свою протестантскую вѣру) дѣлалъ нѣкоторыя затрудненія, но ужасъ отъ инквизиціи, каковой чувствовалъ ужѐ онъ въ ея темницѣ, принудилъ его согласиться. Инквизиторъ старался о бракосочетаніи, далъ супругамъ знатный вексель, и велѣлъ проводить ихъ подъ прикры-

крытіемъ до Билбао, гдѣ они сѣли на корабль. По щастливомъ плаваніи вышелъ Гандсомъ съ женою своею въ С. Геліерѣ на островъ Іерзей, чтобъ пробыть нѣсколько мѣсяцовъ у одного своего пріятеля. Но сей умеръ и укрѣпилъ ему свою маленькую деревеньку близъ С. Геліера, которою владѣть дозволили ему и подъ именемъ Жерменя. Бывшая госпожа Видовъ между тѣмъ очень поправилась, но нравъ ея вдругъ перемѣнился въ мрачную задумчивость, и Гандсому не возможно было ни глубокое уныніе ея разогнать, ни получить извѣстія о прежнихъ ея обстоятельствахъ. Во время отлучки Гандсома по своимъ дѣламъ, родила она сына, и при возвращеніи нашелъ онъ мать и младенца мертвыхъ. Жуанъ показалъ ему ихъ тѣла, при чемъ черты сына его очень его тронули, и послѣ отправлено погребеніе. Гандсомъ отправился опять путешествовать, для разогнанія печали, что и удалось ему съ

помощію истиннаго его друга вЪ Санктпетербургѣ. По возвращеніи его вЪ Англію началась та часть его повѣсти вЪ Колваркѣ, о коей читатель извѣстенЪ. ОнЪ заключилЪ письмо сіе печальнѣйшимЪ выраженіемЪ страданія безЪ надеждной любви своей, и что рана сердца его не исцѣлится, поколь оное будетЪ биться вЪ груди его.

Можно ли было Иннѣ не стараться лѣчить сію рану нѣжнаго своего любовника, имѣющаго толь сильнаго предстателя вЪ ея сердцѣ, и не стыдиться о своей поспѣшности? Она учинила сіе, мирЪ возстановленЪ вновь между щасливыми любовниками, и малая распря сія служила только ко умноженію ихЪ любви и усугубленію щастія. Достойный духовный д. Гентлей прибылЪ сочетать нхЪ. Сему возложилЪ ВандсомЪ успокоеніе мыслей СофіиныхЪ, которыя сердце еще вЪ тайнѣ страдало, чрезЪ возвѣщеніе о смерти отца ея Гиддена вЪ темницѣ, послѣ того, какЪ оставилЪ

вилъ онъ собственноручное начертаніе страшной повѣсти своей жизни. Онъ назывался Графъ Перигліо, и былъ Корсиканецъ: чтобъ отмстить отцу своему, похитилъ онъ сестру свою изъ монастыря, жилъ съ нею въ кровосмѣшеніи, бѣжалъ въ Лондонъ, и женился на Мисъ Меалѣ, кою увезъ, и насильно на ней обвѣнчался.

Читатель вспомнитъ о нѣкоторомъ Жуанѣ объявленномъ во оправданіи господина Гандсома; сей былъ съ того времени церковникомъ въ Сутвилѣ, и призванъ, для подтвержденія Инни о справедливости объявленнаго Гандсомомъ о двадцать второмъ годѣ его возраста. Онъ привезъ съ собою и еще новости, а именно —— что Фанни Вилкесъ дочь господина Гандсома. Кормилица ея жена Жуанова подмѣнила вмѣсто ея мертваго своего сына. Побудившее къ сему было присылка отъ Инквизитора, заключившаго дитя Видовы воспитать въ Католицкомъ законѣ,

подкупившаго его съ женою выдать ему маленькую Фанни. Но они обманули духовнаго, взяли деньги и ушли съ младенцемъ. Жуанъ послѣ того съ женою разлучился; и какъ она искала его въ Калаисѣ, впала оная тамъ подъ именемъ Нурзы, въ великую бѣдность; и тамъ то случилосъ, что госпожа Вилкесъ взяла у нищей оной маленькую Фанни, какъ выше упомянуто.

Дьячекъ долженствовалъ самъ принесть Инни сію радостную вѣдомость. При взглядѣ на нее онъ изумился: „ахъ Боже! вскричалъ онъ, „такъ вы то невѣста! ахъ, Мисъ! „прошу меня простить„! Инни испужаласъ, но любовникъ ея шепнулъ ей, чтобъ она не безпокоиласъ, ибо сей человѣкъ весьма страннаго свойства, и еще страннѣе того объясняющейся. „Не опасайтесъ, сказалъ „онъ потомъ къ дьячку, Мисъ Геа„ви вамъ все проститъ„. Мисъ Геави? Отвѣчалъ дьячекъ, съ движеніемъ, отъ котораго не можно было

удер-

удержаться, чтобъ не хохотать. „ Ну, ну, продолжайте безъ страха „ говорилъ Гандсомъ. Дьячекъ повиновался и расказалъ тоже, что мы ужѐ знаемъ, послѣ чего Инни и всѣ разошлисъ. Но Гандсому удивительно показалосъ изумленiе сего человѣка. Онъ убѣждалъ его, и сей отъ часу становился робостнѣе. „ Естьли бы это „ она была, то бездѣльникъ бы мнѣ „ тотчасъ признался. Оставимъ это, „ я ошибся, — я думалъ что невѣста „ ваша Графиня, —— я зналъ Гра- „ финю „. Но раскажите повѣсть вашей Графини; подхватилъ Гандсомъ. Дьячекъ началъ послѣ того повѣсть, каковой читатели не ожидаютъ, и которая столькоже поразитъ ихъ, каковымъ ударомъ была она для Гандсома, нещастной Инни и всѣхъ ихъ друзей.

Жуанъ служилъ у госпожи Видовъ, прежде отъѣзда ея въ Испанiю; оная была на содержанiи у Лордовъ Лавиша и Риха. Она кровосмѣсившаяся сестра Периглiева, и госпожи Вантонъ есть одна особа. Братъ

ея Графъ былъ тогда въ Шотландіи, подъ именемъ Странга. Онъ послалъ къ ней дочь свою Инни, рожденную отъ Мисъ Меалы, и какъ сію увезъ д. Гаіи, Лордъ Лавишъ столько за оное досадовалъ, что угрожалъ Вантонѣ открыть суду извѣстное ему ея кровосмѣшеніе, естьли не доставитъ ему Инни. Отъ страха ушла она подъ именемъ Видовы въ Испанію, гдѣ женился на ней Гандсомъ. Молодый Вантонъ былъ рожденный отъ брата и сестры; а Графъ Пиригліо послѣ того еще перемѣнилъ свое имя и назвался Гидденомъ. —— Слѣдствія сего срашнаго познанія, легко представить. Бракъ Гандсома съ Инною учинился невозможнымъ; ибо она была родная племянница жены его. Пошли обьявить о семъ нещастной и нѣжной оной дѣвицѣ. —— Да проститъ читатель! я не могу присудствовать при сей жалостной Сценѣ. —— Я заключаю повѣсть.

IV.

РОМАНЫ ИНОСТРАННЫЕ.

4.

Обнаженные Католицкіе монахи, или забавная повѣсть Дона Рануція д. Алета.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Сочиненіе сіе есть колкая кратика на Котолицкихъ монаховъ, а особливо Клириковъ Королевства Португальскаго, наполненное насмѣшокъ и сходства, не въ поносъ прочему почтенному духовенству. Первый издатель его былъ Италіанецъ, извѣщаніющій, что онъ получилъ рукопись сію въ Падуе, при распродажѣ книгъ славнаго доктора Албагертія. Нѣмецкій переводъ вышелъ въ 1748 въ Гамбургѣ въ 8. За сочинителя подлинника признаютъ славнаго творца Дона Кишота, Мигеля Церванта Саведру, умершаго въ 1626 году. Справедливо ли сіе или нѣтъ, по крайней мѣрѣ, дарованіе Церванта чрезъ то не обезславится.

РОМАНЪ.

Донъ Педро д' Алетъ, составя щастіе свое въ Бразиліи, прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ женился на Доннѣ Гортензіи, женщинѣ весьма набожной, и совсѣмъ преданной монахамъ. Рануціо былъ седмый плодъ сего брака, и понеже онъ какъ младшій, въ таковой изобильной семьѣ, не могъ ожидать большаго временнаго блага, то дополнилъ сіе отецъ его хорошимъ воспитаніемъ. Случилосъ, Рануцій въ отсутсвіе отца занемогъ, и занемогъ очень опасно; первый врачь, призыванный Гортензіею, которая ни кому не позволяла входа въ домъ свой безъ дозволенія духовника своего, былъ Карамурло, но оный извинися, что ему надлежитъ отправить нѣкотораго Каноника, препоручившаго ему четырехъ молодылъ Каноииковъ, великую нужду имѣющихъ въ его помощи, онъ пришелъ напослѣдокъ; но конецъ посѣщенія былъ тотъ, что Рануціо не повиновался

вался ни одному изъ его сумозбродныхъ предписаній. Донъ Педро между тѣмъ возвратился, выгналъ монаховъ, пришедшихъ испытать цѣльбу своими чотками, и послалъ за искуснымъ врачемъ Кампнеломъ, вышедшимъ только изъ Францисканскаго монастыря, въ коемъ препровелъ три дни у Гвардіяна, и съ великимъ трудомъ свободилъ его желудокъ отъ неваренія пищи. Состояніе Рануціево отъ часу становилосъ худше, онъ впалъ въ сонную болѣзнь, и донна Гортензія въ крайней горести положила обѣщаніе, чтобъ постричь его въ Францисканцы, естьли онъ избавится отъ болѣзни. Едва окончала она сію молитву. Больной невзначай оказалъ жизненные знаки. Тутъ вскричала она: чудо! чудо! бросиласъ ему на шею, и увѣщевала подтвердить обѣщаніе, учиненное ею отъ его имени. Рануціо былъ еще въ такой тягости сна, что не разумѣлъ ни слова рѣчей ея. Однакожъ зналъ мать свою, и пожи-

пожиманіемъ руки оказывалъ сколько много трогаютъ его попеченія ея и слезы, которое Гортензія сочла согласіемъ. Сіе вскорѣ открылосъ, когда донъ Педро, по выздоровленіи своего сына велѣлъ ему ѣхать къ своему брату, имѣющему одно изъ лучшихъ поповскихъ мѣстъ, и живущему очень здорово и весело. Гортензія совѣтовала исполнить обѣщаніе, чѣмъ отца и сына привела во удивленіе. Однако Ракуціо былъ просвѣщеннѣе, и донъ Педро о злоупотребленіяхъ монаховъ своего отечества довольно свѣдущъ, чтобъ можно послѣдовать Гортензіину требованію и какъ сія прислала къ сыну своему нѣсколькихъ монаховъ для увѣщанія, то сіе послужило только поспѣшить отъѣздомъ его къ дядѣ.

Рануціо нашелъ въ донѣ Антоніи, своемъ достойпочтенномъ дядѣ, мужа въ пять футовъ вышины и около четырехъ толщиною, съ надутыми щеками, каковыя деревен-

скія

скія маляры обыкновенно жалуетъ Борею, толстымъ жирнымъ подбородкомъ, пламенно яхонтовымъ лицемъ, и очами съ алыми зѣницами. Онъ сидѣлъ за столомъ близъ молодой пригожей домостроительницы, которая какъ онъ сказывалъ была дщерь его поварихи. Рануціо вѣрилъ ему въ угодность, ибо онъ нашелъ въ молодой дѣвицѣ черты, оправдающія уваженіе, оказываемое къ ней отъ господина Пастора. Пріемъ былъ родственный и угощеніе изобильно. На другой день было посѣщеніе двоихъ госпожъ изъ Феоры, и вскорѣ за тѣмъ предстали шесть Пасторовъ изъ сосѣдства, прибывшіе на конференцію, коя въ день тотъ у дона Антонія, по обыкновенію долженствовала происходить о статьяхъ нравственныхъ и богословкихъ. Конференція началасъ съ окорока ветчины, оттуда перешла за карточныя столы, а отъ столовъ въ комнату, гдѣ обѣдаютъ тутъ видимо было только изобиліе, и вино произвело столь много забав-

ныхъ

ныхъ дѣйствій, что щеки госпожъ больше, нежели единожды возвышали свой румянецъ. Посреди сего Бахусова празднества доложили о бѣдномъ дворянинѣ, коего духовные думали отправить милостинею; но немало изумились, увидя онаго вшедша въ худомъ одѣяніи, но съ видомъ заслуживающимъ почтеніе, марсовою осанкою, и общество съ учтивостію поздравляющаго; но господа Пасторы соотвѣтствовали только легкимъ наклоненіемъ головы. Онъ сѣлъ за столъ безъ прозьбы, къ множайшему удивленію духовныхъ, кои съ начала нѣсколько поусмирели, но мало по малу дали свободу своимъ шалостямъ. Какъ разговоры ихъ, бывшіе не изъ самыхъ благонравныхъ исчерпались, и кружки съ виномъ опросталисъ, поворотился одинъ изъ нихъ къ дворянину, который во все время отъ прекрасныхъ ихъ разговоровъ пожималъ плечами, и сказалъ возвышеннымъ голосомъ: „Ну! господинъ „Алкугна, уговору не было, чтобъ

„вы

„ вы кушали даромъ! человѣкъ, какъ „ вы, такъ долго служившій при „ дворѣ, конечно видѣлъ тысячи лю„ бовныхъ шалостей, и занялъ кучу „ дурачествъ „? Донъ Алкугна не допустилъ себя просить вторично, и тотъ часъ началъ сказку о больномъ дьяволѣ.

—— „ Луциферъ, сказалъ нѣко„ гда придворный Королю занемогъ „ очень опасно. Въ одно мгновеніе „ здѣлалось во всѣмъ адѣ великое „ волненіе; побѣжали за докторами, „ въ коихъ въ странѣ той такъ же „ нѣтъ недостатка, какъ и въ на„ шихъ; но понеже оные неискуснѣе „ тамъ, какъ и повсюду, то и не„ могли исцѣлить его подземнаго „ величества. Госпожа Прозерпина, „ его супруга. довольно худо ведущая „ съ нимъ домостроительство, съ на„ чала не жаловаласъ на болѣзнь сію. „ Жены по большей части радуются „ таковымъ нещастіемъ. Однакожъ, „ увидя его оставленна отъ врачей, „ почувствовала нѣкоторый возвратъ

„ нѣж-

„нѣжности, и никогда можетъ
„быть супруга столько не оказывала
„знаковъ горести, какъ она при семъ
„случаѣ. Она явила ему больше друже-
„ства и ласки, нежели въ 6000 лѣтъ
„препровожденныхъ съ нимъ въ со-
„житіи, что господину Луциферу
„столькожъ доставило удивленія, какъ
„и удовольствія. По истощеніи всѣхъ
„средствъ и врачебнаго искуства,
„пожелала она употребить знаемыя
„ею домашнія цѣльбы. Въ семъ
„намѣреніи спрашивала у него не
„поопасется ли онъ принять лѣкар-
„ство изъ рукъ ея? Луциферъ от-
„вѣтствовалъ, что оное охотно и-
„сполнитъ, когда только напередъ
„откроитъ ему родъ врачбы. Хоро-
„шо, сказала она въ мгновеніе, по-
„казывая ему сосудъ, прими сіе,
„вотъ душа прокуратора; я не знаю
„лучшаго слабительнаго. —— Скажи
„лучше ничего твердѣйшаго и не-
„удобоваримаго, впалъ ей дьяволъ
„въ рѣчь. Развѣ ты забыла, что
„за шесть предъ симъ мѣсяцомъ,

„мѣся-

„ мѣсяцовъ, я чуть не задохся, толь-
„ ко лишъ отвѣдавъ, хотя ты до-
„ вольно осторожна была оную замо-
„ рить? Такъ, изъ ума вонъ, от-
„ вѣчала Прозерпина, но вотъ нѣчто
„ помягче. Ето душа сборщика, ко-
„ торая не здѣлаетъ вреда твоему
„ желудку. Душа сборщика, подхва-
„ тилъ Луциферъ? Поди ты съ нею
„ прочь; неужъ ли ты не знаешъ,
„ что люди сіи обыкли сосать на-
„ родъ, на щетъ коего они жирѣютъ.
„ Такъ, я клянусъ тебѣ моими ро-
„ гами, она меня проточитъ до
„ мозгу, естьли я проглочу ее. Охъ
„ нужъ! продолжала Прозерпина, сію
„ ты конечно не откинешъ; вотъ
„ большая жирная монашеская душа,
„ упитанная одними только похлеб-
„ ками и рябчиками. Эхъ, тьфу!
„ противурекъ дьяволъ, ты шу-
„ тишъ, въ состояніи ли я, сварить
„ таковую пищу? Сало ея ляжетъ
„ мнѣ на сердце, и мнѣ ужѐ тош-
„ нитъ, что и говоришъ ты о ней.
„ Э! такъ я вижу, сказала Прозерпи-

„на, что болѣзнь лишила тебя
„вкуса, ибо впрочемъ сіе любимое
„твое было кушанье. Но ежели бы
„ты могъ принять нѣчто по лако-
„мѣе, я бы сыскала. Душа молодой
„монахини, которую наставникъ ни
„разу не привелъ во искушеніе. Годи-
„ласъ бы, — да гдѣ ты ее най-
„дешъ, спросилъ Луциферъ? Ты
„столькожъ не сыщетъ ея, какъ про-
„повѣдника, который бы все то
„дѣлалъ, къ чему другихъ увѣще-
„ваетъ. Но, сказала Прозерпина, я
„чаю можно найтить душу Государ-
„скаго духовника; оная сладкій ку-
„сочикъ, много въ свѣтѣ значащій,
„и коя тебѣ конечно поможетъ. Ко-
„гдабы еще изъ оныхъ былъ оста-
„токъ, отвѣчалъ сатана, я ни ко-
„гда бы боленъ не былъ, ибо оные
„ежедневно употребляются мною
„для завтрека! Нѣтъ, ни что изъ
„помянутаго не можетъ возвратить
„здоровья моего. Одна только вещь,
„къ которой я чрезмѣрный Апетитъ
„чувствую; но оную весьма найтить
„труд-

„ трудно. Ахъ! мой милой бѣдняшеч-
„ ка, вскрикнула Прозерпина, можетъ
„ ли быть трудно сысканіе вещи,
„ для избавленія возлюбленнаго?
„ Скажи, и будь благонадеженъ, что
„ я ничего не упущу способнаго ко
„ извлеченію тебя изъ сего жалкаго
„ состоянія. Хотя бы слѣдовало зе-
„ млю и небо опровергнуть, всѣ
„ стихіи возмутить. —— Ахъ, та-
„ кой великій бунтъ ненадобенъ,
„ подхватилъ Веелзевулъ; ибо когда
„ ты разошлешъ и всѣхъ бѣсовъ на
„ поверхность земли, то сумнѣваюсь
„ я, чтобъ оные скоро сіе сыскать
„ могли. Однакожъ между тѣмъ
„ вещь не вовсе не возможная, хотя
„ крайне рѣдкая, чтобъ сказать буд-
„ то и сыскать не льзя. Да чтожъ
„ за такой дорогой товаръ, любо-
„ пытно спросила царица адская;
„ любезный дьяволушко, не допускай
„ меня больше воздыхать. Ежелибъ
„ можно, сказалъ на конецъ Луци-
„ феръ, сыскать мнѣ шесть дере-
„ венскихъ поповъ. Кои были бы цѣ-

„ломудренны, трезвы и сострада-
„тельны, и чтобъ мнѣ тотъ часъ изъ
„оныхъ сдѣлали Фрикасе, я увѣренъ,
„что сіе удержитъ жизнь мою„. —

На семъ словѣ сказки, которую дворянинъ не докончилъ, всталъ онъ отъ стола, отдалъ поклонъ и оставилъ духовное общество въ безмолвіи и замѣшательствѣ. Пилюля оная довольно имъ была непріятна. Онъ дурацкая рожа, съ своимъ больнымъ дьяволомъ, сказалъ одинъ изъ нихъ; насъ, такихъ духовныхъ какъ мы, тотъ часъ возмутъ на лѣкарство Луциферу. Клянусь святымъ Іяковомъ, молвилъ другой, ежели госпожа дьявольша исцѣлить его желаетъ, слѣдуетъ ему только дать преизряднаго Еликсиру, получаемаго нами изъ Папиманіи. Рануціо просилъ объясненія сей загадки, и духовный расказалъ ему политическо-аллегорическую повѣсть, которую мы сюда не внесемъ, и которая господъ Пасторовъ раздружила до кулачнаго побоища, отъ чего ихъ ни

ни что бы не удержало, кромѣ звука гобой, съ играніемъ на которыхъ чета новобрачныхъ вступила въ домъ Антоніевъ. И такъ они кончили свою конференцію, и съ удовольствіемъ отъѣхали.

Особливый случай вдругъ прервалъ пляску и прочія свадебныя веселости. Читатель помнитъ госпожъ посѣтившихъ отца Антонія. Дворянинъ ихъ провожавшій, усмотрѣлъ на рукѣ новобрачныя бриллiантовый перстень, и какъ онъ наполненный удивленія хотѣлъ о семъ освѣдомиться, узналъ въ ней свою потерянную возлюбленную: бросился ей на шею, и вскричалъ: „Ахъ! дражайшая Софія, вотъ твой нѣжный, твой „вѣрный Фронтіеро, коего ты опять „видишъ„! Можно легко догадаться, что новый супругъ, при толь нѣжныхъ обниманіяхъ, не могъ представлять терпѣливаго зрителя, но его упросили успокоиться, и прежде выслушать оправданіе дворянина. Оный началъ: Донъ Фронтіеро въ

молодости своей служилъ въ Португалліи, гдѣ познакомился съ Софіею, и получилъ руку ея отъ родителей ея. Въ путешествіи его въ Кадиксъ попался онъ въ полонъ Салейскому Корсару. Бывъ невольникомъ пріобрѣлъ онъ благосклонность Султана Мулей Измаила, который сдѣлалъ его строителемъ новыхъ своихъ палатъ и сада. Сей прилѣжалъ къ строенію сего Государя, и Фронтіеро вскорѣ вшелъ во обязательства съ молодою Султаншею, родомъ Испанкою и любимицею Султанскою, коего желаніямъ она жестоко противилася. Фронтіеро увезъ ее, послѣ того, какъ получилъ извѣстіе о Софіиной смерти, и женился на ней по возвращеніи своемъ въ Испанію. Оная была изъ госпожъ посѣтившихъ Антонія, и въ новобрачномъ такъ же узнала прежняго своего любовника, коего равномѣрно полагала въ мертвыхъ. Вражда вмигъ кончиласъ, и обоимъ супругамъ слѣдовало только помѣняться; Фронтіеро взялъ свою Софію, а

Донъ

Донъ Жуанъ молодый супругъ, свою старую Феклу. Отецъ Антоній съ начала дѣлалъ противу сего возраженія: „Ибо вчерась, сказалъ онъ, „обвѣнчалъ я Дона Жуана на Софіи, „который конечно ужѐ правомъ сво„имъ пользовался, а Маркизъ съ „Донною Феклою и того хуже, по„неже онъ ужѐ цѣлые четыре года „былъ владѣтелемъ„. Однако представленія Рануція, и еще больше обѣщанія довольныхъ супруговъ, что онъ ничего изъ надлежащаго ему за труды при семъ вторичномъ сугубомъ бракѣ не потеряетъ, учинили его совершенно довольнымъ.

Сколь ни былъ Донъ Антоній состояніемъ своимъ изобиленъ, и сколь ни выхвалялъ пріятности, праздности и роскоши своему племяннику, но сей помышлялъ о другихъ времени провожденіяхъ, и къ тому показалосъ ему удобнымъ дворянское село, гдѣ было такъ великое стеченіе людей, какъ бы составляло оное цѣлый уѣздъ. По чему представилъ

онъ себя помѣщику онаго, чрезъ вѣжливаго его сына Дона Матвея де Грапина. Отецъ его былъ Королевскій откупщикъ, и собралъ великое богатство, но видны были еще въ немъ ухватки первыя его степени, холопьяго рода. Донна Канорія сожительница его, и того меньше разумѣла о благородномъ поведеніи. Рануціо нашелъ ихъ за игрою, упражненныхъ въ стараніи лишить двоихъ духовныхъ, одного поповскихъ его сборовъ, а другаго гвардіанскихъ доходовъ. Между тѣмъ Грапина показывалъ Рануцію знаменитость своей библіотеки и кабинета художествъ, и дѣлалъ при томъ объяненія, каковыхъ отъ него и ожидать надлежало. Глупъ Лаокоона съ его сыновьями (*) считалъ онъ за людей лежавшихъ ловить угрей, и чрезъ то на двухъ змей наткнувшись, и такъ далѣе.

(*) Лаокоонъ былъ сынъ Пріяма и Гекубы, и жрецъ Аполлоновъ. Онъ задушенъ двумя змѣями пожиравшими его сыновей, когда хотѣлъ оныхъ отъ сихъ избавить.

далѣе. Съ книгами своими онъ не-лучше обходился. „Я не изъ тѣхъ „дураковъ, говорилъ онъ, кои по „древности книги доброту ея опре-„дѣляютъ. Я никакую книгу не „считаю хорошею, коя не имѣетъ „красиваго переплета, и когда кото-„рая изъ моихъ позамаслится, „такъ и бросаю ее къ чорту. Я „такъ въ семъ пунктѣ твердъ, „что и самъ не читаю оныхъ, опа-„саясъ, чтобъ не изгадить„. Гра-пина продолжалъ бы хвастать о сво-ихъ рѣдкостяхъ, естьли бы при по-казываніи гостю своему ящиковъ съ бабочками, и которыхъ послѣ своего собранія уличныхъ пѣсенъ, считалъ наивеликолѣпнѣйшимъ сокровищемъ, вѣтръ не отворилъ окна, и не унесъ сея драгоцѣнности. Грапина сталъ внѣ себя; Рануціо переловилъ бабо-чекъ, коихъ вѣтръ вертѣлъ съ боку на бокъ, сколько было возможно, и утѣ-шилъ откупщичонка тѣмъ, что можетъ быть прочія изъ нихъ попадали за книги. Чтобъ больше развеселить

его пошли они въ садъ, гдѣ собирали виноградъ. Одинъ изъ монаховъ пришедшихъ взять монастырскую десятину влѣзъ въ чанъ, и упражнялся проповѣдью къ собранію. Между тѣмъ какъ слово его дошло вящшаго жара, шла мимо голодная овчарка; оная обнюхала верьхнее монахово одѣяніе лежавшее на землѣ, и умѣла оное рыломъ, зубами и лапами до тѣхъ поръ перевертывать, пока изъ кармана показалась часть бараньяго стегна. Чтобъ не помѣшали ея апетиту, отправилась она съ рясою прочь въ удобное мѣсто, при великомъ смѣхѣ присудствовавшихъ. Проповѣдникъ болѣе помышляющій о своемъ ужинѣ, нежели о проповѣди, видя, что ни кто не гонится, выскочилъ поспѣшно изъ чана, и собственною особою началъ настигать овчарку, коя была ужѐ въ полной работѣ. Онъ схватилъ за полу, другіе собаки пришли разнимать, и схватили за другую. Сраженіе было упорно, и зрители

раз-

раздались отъ смѣха. Напослѣдокъ ряса по срединѣ разорвалась, монахъ брякнулъ о землю, а собака съ добычею отправилась въ путь.

Въ слѣдующій день прибылъ Патріархъ Лиссабонскій, съ такимъ великимъ числомъ послѣдующихъ, что всякій разумный человѣкъ ужаснулся бы отъ посѣщенія его Архипастырства Но Грапина, который ни раза въ жизни своей не вкушалъ толь великой чести, чуть не умеръ съ радости, увидя онаго шествующа къ себѣ на дворъ, а жена его готова потерять разумъ. Она кричала какъ безумная: „Потріахъ, мое „сокровище, Потріахъ посѣщаетъ „насъ! пусть впредь осмѣлятся „оспоривать намъ наше дворянство„. Но по нещастію утверждала она мнимое сіе дворянство очень худо, для того, что увидя сего прелата выходящаго изъ кареты, побѣжала его встрѣчать, упала къ ногамъ его, и просила о благословеніи. При встрѣчѣ сей была такъ же толпа мужиковъ,

ковъ, кои глядя на нее, всѣ повалились на брюха. Рануціо не имѣлъ причины быть довольнымъ Патріаршимъ пріемомъ, ибо сей былъ столькожъ малъ душею, каковъ казался тѣломъ; онъ оставилъ дворянскій домъ, и пошелъ къ своему дядѣ, который возгласилъ ему прекрасную защитительную и похвальную рѣчь достопочтенному монаху сему. Но скоро Антоній заговорилъ другимъ голосомъ, когда вручили ему посѣтительный окладъ, въ которомъ приходъ его поставленъ былъ во сто червонцовъ. Въ досадѣ зачалъ онъ расказывать Рануцію другія повѣсти о корыстолюбіи монаховъ и эпизоды Дона Лопеца де Веги. Рануціо чтобы его успокоить, и притомъ отмстить за гордость Архіерею, тотъ часъ представилъ своему дядѣ счетъ, сколько съѣдятъ мулы и лошади Патріарховы, и расположилъ такъ, что еще Антонію слѣдовало получить 20 червоныхъ. Для чего самъ пошелъ въ замокъ подать оный счетъ. Онъ на-

нашелъ Патріарха въ женскомъ монастырѣ, коего осмотръ былъ единственною причиною его сюда пріѣзда. Никогда не случилось труднѣе описать изумленіе въ каковое пришли монахини при взорѣ на Патріарха, Сіи добрыя агницы, здѣлавшія о немъ таковую картину, каковыя часто представляетъ намъ воображеніе о вещахъ, коихъ мы съ роду не видывали и о коихъ наполняетъ оно насъ великими мыслями, пришли отъ малорослаго его и смѣшнаго виду внѣ себя. Однѣ хохотали подъ покрывалами, другія ушли вонъ, или покрайней мѣрѣ пережималисъ отъ смѣха. Сколько забавляла сія комедія Рануція, столько огорчился тѣмъ Патріахъ: онъ ополчился на нихъ разумно, и именовалъ ихъ еретницами не имѣющими почтенія къ своимъ Архипастырямъ. Онъ началъ съ Игуменьи, и выговаривалъ ей, что она подчиненнымъ своимъ дозволяетъ читать развратительныя книги. Они читаютъ ваши, отвѣчала Игу-

Игуменья почтительно. Сей острый отвѣтъ, за которымъ слѣдовало много другихъ равнаго звуку, не подавали причины Патріарху быть посѣщеніемъ симъ довольну. И такъ отрекъ онъ монахинямъ свое Патріаршее благословеніе, съ прибавленіемъ, что до столько разъ лишитъ ихъ причащенія, сколько читали они худыхъ книгъ. Послѣ сего сѣлъ онъ за столъ, за коимъ показалъ себя весьма исправнымъ, а особливо надъ виномъ архиправовѣрно, и тотчасъ уѣхалъ на другіе осмотры.

Нѣкоторые изъ земныхъ Апостоловъ посѣтили Антоніа, который еще не позабылъ о Патріаршемъ окладѣ, хотя и совсѣмъ отъ онаго отдѣлался, какъ сказано выше. Какъ только отцы открылись ему, что Патріархъ послалъ ихъ, въ его приходъ дѣлать проповѣди, то подхватилъ Пасторъ съ великимъ жаромъ: „ сіе разумѣется, чтобъ вамъ про„ быть у меня двѣ недѣли и съѣсть „ меня совсѣмъ? Нѣтъ, я покорной

„ слу-

„ слуга Патріарху и вамъ. Развѣ „ мало, что я кормилъ его лошадей „ и муловъ? Слѣдуетъ ли ему „.... Сказавъ сіе дозволилъ онъ имъ отрясти прахъ ногъ своихъ, и убираться далѣе. Рануціо, слышавши, что они пробираются въ Масилію, гдѣ одинъ изъ добрыхъ пріятелей Антоніевыхъ былъ Пасторомъ, и зараніе предвидящій забавное явленіе, послѣдовалъ за ними неукоснительно.

Въ вольномъ домѣ, въ который онъ дорогою зашелъ, не было никакого кушанья, для того что два Кавалера ускоря все захватили. Рануціо рѣшился попросить ихъ, чтобъ дозволили ему за столомъ дѣлать товарищество. Одинъ изъ сихъ былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, а другой не больше двацати. Великая красота послѣдняго произвела таковое дѣйствіе на д' Алета, что онъ забылъ за чемъ вступилъ въ залъ. Удивленіе его возрасло еще болѣе, когда онъ въ старшемъ узналъ монаха Панкратія, любимца Донны

Гор-

Гортензіи своей матери, который съ начала хотя искалъ отперется, но послѣ долженствовалъ признаться. Онъ представилъ Рануція своему спутнику, и сей узналъ, что молодый Кавалеръ ни кто иной какъ скрытая монахиня. Естьли удивлялся Рануціо таковому приключенію то Панкратіо еще больше о рѣчахъ, кои, монахиня начала къ нему. „Какъ, „сказала она взглянувъ на него ли„цемъ на коемъ неудовольствіе и „гнѣвъ изобразились, по этому вы „не Маркизъ Белацика, и племян„никъ Дона Генрика, какъ мнѣ ска„зывали? О небо, возможно ль, чтобъ „сіе славы достойное имя употреб„лено было провести меня, и во„влечь на сей шагъ„? Панкратіо хотѣлъ все оправдать жестокостію любви своей, принудившей его къ сему обману, но Констанція, такъ называласъ молодая монахиня, не хотѣла успокоиться, и залилась слезами. Имя Генрика, часто ею поминаемое, возбуждало еще болѣе любо-

бопытсво Рануціево, ибо онъ знавалъ Кавалера сего имени въ Лиссабонѣ, и въ огорченіи ее довелъ до того, что во всемъ ему открылась.

Начало повѣсти ея сходствовало съ Готтеровою Маріанною. Родители назначили ее въ духовное состояніе, что бы поправить тѣмъ щастіе ея брата. Донъ Генрикъ первенствующій и богатѣйшій изъ дому Белацциновъ, посѣщалъ ее иногда съ ея братомъ въ залѣ, гдѣ разговариваютъ. Они влюбились другъ въ друга. Отецъ Констанціи скоро догадался о истинной причинѣ отвращенія, оказываемаго дочерью его къ монастырской жизни; онъ открылъ о томъ своему сыну. Сей приступилъ къ Генрику. Они вступили въ бой; сынъ Режидора Лиссабонскаго хотѣлъ ихъ развести, но получилъ ударъ, отъ коего палъ мертвъ. Генрикъ бѣжалъ изъ королевства. Неутѣшная Констанція, коя послѣ сего свѣтъ возненавидѣла, съ радостію согласилась постричься. Панкратіо подкрѣплявшій ее въ

семъ намѣреніи, учинился ея духовникомъ и умѣлъ вкрасться въ ея довѣренность, тѣмъ что льстилъ и питалъ гнѣздящуюся еще искру любви къ Генрику въ ея сердцѣ, такъ что мало по малу доводилъ къ мѣстѣ своего вознамѣреннаго предпріятія. Маркизъ Белацина появился у монастырской решетки, и назвалъ себя родственникомъ Генриковымъ, и тысячми вѣстей возжегъ вновь Констанціинъ пламень. Что Панкратіо подъ видомъ Маркиза, не возмогъ бы исполнить, тому поспѣшилъ онъ въ лицѣ духовника, имѣя истребить укоренія ея совѣсти, и уговорилъ ее притвориться больною. Подкупленный монастырскій врачь тотчасъ предписалъ ей употребленіе свѣжаго воздуха: она перевезена въ деревню нѣкоторой госпожи, которую Панкратіо одобрилъ игуменьѣ, и которая была участница его тайны. Подложный Маркизъ появился, они ушли и слѣдуя встрѣтились тутъ съ Рануціемъ. Онъ зачалъ раз-

размышлять въ себѣ что дѣлать? Оставить ее во власти Панкратія, казалось ему опасно. Онъ вознамѣрился отвесть ее къ своей теткѣ, Доннѣ Викторіи, кою посѣтить приказалъ ему Антоній въ его путешествіи въ Масилію. Во время сего происхожденія вошелъ просить милостины молодый пустынникъ не имѣющій на себѣ ни накого монашескаго вида, кромѣ плашья и бороды, и сей пустынникъ былъ Генрикъ. Опознаніе не замедлилось и Панкратій по благоразумію не замедлилъ остаться свидѣтелемъ. Констація осталась ожидать рѣшенія судьбы своей у Викторіи, а Генрикъ поскакалъ въ Лиссабонъ. Чего не могъ онъ получить въ три гола къ своему прощенію, сего достигъ онъ теперь очень скоро; ибо и Констанціины родители въ томъ стараться помогали; для того что сынъ ихъ убитъ былъ въ сраженіи противу Испанцовъ, и радовались съ обѣихъ сторонъ, получа сына, каковъ былъ

Генрикъ и дочь, какова была Констанція.

Рануціо нашелъ въ Масиліи всѣ расположенія къ забавнымъ явленіямъ. Священникъ д. Кастилморо, дозволилъ миссіонерамъ полную волю во все время, поколь они пробудутъ, и не оставилъ себѣ, кромѣ чести услуживать имъ за столомъ, у олтаря, и въ разсужденіи перваго здѣлали они ему изрядную одышку. Начальное явленіе комедіи происходило въ церкви. Изъ четырехъ миссіонеровъ, въ каковомъ числѣ видѣли ихъ прибывшихъ, трое вдругъ пропали, и остался только одинъ возшедшій на канцель, и начавшій проповѣдь на грѣшниковъ. При семъ случаѣ вспалъ онъ въ предложеніе о волѣ, которая какъ онъ доказывалъ необходимо нужна къ грѣхопаденію, и такъ во оное углубился, что конечно бы не выработался съ благопристойностію, естьли бы его собратія не появились въ самонужнѣйшее время. Одинъ изъ монаховъ взгромостил-

стился на подмосткѣ, и нарастянутый канатъ, между тѣмъ какъ прочихъ двое, одинъ въ нарядѣ чорта, а другой Ангела, стали у него по сторонамъ. Таковое рѣдкое позорище привлекло, какъ ожидаемое, взоры всѣхъ присудствовавшихъ въ церкви. Но что имъ болѣе нравилось, было то искусство монаха, держащагося на канатѣ въ безпрестанномъ равновѣсіи, не взирая на толчки, наносимые ему отъ его собратовъ, другъ за другомъ. „Удивляетесь возгласилъ проповѣдникъ силѣ равновѣсія; „смотрите на непринужденность „сего человѣка. Небесная и адская „сила безплодно ищутъ привлечь „его на свою сторону; они не до„стигнутъ намѣренія, пока воля, „которая есть истинный противникъ „всѣхъ душъ, не нагнется на чію „нибудь сторону. Вы видите весь„ма убѣдительный примѣръ въ „предстоящей доброй душѣ, коя „противится искушенію обоихъ сихъ „духовъ, притягающихъ ее къ себѣ;

„ она казалась въ началѣ равнодушна
„ какъ къ одному, такъ и къ другому,
„ но естьли вознамѣрится, то усмо-
„ трите, что предпочтетъ она
„ благаго духа къ коему естествен-
„ нымъ образомъ множайшее имѣетъ
„ наклоненіе „. Но въ сей разъ про-
повѣдникъ не показался имѣющимъ
даръ прозорливости, ибо въ оное
мгновеніе чортъ своему собрату,
далъ такой исправной толчокъ подъ
бокъ, что оный не взирая на равно-
вѣсіе, при восклицаніи общества
ткнулся носомъ въ землю. Сей слу-
чай однакожъ не нарушилъ богогове-
нія, но подалъ проповѣднику при-
мѣръ говорить о человѣческой слабо-
сти, и душевномъ паденіи. Списокъ
за поминовеніе, въ который положи-
ли деревенскіе жители по окончаніи
службы въ кладъ, составилъ имъ
отъ седми до восми сотъ червонныхъ,
кои они раздѣлили межъ собою и съ
Кастилморомъ; но что еще больше
умножило ихъ радость, было при-
бытіе Донны Дамеріи съ тремя пре-
изряд-

изрядными госпожами, кои монахамъ очень въ глаза̀ бросились, и коимъ они по прозбѣ Рануція охотно уступили свои постѣли, и удовольствовались соломою въ Кастилморовомъ сараѣ. Нещастіе восхотѣло, чтобъ шайка комедіянтовъ, услышавшая о великомъ стеченіи народа въ Масиліи, прибыла туды, и просила позволеніе играть. Рануціо, отвѣтствующій вмѣсто начальника, сказалъ имъ, что другая шайка предускурила ихъ, и кошельки присудствующихъ выпорожнила, такъ что не можетъ онъ имъ обѣщать довольной жатвы, между тѣмъ какъ ужѐ всѣ мѣста̀ были заняты, то отвелъ имъ ночлегъ въ сараѣ. Онъ учинилъ сіе съ умыслу, желая наказать монаховъ за любовные помыслы сего вечера. Съ нача̀ла было въ сараѣ в е тихо, ибо отцы проповѣдники начинивъ туго желудки за ужиномъ, не могли очнуться отъ шума комедіянтовъ; но одна Актриса желая лечь, по злой участи

повалилась на монаха, который отъ того проснулся. Актриса зачала щупать, дабы узнать что подъ нею, и вдругъ закричала, что она ощупала мущину, отъ чего всѣ монахи пробудились, и комедіянты повскакивали. Бродя въ темнотѣ по сараю, схватилъ одинъ комедіянтъ монаха за бороду, который отъ страха искалъ дверей. Онъ счелъ сего за своего товарища, и спрашивалъ за чемъ онъ ночью хочетъ играть Калхаса? Тоже подумали и прочіе комедіянты, коимъ попались другіе монахи. Напослѣдокъ начальникъ шайки зачалъ говорить. „Господа, конечно „сіи бестіи тѣ комедіянты, о ко„ихъ намъ сказывали, и кой у насъ „передъ носомъ денежки схватили. Въ то мгновеніе одинъ изъ монаховъ, стараясь высвободиться, далъ противнику своему такую оплеуху, что по всѣму сараю отозвалося. Комедіянтъ началъ жестокій крикъ, и вопіялъ: братцы, нѣтъ сумнѣнія, вотъ тѣ плуты.

„Явилъ

„ Язилъ что за люди, тотъ дерзс.
„ кій ихъ поступокъ, клянусь слишкомъ, что я имъ отмщу тотчасъ
„ себя. Вдругъ весь сарай наполнился крикомъ монаховъ, и Рануціо на́чалъ ужѐ опасаться трагическихъ дѣйствій, когда слышалъ Комедіянтовъ отходящихъ, и хвастающихъ своимъ мщеніемъ; но по приближеніи его къ сараю, разговоры почтенныхъ отцовъ, свободили отъ его безпокойства. „ Клянусь святымъ Франциском, сказалъ одинъ, этотъ дьяволъ почертовски меня отдѣлалъ, я думаю что я весь въ синѣвахъ. Мы сіе заслужили, сказалъ другой, что поругались законамъ, представленнымъ нынѣшняго дня равновѣсіемъ. Чортъ коего ты представлялъ, отмстилъ тебѣ за себя. Суевѣріе ихъ немало увеселяло Рануція. Хотя монахи скоро послѣ того узнали настоящую сего причину, однакожъ съ довольною хитростію умѣли по утру синѣвы свои, желваки и подбитые глаза́ отнести на счетъ нечистыхъ

дуж[illegible] [illegible]вшихъ имъ за спасеніе толь многихъ деревенскихъ душъ. Имъ слѣдовало не выходить нѣсколько дней за двери, а между тѣмъ комедіанская шайка надѣлала чудесъ представленіемъ трагической комедіи банкрута. Заключеніе составляло нѣкоторое обоженіе Героя, весьма плачевный конецъ воспріявшаго, ибо въ сраженіи духовъ и фурій блистало молніею театральное небо толь не искусно, что облаки загорѣлись. Герой взмостился надъ головами своихъ товарищей на своемъ облакѣ, но веревки перегорѣвши, опустили машину, сія переломала ноги двумъ поддержать хотѣвшимъ, и Герой высадилъ себѣ ребро. Тѣмъ и все представленіе кончилось.

Пасторъ Антоніо между тѣмъ прибылъ въ Масилію, заботясь о своемъ племянникѣ, потому что Панкратіо, послѣ отъѣзда его съ Генрикомъ окружилъ вольный домъ, со

мно-

множествомъ Сбировъ (*), но впалъ самъ въ сѣти, растовленныя отъ него Констанціи и ея защитителямъ. Антоніо нашелъ довольную причину радоваться, что не допустилъ въ своемъ приходѣ проказничать Миссіонерамъ.

Въ Масиліи увидѣлъ онъ тотчасъ забавное дѣйствіе. Церковь была наполнена народомъ до задухи. Одинъ изъ монаховъ вышелъ вонъ, чтобъ увѣщать народъ къ тишинѣ и слушанію предложенія своихъ товарищей, но увидя при вратахъ церковныхъ множество народа бесѣдующаго между собою, пришелъ въ святую ревность, и усмотря стоящую высоко навьюченную фуру, избралъ верьхъ оныя театромъ своего краснорѣчія. Онъ вскарабкался на высоту, и началъ жестокую осаду противу злоупотребителей слова божія. Скоро дошелъ онъ до брани употребляемой извощиками, и наговорилъ оныя

(*) Сбиры родъ сыщиковъ, забирающихъ подъ караулъ виновныхъ.

оныя однимъ духомъ столь много, и столь рѣчисто, что можно бы биться о закладъ, что онъ самъ былъ изъ числа сихъ. Лошади запряженныя въ фурѣ испужались и подумали, что по крайней мѣрѣ трое извощиковъ приготовились ихъ погонять. Они вступили въ путь съ возможною поспѣшностію, и принудили отца проповѣдника ко спасенію жизни спрыгнуть въ грязь, въ которой онъ погрязъ по самую бороду, и съ хохотаніемъ народа былъ вытащенъ. — Но не достало бы возможности расказывать всѣ смѣшныя явленія и обманы, къ коимъ дошли сіи Апостолы, и такъ приступимъ къ послѣднему дѣйствію, рѣшившему ихъ подвигъ. Была проповѣдь на нечистоту. Послѣ того какъ монахъ изобразилъ оныя слѣдствія, и притомъ, какъ чаятельно для ободренія вниманія слушателей, привелъ изрядную картину во укореніе ближняго, тогда подступилъ другой изъ его товарищей, представляя себя защи-

защитникомъ сего грѣха, и противурѣчилъ проповѣднику всѣми силами. Проповѣдникъ рѣшилъ предложенія его сколько умѣлъ, и примолвилъ на конецъ, что въ казнь за его эпикурское мнѣніе заслуживаетъ онъ, чтобъ небо явило ему одну изъ таковыхъ нечистыхъ душъ. Въ то мгновеніе выскочило изъ олтаря чудовище, коего въ первомъ страхѣ распознать не могли. Былъ то козелъ, одѣтый женщиною и намазанный горючею сѣрою, смолою и прочими скоро загорающимися вещьми, кои отцы монахи запалили. Бѣдный скотъ почувствовавъ жженіе, на́чалъ метаться по всей церкви. Сіе приключило великій ужасъ, и страшное давленіе, ибо всякъ чаялъ видѣть существеннаго дьявола, и помышлялъ только о своемъ спасеніи. На конецъ бѣдный козелъ, по многихъ прыжкахъ и кувырканьяхъ достигъ къ купели, и вскочилъ во оную. Едва коснулся онъ воды, то и умеръ, и одинъ изъ предстоящихъ съ чрезвы-

чайною

чайною радостію закричалъ: „Ви-
„ватъ! чортъ издохъ„! Сія щасли-
вая вѣдомость утишила нѣсколько
смятеніе, но стонъ началъ вновь,
когда узнали что много людей за-
давлено, между коими и супруга До-
на Помпея, помѣщика Масильскаго.
Монахи хотя ушли въ домъ священ-
ника, но достижены Помпеемъ гнав-
шимся за ними съ Сбирами. Они
хотѣли предъ Алкадомъ оправдаться,
но еще больше запутались, и къ
крайнѣй печали Кастилмора посаже-
ны въ тюрму.

Рануціо между тѣмъ отъѣхалъ
въ Евору, съ препоручительнымъ
письмомъ отъ Кастилмора. Описа-
нія его учиненныя имъ съ обыкно-
венною ему насмѣшливостію о толпѣ
семинаристовъ съ коимъ онъ повстрѣ-
чался, о произвожденіи въ докторы
при коемъ онъ присудствовалъ, и о
прочихъ духовныхъ комедіяхъ, въ
Испаніи и Португаліи употребитель-
ныхъ, составляютъ преизрядныя
черты въ картинѣ незнанія и лож-

но

по употребляемой ревности къ вѣрѣ. Возвращаясь въ Масилію съѣхался онъ съ толпою Сбировъ, которая такъ была многолюдна, что Рануцїо сперва вообразилъ, что они ведутъ шайку воровъ. Но сколь онъ удивился, усмотря между ими только одну монахиню, ѣдущую на высохшемъ ослѣ, и коея вздыханія и слéзы подвигли его къ сожалѣнію. Рануцію знакóмъ былъ начальникъ, и сіе доставило ему способъ, по прибытіи на ночлѣгъ переговорить съ монахинею. Она примѣтя каковое пріемлетъ онъ участіе въ судьбѣ ея, расказала ему свою повѣсть. Епископъ влюбился въ нее при постриженіи, и какъ она отвергла его предложенія, то гналъ онъ ее четыре года подъ разными видами наижесточайше, поколь онъ уставъ, отдалъ непокоривую пріятелю своему великому инквизитору, къ коему ее теперь везутъ. Рануціево сострадание возрасло еще болѣе, по выслушаніи сей повѣсти. При томъ же узналъ

онъ,

онъ, что Ангелика, такъ называлась сія монахиня, была ему родственница. Онъ размышлялъ о средствѣ какъ бы избавить ее отъ гонителей. Какъ онъ вѣдалъ что д. Вулпецъ сей пріятель его любилъ попивать, то приставалъ онъ къ нему съ рюмками и опіумомъ до тѣхъ поръ какъ онъ палъ безъ чувствъ; потомъ одѣлъ онъ Ангелику въ свое платье, далъ письмо къ вѣрному своему другу, и она прошедъ мимо караульныхъ, уѣхала благополучно съ Рануціевымъ слугою. Между тѣмъ самъ Рануцій, подъ монашескимъ покрываломъ, не считалъ обстоятельства свои хорошими. Онъ трепеталъ помышляя о открытіи и о святомъ судѣ. Тщетно искалъ онъ убѣгать; комнату крѣпко караулили. Напослѣдокъ очнулся д. Вулпецъ, и удивился не видя своего пріятеля: онъ спрашивалъ Сбировъ, и сіи донесли ему что онъ поспѣшно ночью уѣхалъ. Онъ чудился сему, но больше не безпокоился, и по утру

слѣ-

слѣдовалъ съ превращенною монахинею въ Лиссабонъ, и вручилъ оную игуменьѣ женскаго монастыря. Рануцїо былъ очень молодъ и пригожъ, и потому удобно могъ быть принятъ за дѣвицу. Женскїй прїятный его голосъ и тайная симпатїя привлекающая одинъ полъ къ другому, и здѣсь въ незнанїи дѣйствовавшая, склонили молодую любви достойную игуменью въ его пользу. При чтенїи ею о немъ приказа въ томъ состоявшаго, чтобъ ее посадить въ монастырскую темницу, и не давать кромѣ хлѣба и воды, а на передъ всякїй разъ по два удара по обнаженнымъ заднимъ членамъ. Счелъ себя Рануцїо, въ разсужденїи послѣдняго артикула — разумѣется по чему, — за погибшаго. Онъ повергся къ ногамъ ея и побудилъ къ сожалѣнїю. Игуменья открылась ему, что не считаетъ ее мнимую Ангелику, ни за возмутительницу, ни за еретницу, но за нещастную гонимую женщину, которыя неволю

сдѣлаетъ она сносною. Въ самомъ дѣлѣ не назначила она ей темницы, какъ въ своей спальнѣ, ни насмотрщицы кромѣ самой себя. Поелику Ангелику разумѣли за одну изъ ея сестръ, то весь монастырь на перерывъ старался Рануцію оказывать почтеніе. Онъ вскорѣ учинился повѣреннымъ во всѣхъ маленькихъ ссорахъ, несогласіяхъ, оклеветаніахъ и проч. Что бываетъ обыкновенно въ женскихъ монастыряхъ. Рануцію было очень не худо, но долженствовало ему весь разумъ употребить и все неизвѣстное о слѣдствіи соображать, чтобъ остаться не тронуту толикими красотами и прелестьми. Безпокойство его возрасло, когда онъ увѣдалъ, что въ слѣдующій день великій Инквизиторъ будетъ его допрашивать. Углубленный въ размышленіе, зашелъ онъ въ монастырскій садъ и удалился въ ту часть онаго, коя назначивается вступающимъ въ искусъ. Тутъ нашелъ онъ одну изъ своихъ сестръ, которую въ его отсутствіи отдали на

искусъ.

искусъ. Сія узнала своего брата невзирая на его переодѣяніе, и хотя конфетами и угрозами обязалъ ее къ молчанію, но не исчелъ за безопасное остаться тутъ, послѣ таковаго открытія. Онъ спрятался въ кустарникѣ, и какъ смерклось, то взлѣзъ по сучьямъ древеснымъ на монастырскую ограду, и спустился на другую сторону по найденной веревкѣ. Монашеское платье онъ бросилъ въ саду, и бѣжалъ въ одной рубашкѣ и нижнемъ платьѣ. Въ таковомъ нарядѣ сперва попался онъ мошенникамъ, но онымъ нѣчего у него было взять, потомъ дозорнымъ, коимъ объявилъ что онъ ограбленъ разбойниками. Назвалъ при томъ имя одного своего вѣрнѣйшаго пріятеля, и какъ сей былъ человѣкъ знатный, то начальникъ дозорныхъ безъ всякихъ изысканій велѣлъ его проводить туды нѣсколькимъ изъ своихъ подчиненныхъ, дабы еще не случилось ему нещастіе. Въ слѣдующій день узналъ Рануціо, что его приключеніе въ монастырѣ

здѣлалось извѣстно, и что великій Инквизиторъ разослалъ за нимъ всѣхъ своихъ лозутчиковъ. Но нашему Герою пощасшливилось скрыться на чужестранномъ кораблѣ, готовомъ отплыть въ Луизану, куды онъ и уѣхалъ.

5.

Жизнь Бертолда, сына его Вертолдина, и его внука Каказенна.

ПОВѢСТЬ РОМАНА.

Уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ сей небольшой Комическій романъ есть любезное чтеніе Италіанцовъ; всѣ умѣющіе читать, читаютъ жизнь Бертолдову; дѣти знаютъ ее на изустъ; кормилицы и мамки расказываютъ тѣмъ, кои еще грамоты не знаютъ; и тѣ которые нечитывали, знаютъ по крайней мѣрѣ нѣсколько его пословицъ. Бертолдъ въ Италіи славнѣе, нежели синяя борода, или тому подобный романъ въ Франціи. Да и заслуживаетъ онъ уваженіе предъ сими, ибо Герой сея повѣсти есть родъ Езопа или Санхопансы.

Жизнь Бертолда показалась въ шестомъ надесять вѣкѣ дурно напечатанною книжкою, и обрѣла какъ и по нынѣ, великій расходъ по городамъ, по лавкамъ по мостамъ, и у нижнихъ по деревнямъ

таскающихся продавцовЪ. Сочинитель ея былЪ Юлій КесарЪ КроцЪ. Его прозвали Делла Лира, потому что видали его играюща на бѣдной Малдолинѣ по улицамЪ БолонскимЪ, и сей его инструментЪ почтили Лирою; ибо онЪ былЪ почти тотЪ же, каковы вЪ Парижѣ chanteur du pont-neuf. ДумаютЪ что онЪ сЪ начала сію жизнь Бертолдову напѣвалЪ вЪ стансахЪ, а потомЪ продалЪ сіе распространенное Прозаическое сочиненіе.

ВЪ послѣдніе годы жизни своей, приложилЪ КроцЪ кЪ повѣсти Бертолдовой повѣсть сына его Бертолдина, но сія вторая часть не такова какЪ первая. НапослѣдокЪ по смерти Кроца, нѣкто Камигло СкалигерЪ Делла Фрата написалЪ третью, содержащую повѣсть Бертолдинова сына Каказенны. Сія третяя часть хотя ниже второй; но для первой имѣла расходЪ, такЪ что множество есть изданій всѣхЪ трехЪ частей. Но подлинникЪ БертолдовЪ былЪ всегда вЪ уваженіи. ВЪ Греціи и Турціи переводЪ сего Романа вЪ великой славѣ.

РОМАНЪ.

Въ шестомъ вѣкѣ рыцарствовалъ надъ Ломбардами Король Албони, имѣвшій свой дворъ въ Веронѣ; добрый, кроткій и правосудный государь, хотя завоевалъ почти всю Италію.

Въ то же время въ Веронской деревнѣ жилъ поселянинъ, именемъ Бертолдо, весьма смѣшнаго вида. Онъ имѣлъ толстую, какъ шаръ круглую голову, съ рыжими женскими волосами гноеватыми красновеждными очима, толстымъ носомъ, который былъ красенъ, какъ свекла съ широкими ноздрями, ротъ до ушей, изъ коего торчали два кривые зуба подобны свинымъ клыкамъ; а около челюсти, густую темную бороду. Ростъ его согласовался странному сему виду; кривыя руки и ноги; жоская мохнатая кожа дополняли украшеніе. Таковъ былъ собою Бертолдо, слѣдственно не очень прелестенъ.

стенЪ. Но вЪ замѣну сихЪ недостатковЪ, разумЪ его былЪ основателенЪ и тонокЪ. ОнЪ составлялЪ забавнѣйшую особу вЪ деревнѣ Бретагнанѣ, вЪ коей обиталЪ. Сосѣди его слушивали нравоученія его лучше, нежели своего священника; ссоры ихЪ разбиралЪ онЪ удачливѣе своего помѣщика и судьи, а сверьхЪ того побуждалЪ ихЪ скорѣе кЪ смѣху, нежели по ярманкамЪ бродящіе крикуны и обезЪяны, кои иногда таскалисЪ сквозь ихЪ деревню.

Сей чудный человѣкЪ былЪ молодшій изЪ десяти братьевЪ, и едва имѣлЪ нужное кЪ содержанію своему, жены своей Марколфы, и маленькаго сына своего Бертолдина. Но онЪ и жена его работали сколько можно, а притомЪ любящіе ихЪ сосѣди, не допускали терпѣть нужды.

Нѣкогда вздумалосЪ Бертолду осмотрѣть городЪ и дворецЪ государевЪ. Одно только любопытство побудило его, впрочемЪ не имѣлЪ онЪ ни какого намѣренія.

Онъ пришелъ на большую Веронскую площадь, и упражнялся разсматриваніемъ Королевскихъ полатъ, кои счелъ огромною церковью, какъ увидѣлъ двухъ бабъ въ великомъ гнѣвѣ бьющихся. Хотя сей великой шумъ производили, но Бертолдо могъ выразумѣть столько, что они дерутся за зеркало. Одна изъ бабъ утверждала, что мужъ ея укралъ у ней оное, чтобъ подарить другой. Легко догадаться, что они при семъ случаѣ истощили всѣ ругательныя слова, каковыми потчиваютъ женщины другъ друга. Гнѣвъ ихъ возшелъ до крайности, какъ королевскій служитель объявилъ имъ, что Король хочетъ разобрать ихъ ссору. Сіе ихъ развело, и они зказали, что пойдутъ домой, одѣться и поправить на головѣ, дабы можно показаться предъ его величество. Вертолдо заключилъ по сему. Что Албони долженъ быть Государь милостивый, когда всякаго выслушиваетъ, и старается прекратить вражды послѣд-

нѣйшихъ своихъ подданныхъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ двери дворца отверсты, и стражу ни кому входъ незапрещающую. И такъ онъ вошелъ, и пробрался до аудіенцъ зала, въ коемъ Король сидѣлъ на нѣкоторомъ родѣ престола. Тутъ стояли еще низкіе стулы, назначенные для вельможъ государственныхъ, которые только при нѣкоторыхъ случаяхъ оные занимали. Бертолдо сѣлъ безъ всякихъ оговорокъ на одинъ изъ оныхъ, хотя всѣ окружающіе Короля офицеры и придворные стояли съ почтеніемъ. Нѣкіе изъ оныхъ, коимъ дерзость его и странный видъ понравилисъ, сказали ему, не пристойно тебѣ, въ присудствіи Короля садиться. —— „Для чего? Я сажусъ „въ церкви нашего прихода, гдѣ „самъ Богъ присудствуетъ„. —— Но знаешь ли ты, что Король есть всѣми возвышенная особа? —— „Мой „Государь, не такъ возвышенъ, какъ „пѣтушекъ на башнѣ нашей собор„ной церкви, который еще при томъ „пока-

„показываетъ съ какой стороны „вѣтръ дуетъ„.

Сей отвѣтъ, о коемъ донесли Монарху подвигъ его къ любопытству, поговорить съ Бертолдомъ; онъ кликнулъ его и спросилъ: кто ты таковъ? —— „Человѣкъ„. —— Когда ты на свѣтъ пришелъ? —— Когда моему творцу угодно стало послать меня на оный, и моимъ родителямъ меня зачать, ибо я совсѣмъ о томъ не старался. „—— Отечество твое? „ —— Свѣтъ, ибо для меня все равно, кто бы воономъ ни былъ Государемъ; естьли только мнѣ дозволено жить тѣмъ, что земля произноситъ, то пусть оною владѣетъ кто изволитъ; я ни разъ не спрашивалъ какъ онъ называется. Нынѣ живу я въ деревнѣ называемой Бретагнана, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сюду, и сказывали мнѣ, что и родители мои тутъ же жили. —— „Такъ ты имѣешь ро-„дню, жену, дѣтей, братьевъ? „—— Да, я имѣлъ оныхъ какъ

„нынѣ

„ нынѣ по утру выѣхалъ изъ дерев-
„ ни; но ежели оныя и теперь въ
„ томъ же состоянiи, въ каковомъ я
„ ихъ оставилъ находятся; то должно
„ быть имъ мертвымъ „. —— А по-
чему? —— „ Потому что оныя
„ спали, какъ я пошелъ „.

Любопытство Короля отъ часу возбуждалось. —— Какая вещь предъ всѣми на свѣтѣ имѣетъ скорѣйшiй бѣгъ? —— „ Мысли „. —— Какое лучшее вино? —— „ То, которое „ пьютъ въ гостяхъ, ибо оное ни чего „ не стоитъ кошельку. —— Кто оказываетъ намъ больше ласки? —— „ Тотъ, кто обмануть хочетъ, или „ ужѐ обманулъ, но еще имѣетъ къ „ томужъ охоту „.

Монархъ увеселился его отвѣтами. Но на послѣдокъ выскочило у Бертолда еще нѣсколько сатирическихъ выраженiй не токмо на придворныхъ, но и противу самаго правленiя, и тогда повелѣлъ ему Албони удалиться. Напрасно, сказалъ Бертолдо, я такъ какъ муха, чѣмъ больше меня отгоня-

гоняютъ, тѣмъ больше я возвращаюсъ. —— Изрядно! подъ смертною казнiю не отваживайся опять сюды иначе прибыть, кромѣ на колесницѣ, которою мухи ѣздятъ. — „Пусть такъ будетъ! Сказалъ Бер„толдо и надъ вечеръ пошелъ домой.

По утру приѣхалъ онъ опять въ Верону на измученномъ ослѣ, который по всюду былъ осадненъ, и взошелъ опять къ Королю. — „Государь! я приѣхалъ на мушей коле„сницѣ; оная на низу у воротъ. Въ самомъ дѣлѣ бѣдная скотина вся была въ ранахъ, которую Бертолдо ѣхавши разтеръ, и потому ее всю покрывали мухи, слѣдственно условiе было исполнено. Король не могъ сего опровергнуть и Бертолдо былъ принятъ милостиво. Онъ хотѣлъ послать его въ кухню свою позавтрекать, но Бертолдо любопытствовалъ быть при рѣшенiи ссоры бабъ, кои вчерась дрались. Оныя утверждали свое право съ такимъ же жаромъ, каковъ оказали въ прошедшiй день.

Каж-

Каждая представляла множество сосѣдокъ во свидѣтельство. Король повелѣлъ имъ замолчать: я хочу, чтобъ спорное зеркало разбито было на двое, и обѣимъ раздѣлено. — Одной сіе понравилось; а другая закричала: я съ ума сойду, ежели разобьютъ такое доброе зеркало. Тогда Король, какъ Соломонъ присудилъ ей все зеркало. Весь дворъ удивился сему разумному рѣшенію; но Бертолду нравилось оное не слишкомъ. — „ „Государь! сказалъ онъ; естьли бы вамъ непротивно было, то я доказалъ бы вамъ, что приговоръ вашъ очень превратенъ; я вижу что ты еще не знаешь женщинъ: въ сердце ихъ и въ голову ни кто не проникнетъ. Между зеркаломъ и младенцемъ великая разнота. Попъ нашъ расказывалъ намъ приговоръ Соломоновъ; но здѣсь совсѣмъ иное; о женщины!... Тутъ Король прервалъ ему рѣчь; и началъ дѣлать похвалу прекрасному полу. Бертолдо отвѣтствовалъ ему своимъ образомъ, и

и заключилъ разговоръ: „ завтре ты „ согласишся со мною что сей полъ „ несносенъ. „ Ежели ты мнѣ докажешь сіе, сказалъ Король, то я богато тебя за оное награжу; между тѣмъ, поди ужинай. „ тотъ часъ, отвѣчалъ Бертолдо, и вышелъ. Но ѣлъ онъ очень умѣренно, не привыкшій къ роскоши, не хотѣлъ онъ себя подвергнуть искушенію. Показывали ему мягкую постелю, но онъ предпочелъ пукъ соломы въ конюшнѣ. Въ слѣдующее утро на самомъ разсвѣтѣ поспѣшалъ онъ къ произведенію намѣренія своего. Вскорѣ провѣдалъ онъ о жилищѣ одной изъ тѣхъ двухъ бабъ, которая судъ проиграла, и пришелъ къ ней. Баба тотчасъ вспомнила, что видѣла его въ совѣтѣ Королевскомъ. —— „ Точно такъ, сказалъ Бертолдо; и ежели бы мое мнѣніе уважили, вы бы судъ не потеряли; я пришелъ оказать вамъ мое о томъ сожалѣніе. Мы совѣтники разсуждали и о другихъ вещахъ; но я не могу вамъ открыть, поколь бу-

будутъ оныя обнародованы, вы можете проговориться. „ Женщина увѣ„ряла его клятвенно, что она самая „ молчаливѣйшая изъ своего пола. — „ Ну, изрядно! вѣдайте, что Король предложилъ: какъ война умалила народъ въ государствѣ, и нынѣ въ наличности больше женщинъ, нежели мущинъ, то онъ опредѣляетъ издать указъ, чтобъ каждому мущинѣ дозволить брать по седьми женъ. „ — Возможно ли ето! ахъ, возможно ли! —— Очень вѣрно! въ нынѣшній же вечеръ, указъ обнародуютъ; только. . . не проговоритесь о семъ прежде „. —— Едва Бертолдо вышелъ, какъ скромная та женщина, не теряя ни минуты, побѣжала къ сосѣдкѣ своей, чтобъ ввѣрить ей толь важную тайну; сія съ своей стороны ввѣрила оную третей, и такъ далѣе съ ужасною поспѣшностію. Всѣ съ равномѣрною торопостію вознамѣрилисъ собраться и здѣлать Королю возвраженіе противу мнимаго онаго закона. Ни какое еще

воз-

возраженіе не производилось съ таковымъ неистовствомъ. Бертолдо былъ уже во дворцѣ, и притворился столькожъ, какъ и другіе изумляющимся видѣть таковое множество бабъ, кои кричали вдругъ разными странными голосами, такъ что ничего не льзя было выразумѣть ихъ жалобы. Король услышавъ крикъ, вышелъ на балконъ и спрашивалъ: о чемъ вы? Чего вы желаете молодушки? — Бабы не допустили его далѣе говорить; но закричали еще громче и начали даже и Короля поносить. — Изрядный указъ, кричала старая смуглая баба, чтобъ седьмеро насъ имѣли одного мужа! чортъ ето побери! ты Государь возьми себѣ хотя дюжину, что намъ нужды; а мы и такъ не съ лишкомъ богаты, имѣя только по одному мужу: ха, ха, ха! по чести, тотъ изъ нашихъ мужей, который осмѣлится хотя еще одну взять, тотъ... повѣрь мнѣ кумушка,... хорошъ будетъ; и еще хуже, естьли осмѣлится третью; ни од-

ного не будетъ, ктобъ до седьми дошелъ. Я смѣло спорю. Но имѣть седьмую часть мужа!.. нѣтъ душа моя; я лучше его до смерти убью. —— Изъ таковой прекрасной рѣчи выразумѣлъ Король, чего имъ не достаетъ; но не могъ имъ выговорить, ибо вопль не уменьшался. По щастію подоспѣлъ Комендантъ крѣпости и окружилъ ихъ солдатами, побравъ оныхъ для скорости со всѣхъ карауловъ. Бабы испужались, увидя себя окруженныхъ. Хотя имъ не учинили ни малѣйшаго зла, но прибытіе стражи здѣлало на нихъ таковое впечатлѣніе, что они всѣ пали на колѣна, и столькожъ легко начали просить прощенія, какъ прежде взбунтовали. Тогда Король на́чалъ къ нимъ очень важную и строгую проповѣдь въ наказаніе, при чемъ и вообще весь ихъ полъ не забылъ выругать. Онъ призвалъ Бертолда и признался ему, что женскій родъ очень скоро поспѣшенъ и неразсудливъ. Однакожъ приказалъ солдатамъ разсту-

ступиться, и дать мѣсто симъ крикуньямъ возвратиться по домамъ, и все ихъ наказаніе составили только насмѣшки солдатовъ.

Албони предлагалъ Бертолду разные свои знаки милостей, но сей все отвергъ, сказавъ, что ему нѣтъ въ нихъ надобности. Король такъ же спрашивалъ: не онъ ли былъ зачинщикъ сего слуха, и Бертолдо признался чистосердечно, что употребилъ сіе средство, чтобъ не быть наказанну, и довесть Короля наговорить столькожъ о женщинахъ худаго, сколько въ прошедшій день насказалъ о нихъ добраго.

Однако супруга Албоніева, гордая Государыня весьма прогнѣвалась, что Бертолдо при семъ произшествіи избралъ полъ ея въ предметъ своей насмѣшки. Она отписала къ Королю въ самое то время, какъ онъ занимался предложеніями ему награжденій. Король позадумался, получа письмо. Бертолдо отгадалъ его мысли, и Король признался, что онъ

оныя выразумѣлъ. „Нѣтъ ничего, „Государь! повелите мнѣ итти къ „вашей супругѣ; очевидно, что на„мѣрена она задать мнѣ добрыя „палки; но я надѣюсь вывернуться „и изъ сей бѣды, такъ же щастли„во, какъ изъ первой„. Я доволенъ, сказалъ Король, въ самомъ дѣлѣ она хочетъ съ тобою поговорить. Бертолдо пошелъ, и говорилъ съ Королевою съ равною смѣлостію, какъ и съ Королемъ.

Королева, которая выдумала ужѐ свое мщеніе, приняла его подъ видомъ очень милостивымъ. —— Ты безъ сумнѣнія Бертолдо? Я узнаю тебя по твоему отмѣнному странному виду. — Точно такъ: я надѣюсь, что видъ мой Вашему Величеству не съ лишкомъ понравится и пріятности воономъ вы не сыщете: но однакожъ я имѣю оный, какъ принялъ отъ природы и оный надлежитъ мнѣ одному; я уборнаго стола не употребляю; не требую прикрасы и не ношу на кожѣ своей ни бѣлилъ

ни

ни румянъ, какъ нѣкія другія особы, къ которымъ впрочемъ глубокое сохраняю почтеніе. — А! смотри пожалуй, сказала Королева, ты Бертолдо имѣешь разумъ; при томъ же еще и подшучиваешь, какъ кажется. Изрядно! ты у меня получишь честь таковую же, какъ имѣлъ у Короля. Ты сидѣлъ въ его присудствіи; я позволяю тебѣ здѣлать то же предъ собою. При семъ словѣ показали ему скамью въ углѣ залы, накрытую ковромъ. Но подъ оною находился колодезь, и Бертолдо естьли бы сѣлъ на оную, упалъ бы въ воду, но онъ сіе замѣтилъ. „Я разумѣю, сказалъ онъ Королевѣ, „нѣсколько волшебства; я вижу что „подъ симъ ковромъ не все исправно, „и такъ прошу милости избавить меня отъ сей почести„. — По истиннѣ Бертолдо что нибудь знаетъ — „О! „я еще больше знаю; не истинно ли я „вижу, что каждая изъ сихъ госпожъ „имѣетъ при себѣ по розгѣ? Это вѣдь „не нарядъ; развѣ на мою спину. Но

„ я знаю такЪ же, кто такова, кото-
„ рая дастЪ мнѣ первый ударЪ: изЪ
„ замужнихЪ та, коей честь мужня
„ не лежитЪ у сердца, а изЪ незамуж-
„ ныхЪ, которая о своей чести очень
„ мало печется. „ —— Госпожи начали
поглядывать другЪ на друга; одни за-
краснѣлись, другія засмѣялись, и
ни одна не осмѣлилась дать первый
ударЪ, и сама Королева удержа-
лась. —— „ Оставимъ мы этого
„ дурака. да онЪ же такЪ запачканЪ!
„ однакожЪ онЪ вовсе не отдѣлался;
„ карауланые ему заплатятЪ. Ему
„ сквозь ихЪ проходить будетЪ долж-
„ но —— (кЪ своимЪ придворнымЪ)
„ скажите имЪ чтобЪ не жалѣли „.

„ Я довольно вижу, сказалЪ Бер-
„ толдо Королевѣ, что Ваше Величе-
„ ство мнѣ тяжкое наказаніе опредѣ-
„ лили; я подвергаюсь оному и
„ только одной пощады прошу, чтобЪ
„ не били меня вЪ голову. — Изряд-
но я не желаю смертоубійства. —
—— Подите, сказалЪ Бертолдо кЪ
знатнѣйшимЪ изЪ тѣхЪ, коимЪ над-

лежало

лежало вести его въ залъ къ карауль- нымъ, объявите стражамъ, что Королева приказала пощадить голову, (*) больше я не требую.

Бертолдо пошелъ впередъ; пажи, служители и всѣ почти слѣдовали за нимъ, чтобъ посмотрѣть наказаніе. Посланный отъ Королевы объявилъ ея повелѣніе. Караульные выразумѣли оный такъ: чтобъ не трогать голову, значитъ, пощадить идущаго впереди всѣхъ, а напротивъ не щадить прочаго, то есть, послѣдующихъ за нимъ хорошенько выколотить. По чему всѣ любопытствующіе подвергались ударамъ, и пока ошибку выразумѣли, Бертолдо убрался, не получа ни одного удара.

Албони очень веселился средству, коимъ Бертолдо вывернулся отъ побоевъ и въ самое то мгновеніе весь дворъ нашелъ выдумку сію очень забавною, хотя оная и не весьма была

(*) Слово Саро, значитъ голову и такъ же предводителя, предшественника нѣсколькаго числа людей.

изъ острыхъ. Всѣ выхваляли Бертолда. Предлагали ему хорошій ужинъ, но онъ не принялъ, кромѣ поджаренаго хлѣба намазаннаго чеснокомъ, такъ же легъ на своей соломѣ и по утру опять пришелъ предъ Короля.

Онъ всегда хорошо былъ принимань, но другой подлинникъ давно ужѐ во дворцѣ Албоніевомъ находящійся нарушилъ его торжество. Человѣкъ сей назывался Фагоши и за нѣсколько ужѐ времени владѣлъ правомъ забавлять Короля и придворныхъ. Въ тогдашнее время, какъ извѣстно, не было Государя, который бы не имѣлъ придворнаго дурака въ штатѣ. Фагоши приревновалъ къ щастію Бертолда и возымѣлъ смѣлость съ нимъ спорить; ибо думалъ что въ замыслахъ его такъ же превзойдетъ, какъ въ смѣшномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ лице его было безобразно, но ни чуть нетаково живо, какъ Бертолдова физогномія.

Повѣствователь включаетъ слѣдующіе Фаготіевы вопросы Бертолду и онаго отвѣты. —— Какъ ты здѣлаешь, чтобъ можно было нести воду въ решетѣ? —— „Я подожду, пока оная замерзнетъ „. — Браво, вскричалъ весь дворъ. — Какъ ты поймаешь зайца, не гонясъ за онымъ? —— „Я подажду поколь его взоткнутъ на вертель „. — Брависимо! —— Какъ ты одѣнешся, чтобъ быть ни нагу, ни одѣту? —— „Завернуся въ неводъ „. — Какая трава, которую и слѣпые знаютъ? —— „Крапива, ибо „оная зжетъ имъ ноги, когда на „оную наступятъ, и руки естьли „до ней тронутся. Всегда Бертолдо „отвѣтствовалъ толь удачно. Фаготи не могъ выдумать задачи, кою „не рѣшилъ бы на томъ же мѣстѣ. „На послѣдокъ бѣдный придворный „дуракъ не зналъ что начать, и „вознамѣрился подсмѣятся надъ „изодранными его чулками и исподнимъ платьемъ. По чести, сказалъ

„ на то Бертолдо, лице твое еще „ хуже изковырено, чѣмъ заплаты на „ моихъ штанахъ и обувы. Споръ „ здѣлался жарокъ, и посреди онаго „ Бертолду захотѣлось плюнуть; од- „ накожъ онъ началъ познавать прид- „ ворные обряды, и для того про- „ силъ у Короля на сіе дозволенія. „ Пожалуй изволь съ моей стороны, „ но въ такое мѣсто, коего нѣтъ „ здѣсь хуже. Бертолдо немного ду- „ малъ и плюнулъ Фаготію прямо „ въ рожу. Сей вышелъ изъ себя, „ не помышлялъ о острыхъ словахъ „ и шуткахъ, но бросился съ яро- „ стію на мужика. Однако кулаки „ Бертолдовы столь же проворно „ дѣйствовали, какъ и его разумъ, „ и отработали Фаготія такъ исправ- „ но, что онъ не осмѣливался больше „ приходить къ Веронскому двору „.

Казалось, что Бертолдо восторжествовалъ надъ всѣми своими врагами, какъ опять новая буря на него воздвиглась. Госпожи придворныя, хотѣли избавиться непріятнаго имъ мнѣ-

мнѣнія, каковое Бертолдо разславилъ о нихъ не токмо при дворѣ, но по всему Королевству. На сей конецъ подали они Королю просительное письмо, чтобъ ихъ приняли въ тайный совѣтъ, дабы и они имѣли участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Прозьба сія учинилась Королю тѣмъ затруднительнѣе, что подкрѣпляла оную сама Королева, которую онъ любилъ до крайности, хотя то и недо самой ея касалось. Нѣкоторыя изъ госпожъ казались ему опасны по недостаку молчаливости и прозорливости, а со всѣмъ тѣмъ не можно было имъ прямо отказать. Въ семъ недоумѣніи призвалъ онъ въ совѣтъ Бертолда, и сей тотчасъ наставилъ его, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Король велѣлъ здѣлать коробочку, которая бы крѣпко закрывалась, но чтобъ однако животное въ нее посаженное не могло задохнуться. Самъ онъ вручилъ ее женѣ чрезъ перваго своего министра съ повелѣніемъ беречь оную не дотрогиваясь чрезъ цѣлые сутки

сутки въ саду, отъ коего она одна ключь имѣла. Послѣ чего принесть оную къ Королевѣ, гдѣ слѣдуетъ всѣмъ просившимъ госпожамъ быть въ собранiи. Въ присудствiи всѣхъ слѣдуетъ коробочку вскрыть, и о томъ, что въ ней лежитъ совѣтовать въ тайномъ совѣтѣ, къ коему Король и ихъ допустить обѣщалъ. Время сутокъ хотя не очень было длинно; но госпожа не могла во оное удержать своего любопытства; во всю ночь не могла она заснуть, ввѣренная тайна угнѣтала ее до крайности, и на разсвѣтѣ бѣжала она въ садъ, чтобъ раскрыть коробочку. Но съ самымъ симъ дѣйствiемъ сидѣвшая во оной птичка выпорхнула и улетѣла. Она не успѣла разсмотрѣть, какова птичка была рода. И такъ не можно было скрыть свою не осторожность; самъ супругъ ея ненаходилъ инаго средства, какъ признаться предъ Королемъ чистосердечно. Прощенiе было готово за сiю неосторожность; но неспособность къ

со-

сокрытію государственныхъ таинъ оказалась, и въ прозьбѣ госпожъ отказано. Онѣ не осмѣливались больше возобновлять сію; но противу Бертолда питали жестокую злобу, коея слѣдствія вскорѣ оказали.

Онѣ не переставали искать здѣлать ему какой нибудь вредъ, и въ намѣреніи позвали его предъ Королеву, гдѣ уже выдумана была на него чувствительнѣйшая хитрость. Бертолдо забавлялъ тогда Короля своими разговорами, и между прочимъ сказалъ ему: Государь! я тебя не боюся; для чего бояться человѣку человѣка? Не изъ одного ли мы вещества сотворены?... Два сосуда изъ глины и земли въ рукахъ провидѣнія сотворены; тебя оное учинило сіяющимъ раскрашенным и позлащеннымъ сосудомъ; а изъ меня бѣдный Ур...; но во всемъ различіе состоитъ только въ образцѣ и употребленіи.

Въ сіе мгновеніе объявили Албонію отъ Королевы, что у оной великая головная боль, и что для се-

го желаетъ она къ себѣ Бертолда, для разогнанія скуки его шутками, Бертолдо, сказалъ Король, остерегайся, чтобъ тебѣ у Королевы опять чего нибудь не случилось; надѣешься ли ты еще вывернуться? — О! я уповаю помочь себѣ какъ и въ первый разъ, и нужно только побывать мнѣ на кухнѣ. Позволено ему, и во время, когда онъ употреблялъ обыкновенный свой завтрекъ, Королевскій ловчій принесъ двухъ живыхъ зайцовъ. Бертолдо выпросилъ оныхъ, посадилъ въ пространные свои карманы, и пошелъ чрезъ малый дворъ, ведущій къ покоямъ Королевы. Двѣ престрашныя собаки прикованы были на цепяхъ въ семъ дворѣ и обыкновенно только ночью спускаемы. Но придворныя госпожи приказали оныхъ тогда спустить, зная что Бертолду слѣдуетъ мимо ихъ итти, и думали, что собаки его разорвутъ. Онъ ожидалъ сего и за тѣмъ спряталъ у себя зайцовъ. Когда псы на него бросились, пустилъ онъ зайцовъ

одинъ

одинъ по другомъ, собаки погнались, поймали обѣихъ, и начали жрать, а Бертолдо безъ вреда вошелъ въ покой Королевы, гдѣ всѣ увидились, увидя его невредима.

Множество тамъ находилось женщинъ. — И такъ ты то негодный злымъ своимъ совѣтомъ удержавшій Короля удовлетворить нашей прозьбѣ! — „ Король хотѣлъ васъ испы„ тать; я въ моемъ запасномъ мѣш„ кѣ нашелъ средство извѣдать оное „ ко удержанію васъ; естьли мнѣ въ „ томъ пощастливилось, то вина боль„ ше ваша, нежели моя „. — А! въ своемъ мѣшкѣ нашелъ ты, . . теперь ты можешь самъ въ оный влѣзть. — Сказавъ сіе кликнули они четырехъ сильныхъ мущинъ, которые отволокли его въ платенную комнату со множествомъ толчковъ и ударовъ шпагами, принудили влѣсть въ мѣшокъ. Его завязали съ верьху и Бертолдо принужденъ былъ покориться своей судьбѣ. По видимому кинули бы его по наступленіи ночи

въ

въ рѣку. Одинъ изъ Сбиръ карау‑
лилъ его, бѣдный Бертолдо былъ
въ великомъ недоумѣнiи, и напрягалъ
весь свой разумъ высвободиться изъ
толь опаснаго состоянiя. Но извѣ‑
стно, что онъ на сей конецъ здѣлалъ;
ибо сiе представляютъ на Италiан‑
скихъ театрахъ, и каждому почти
извѣстно. Онъ сказалъ караульному,
что онъ по особливымъ причинамъ
въ мѣшокъ посаженъ и обѣщалъ
ему сказать на ухо, естьли его раз‑
вяжетъ. Караульный былъ довольно
глупъ послушать его и позволилъ
ему выставить изъ мѣшка голову, и
говорить съ собою. Тогда разсказалъ
ему Бертолдо странную повѣсть:
„Онъ человѣкъ богатый и принуж‑
„даютъ его жениться на дѣвицѣ
„пригожей и достаточной, но кото‑
„рыя добродѣтель въ подозрѣнiи;
„онъ хочетъ, чтобъ его лучше уто‑
„пили, нежели согласиться на сiе
„предложенiе; въ наступающiй ве‑
„черъ придутъ опять принуждать
„его, но онъ повторяетъ, что луч‑

„ше

„ ше согласится утонуть, нежели „ взять таковую жену „. —— Глупый караульный называлъ его дуракомъ и предложилъ ему помѣняться мѣстами, чтобъ жениться на дѣвушкѣ, хотя бы оная и десятерыхъ на свѣтъ принесла.

Бертолдо съ радостїю выскочилъ изъ мѣшка, посадилъ во оный караульнаго, оставилъ дворецъ и выбѣжалъ изъ города. Но прежде къ великому его замѣшательству надлежало ему проходить всѣ Королевины комнаты, ибо выходъ изъ чулана былъ во оныя; однако ему удалось прокрасться между постелей комнатныхъ госпожъ, которыя спали очень крѣпко и не очнулись. Къ величайшему щастїю увидѣлъ онъ на стулѣ лежащее Королевино спальное платье, чепецъ и покрывало; онъ употребилъ оныя и переодѣвшись, прошелъ сквозь залу, гдѣ стояли часовые. Нѣкоторые изъ нихъ удивлялись, что Королева вышла одна въ такомъ простомъ нарядѣ и такъ

 рано;

рано; но сказать ей ни чего не осмѣлились. По утру комнатная дѣвица не могла сыскать Королевина убора. Изумились! —— искали всюду. Пришли въ платенную. Часоваго не было; а въ мѣшкѣ нашли человѣка, который увѣрялъ, что онъ безъ всякаго принужденія женится на дѣвкѣ. На послѣдокъ все открылось, узнали хитрость Бертолдову и глупый караульный долженствовалъ отвѣтствовать. Нѣкоторые сказываютъ, что оный брошенъ въ рѣку Этшъ, а другіе, что только съ бесчестіемъ выгнанъ. Какъ бы то ни было, Героя нашей повѣсти нашли въ пекарной печѣ, въ кою онъ залѣзъ въ Королевиномъ убранствѣ. Женщина пришедшая топить пѣчь весьма удивилась, нашедъ толь странную фигуру въ преогромномъ нарядѣ и снявъ съ него платье, отнесла во дворецъ. Обстоятельство объявленное часовымъ, что Королева вышла на разсвѣтѣ, объяснилось.

Бертолда по сему извѣстію нашли и привели во дворецъ. Королева была горяча и горда. Хотя бѣдный мужичекъ ни чего не здѣлалъ, кромѣ естественнаго старанія спасти жизнь свою; однако уважила съ лишкомъ его поступокъ, что онъ дерзнулъ вздѣть на себя Королевино платье и Государыня сія приставала къ Королю до тѣхъ поръ, какъ оный осудилъ бѣднаго Бертолда повѣсить. Монархъ сей простиралъ угожденія своей супругѣ, кою обожалъ до несправедливости и думалъ въ томъ оправдаться предъ нещастнымъ осужденникомъ. ——
„Государь! отвѣтствовалъ ему Бер„толдо: я вижу ваши основанія; я „помню, что нѣкогда въ жизни моей „во угодность женѣ моей Маркол„фѣ убилъ маленькаго котенка „за то, что оный съѣлъ фунтъ „коровьяго масла, а сія бѣдная „тварь и вся не была вѣсомъ боль„ше трехъ золотниковъ. Малыя „всегда должны терпѣть отъ своен„равія большихъ. Но какъ уже ме-

„ ня слѣдуетъ повѣсить, то о одной „только прошу милости, чтобъ позволили мнѣ выбрать дерево, на „коемъ меня удавить должно; ибо „и то утѣшеніе, что по своему „вкусу быть повѣшену„. —— Король и безъ того жалѣющій о немъ, дозволилъ ему сіе. Урядникъ съ двумя рядовыми и палачемъ повели его изъ города и оставили ему выборъ дерева. Въ то время висѣлицы еще не были изобрѣтены, а преступниковъ вѣшивали на перьвомъ лучшемъ деревѣ.

Легко догадаться, что Бертолдо изъ всѣхъ предлагаемыхъ ему древесъ не выбралъ угоднаго; одно было для него съ лишкомъ высоко, другое низко; у одного были вѣтви очень слабы, а у инаго крѣпки; зелень кипарисова казалась ему очень печальна, а зелень илмовъ очень весела. Такъ ходили они нѣсколько дней съ ряду и перебраковали всѣ деревья въ лѣсахъ около столичнаго города. Днемъ они бродили и только

ко въ обѣдъ ночевать возвращались въ деревни. Бертолдо веселилъ ихъ безпрестанно, расказывая имъ самыя смѣшныя повѣсти, и чрезъ то забывали они мало по малу свое дѣло. Наконецъ вспомнили было они о томъ, но повѣсить человѣка столько забавы имъ приключившаго, казалось имъ не простительно И такъ они присовѣтовали ему сыскать дорогу въ домъ свой, а сами возвратились въ городъ.

Королева думала не инако, что повелѣніе ея исполнено. По нѣскольком времени начала она мучиться совѣстію о смерти бѣднаго Бертолда и оказывала предъ Королемъ свое о томъ раскаяніе. Король вѣдалъ, что онъ живъ и довелъ, что супруга его сама пожелала возвращенія Бертолдова къ двору, чтобъ въ затруднительныхъ случаяхъ пользоваться онаго совѣтами. Монархъ будто бы сопротивляясь, послалъ на последокъ за Бертолдомъ. Сей не хотѣлъ повиноваться и говорилъ: —

„Разогрѣтыя похлебки и возобнов-
„ленное дружество не годятся; золо-
„тникъ вольности лучше пуда зо-
„лота, когда изъ онаго скуютъ
„цѣпь на шею „. —— Но ему на-
дѣлали столько обнадеживанія о
милости Короля и Королевы, что
онъ принужденъ на слѣдующихъ усло-
віяхъ согласиться 1) Жена его и сынъ
его Бертолдино имѣютъ остаться въ
домѣ, жить во ономъ земледѣлцами
и пахать малый участокъ зем-
ли въ Бретагнанѣ, доставшейся отъ
предковъ его, шедшей отъ Бертола-
ча къ Бертачу, отъ бертача къ
Бертолину, и отъ сего къ нему. 2)
Онъ останется всегда во одеждѣ по-
селянской, или столько простой, какъ
возможно; но съ обѣщаніемъ носить
платье безъ заплатъ и чулки безъ
прорѣховъ. 3) Чтобъ позволили ему
жить въ самой неубранной хижинкѣ,
и ѣсть обыкновенный свой хлѣбъ съ
чеснокомъ и похлебку изъ сыру. На
сихъ условіяхъ заступилъ онъ мѣсто
Королевскаго совѣтника въ Ломбардіи.

По-

Повѣтсвователь объявляетъ, что великая есть причина сожалѣть о утратѣ второй части жизни Бертолда; во оной находились рѣшенія самыхъ запутаннѣйшихъ дѣлъ; никогда судія не оказывалъ столько благоразумія, ни Министръ усердія и праведныхъ совѣтовъ своему Государю.

По нещастію Бертолдо недолго вкушалъ сіе свое щастіе, хотя родъ жизни его былъ одинаковъ въ Веронѣ, какъ и въ его деревенскомъ обитаніи; но ему не льзя было избѣжать отъ небольшихъ изступленій: на примѣръ, помиря тяжущихся, не льзя ему было отговориться, чтобъ не выпить съ ними лишнюю чарку; позднѣе какъ привыкъ спать ложиться, ибо Король удерживалъ его иногда и по захожденіи солнца; вмѣсто пашни, обращаясь съ государственными дѣлами, и безпрестанно крича о нихъ и споря на словахъ, потому что грамоты онъ не умѣлъ, здоровье его отъ сего претерпѣло великой вредъ. Врачи давали ему разныя лѣкарства, вещь,

которыя онъ не употреблялъ съ роду, и можетъ быть отъ того онъ и умеръ.

Король Албани повелѣлъ отправить ему великолѣпное погребенie, и поставить надгробie. Во ономъ видимъ Бертолдо былъ во весь ростъ свой съ слѣдующею надгробною надписью:

Безобразный пахарь на мѣстѣ семъ зарытъ;
Природа всѣхъ даровъ лишивши его видъ,
Дала ему за то твердый умъ и остроту,
И лишъ въ добромъ сердцѣ оказала красоту.
Бертолдо звался онъ. —— Монархомъ былъ любимъ;
Сей ввелъ его къ двору совѣтникомъ своимъ.
Отечество къ нему почтенье сохраняло;
Совѣтами его оно неупадало,
И тронъ чрезъ нихъ не разъ себя зрѣлъ подкрѣпленъ.
Онъ могъ разбогатѣть; но бѣденъ погребенъ
И сыну своему не оставилъ ни чего. ——
Прохожiй! прочитавъ, научися изъ сего:
Чтобъ по внѣшнему виду цѣны не заключать,
Кою человѣку внутрѣ льзя содержать.

По смерти его Король не забывающiй вѣрныхъ услугъ Бертолдовыхъ пожелалъ оставшихся его призвать въ Верону и послалъ за Мар-

колфою и Бертолдиномъ. Добрая женщина всѣмъ сердцемъ оплакивала своего мужа. Она обвиняла долгое его при дворѣ пребыванiе въ причинѣ его кончины; но ее уговорили слѣдовать ко оному съ своимъ сыномъ. Она умѣла ѣздить на ослахъ, по чему избрала сей родъ путешествiя. Но Бертолдино, неумѣющiй бѣгать кромѣ на собственныхъ ногахъ и неимѣющiй силъ употребить подобное средство, былъ какъ мѣшокъ положенъ поперегъ другова осла, и такъ прибыли они въ Верону.

Король принялъ ихъ несказано милостиво, велѣлъ ихъ тотъ часъ переодѣть въ лучшее платье по ихъ состоянiю и подарилъ имъ изрядный хуторъ близъ города, съ цѣлою коробочкою червонныхъ. Подарки сiи были имъ очень прiятны. Но по злосчастiю находился не въ дальности отъ дворца прудъ и кваканье лягушекъ воономъ, къ коему Бертолдино не привыкъ, показалось ему очень тяжко. Ко избавленiю отъ сего сы-

скалъ онъ странное средство. Онъ вздумалъ бросать въ нихъ, чтобъ убить до смерти, или по меньшей мѣрѣ принудить къ молчанію. Прежде всего попалась ему въ руки коробочка, онъ началъ вынимать червонныя и бросать по лягушкамъ въ прудъ. Нѣсколькихъ переколотилъ онъ, прочіяжъ квакали еще пуще, и все пожалованное отъ Короля золото лежало въ прудѣ. Марколфа скоро о семъ узнавшая, зделала ему жестокій выговоръ и представляла, что людей только золотомъ можно удовольствовать, а лягушки въ молчаніе не приводятся. Бертолдину показалось, что сіи животныя не хотятъ золота, а желаютъ покушать; почему собралъ все съѣстное, что могъ найтить у себя въ домѣ и побросалъ въ прудъ. Но и сіе средство неудачнѣе было перваго. Марколфа опять поучала его; —— „Ну! теперь у насъ нѣтъ больше „муки и должно будетъ ѣсть цѣ„плятъ; но у насъ куръ очень не„много, и тѣ много яицъ вдругъ не-

„вы-

„высидятъ „. —— Дай срокъ, дай срокъ! вскричалъ онъ; я всему по могу; я побольше курицы, и больше яицъ могу высидѣть. —— Онъ всѣхъ насѣдокъ согналъ съ гнѣздъ, склалъ яицы въ кучу и сѣлъ на оныя, чтобъ высиживать; но по нещастію сѣдалищемъ своимъ здѣлалъ только яишницу.

Маркольфа не могла ужѐ сего вытерпѣть и побѣжала къ Королю, чтобъ пожаловаться на проказы своего дѣтища. Король усмотрѣлъ, что разумъ и острота не суть наслѣдственны и что сынъ мудраго Бертолда былъ не иное что какъ деревяный пень. Однакожъ обѣщалъ ей наградить весь убытокъ, съ тѣмъ чтобъ Бертолдино не дѣлалъ больше таковыхъ глупостей; онъ хотѣлъ самъ его предостеречь, и для сего призвалъ онаго. Бертолдино, сказалъ онъ ему коротко: вспомни отца своего, и веди себя какъ онъ. Отецъ твой жилъ при дворѣ съ вольностію,

а

а въ деревнѣ воздержно. (*) Болванъ замѣтилъ сіе твердо. Еще во дворцѣ встрѣтилась съ нимъ королевина комнатная дѣвица, которая столько же была вѣжлива, какъ и добродѣтельна. Она называлась Либерта (родъ Аллегорическаго именованія, что въ Италіи весьма употребительно.) Бертолдино услышалъ, какъ ее называли, во время прохожденія ея мимо его. — „ба! такъ это она „то, съ которою Король велѣлъ мнѣ „жить при дворѣ„ и зделалъ дѣвицѣ каковъ ни былъ самъ гнусенъ и запачканъ предложенія невѣжливыя и не благопристойныя. Можно догадаться, съ каковымъ негодованіемъ приняла сіе Либерта. Происшествіе было очень забавно, и кончилось тѣмъ, что глупый сей человѣкъ отосланъ въ свой хуторъ. Тамъ по сосѣдству жила проворная дѣвка дочь огородникова, которая съ отмѣн-

(*) Здѣсь все основано на словѣ, или на сходствѣ слова Liberta; и modestia, modesta. То есть вольность и воздержаніе.

отмѣннымъ удовольствіемъ внимала ласкательствамъ всѣхъ молодыхъ мущинъ той округи. Временемъ посѣщала она предмѣстія и шинки Веронскіе, гдѣ производила легкія и скорыя завоеванія. Она называлась Модеста. — „А! вотъ она; Король „приказалъ мнѣ въ деревнѣ жить „съ Модестою „. — Сей второй Албоніевъ приказъ не толь трудно было исполнить какъ первый. Пригожая сія дѣвка не отвергла его; но съ полученіемъ изрядной платы. Мало по малу выманила она у него все, что было въ домѣ, деньги, куръ, индѣекъ, муку и прочее. Маркольфа была внѣ себя и жаловалась опять Королю, который учинилъ Бертолдину строгій выговоръ. Но онъ не преставалъ безпрестанно являть дѣйствія своей глупости.

Въ одинъ день привязалъ онъ себя къ журавлямъ, съ намѣреніемъ, что оные поднявъ его, донесутъ въ мѣсяцъ и упалъ въ болото. Въ другой разъ идучи мимо улья пчелъ,

раздразнилъ онъ сихъ животныхъ; одна пчела укусила его, и въ наказаніе за то началъ онъ всѣхъ пчелъ сѣчь на ульѣ крапивою. Чтобъ ястребъ не таскалъ изъ гнѣзда маленькихъ птичекъ, привязывалъ онъ ихъ за ноги къ гнѣзду. Ястребъ, который уносилъ только по одной, тогда подхватывалъ ихъ всѣхъ и съ гнѣздомъ.

Послѣдній его Геройскій подвигъ былъ слѣдующій. Онъ видалъ при дворѣ маленькихъ собачекъ, у коихъ были обрѣзаны уши, что ему очень нравилось. Онъ подумалъ, что сіе прилично всѣмъ тварямъ, и для того обрѣзалъ уши своему ослу, и побѣжалъ съ оными къ своей матери, увѣдомляя оную что изъ своего осла здѣлалъ прекраснѣйшую скотину. Марколфа не могла уже болѣе сносить. Она повергласъ еще разъ къ ногамъ своего Монарха, который довольно усмотрѣлъ, что Бертолдино не способенъ здѣлать честь отцу

цу своему. И такъ велѣлъ Марколфѣ возвратиться съ нимъ въ прежнюю деревню, но старался, чтобъ они предъ прежнимъ жили спокойнѣе. Въ самомъ дѣлѣ остатокъ дней ихъ провожденъ во всякой пріятности. Бертолдино женился на крестьянкѣ именемъ Менгинѣ, которая учинилась родительницею Каказенны. Придворный, прежде препроводившій Бертолда ко двору, ѣхалъ нѣкогда сквозь Бретагнану, узналъ старушку Марколфу, спрашивалъ о ея обстоятельствахъ, и раскалалъ о оныхъ Королю. Албони любопытствовалъ узнать, не зделалъ ли разумъ прыжка отъ дѣда къ внуку. И такъ Марколфа съ Каказенномъ призвана ко двору; но оный найденъ не лучше Бертолдина. Онъ былъ труслившъ и прожорливъ. Все разказываемое о немъ сіе подтверждаетъ. Послѣдній его подвигъ, коимъ и повѣсть оканчивается, былъ тотъ, что онъ увидя блюдо развареннаго клею, скушалъ оное до чиста. Онъ умеръ отъ сего,

го,

го, или можетъ быть на силу остался въ живыхъ.

Изъ сего небольшаго романа взято содержаніе къ стихамъ, въ отмѣнномъ почтеніи въ Италіи состоящимъ. Причина того слѣдующая.

Въ концѣ прежняго столѣтія, или въ началѣ нынѣшняго прибылъ славный живописецъ изъ Болонскаго училища, Иосифъ Марія Креспи, прозваніемъ Испанецъ, ему вздумалось написать знатнѣйшее изъ приключеній Бертолда и его дѣтей. Сходство въ рѣдкомъ и разумномъ видѣ Бертолдовомъ, а потомъ глупыя земледѣлческія лица Маркольфы, Бертолдина, Менгины и Какасенны приводили всѣхъ во удивленіе. Живописца уговорили картину свою отдать вырѣзать на мѣди. Искусный Болонскій художникъ Маттіоли вырѣзалъ оную, и вмѣсто пріобщенія сихъ напечатанныхъ листковъ къ прозаическому роману, вздумалось нѣкоторымъ изящнымъ стихотворцамъ сочинить о Бертолдѣ съ его

семей-

семействомъ поэму на стихахъ по образцу Бернисову. Работа была между ими разделена, Вся поэма долженствовала состоять изъ двантцати песней; первыя шесть имели содержать собственную жизнь Бертолда, восемъ следующихъ повестей Бертодина, а последнія о Каказенне. Каждая песнь получила особливаго сочинителя. Сего труда двантцати стихотворцевъ двантцать первая песнь составляла въ стихахъ содержаніе всей книги, другой сочинитель прибавилъ къ ней Аллегоріи и нравоученіе въ прозе, и еще одинъ ученый примечаніе на всю книгу. Таковымъ образомъ поэма сія учинилась трудомъ двантцати трехъ сочинителей, которые почти все были Болонцы, Феррарцы или Ломбардцы, и одинъ только былъ Тосканецъ. Со всемъ темъ Академія делла Круса по прилежномъ разсмотреніи учинила сему сочиненію торжественное одобреніе. Оное вышло въ 1736 году въ четверть листа въ Болоне съ прекра-

сными эстампами и всѣми обыкновенными Италіанскими большими сочиненіями, украшеніями, съ доводами, Аллегоріями и примѣчаніями. Сіе огромное изданіе кажется быть Пародіею другихъ пространныхъ стиховъ. Но сія Пародія, естьли оная есть, тѣмъ пріобрѣла таковую похвалу, каковой важные стихи ожидать долженствуютъ. Есть еще и другія о семъ обстоятельства: разныя отмѣнныхъ дарованій особы, изъ числа первыхъ сочинителей, предпріяли въ 1740 переводъ съ Тосканскаго языка, на коемъ оное сочинено на Болонскій. Таскanецъ или Римлянинъ требовалъ бы безъ сумнѣнія словаря для сего нарѣчія, котораго однако не имѣлось. Сей переводъ доставилъ Италіанцамъ оную выгоду. Въ изданіи 1740 и 1741, находится Тосканскій текстъ съ Болонскимъ рядомъ, и во окончаніи первой части Болонскій словарь.

Таковымъ же образомъ въ 1747 появился переводъ съ Флорентинскаго

нарѣчія

наречія на Венеціанскій съ Венеціанско - Тосканскимъ словаремъ столькожъ полезнымъ.

Разные, изъ двадцати трехъ сочинителей сея поэмы, живы еще нынѣ по крайней мѣрѣ Докторъ Францъ Марія Цаноти, Президентъ наукъ въ Болонѣ, сочинитель шестой пѣсни. Недавно умеръ аббатъ Фругони Генуезецъ, писавшій десятую пѣснь въ Пармѣ. За два, или три года утратила Италія господина Фламиніа Сканделія, который кромѣ седмой пѣсни, издалъ переводъ Телемака въ стихахъ на Флорентинскомъ языкѣ.

Читавшій сію поэму и романъ примѣтилъ, что много острыхъ замысловъ въ семъ сокращеніи пропущено. Многіе изъ оныхъ очень хороши, а особливо разговоръ Марколфы съ Королевою; но въ переводѣ утратили бы оные свою цѣну, часть оныхъ составляютъ уподобленіе и игра словъ, каковыхъ нѣтъ совсѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ.

Еще должно упомянуть, что знатнѣйшія черты изъ повѣсти Бертолда съ его семейством такъ извѣстны въ Италіи, что употребляются вмѣсто пословицъ. Всякъ знаетъ тамъ, что значитъ la pace di Marcolfa. Жена честнаго Бертолда сказала Королевѣ: когда она съ мужемъ своимъ ссорилась въ день, то въ вечеру дѣлали они опять миръ, и сей миръ былъ столь пріятенъ, что побуждалъ ихъ къ маленкому несогласію, дабы вкусить удовольствіе примиренія. Сіе то значитъ la pace di Marcolfa. Впрочемъ въ иныхъ провинціяхъ Италіи говорятъ: la pace di Marcone. Что доказываетъ второе происхожденіе пословицы, может быть занятой изъ другаго сочиненія; но одинакаго смысла.

V.

ЕПИСОДЫ

И

МАЛЫЯ ПОВѢСТИ.

ПАСТУШЬИ ЧАСЫ.

Сіе повѣствованіе основывается на истиномъ приключеніи, какъ обнадеживаетъ господинъ Доратъ въ своемъ Journal des dames, изъ коего мы оное заняли, звукъ повѣствованія есть колокъ и замысловатъ; можетъ быть нѣсколько воленъ, но я уповаю, что могущее состоять въ журналѣ для госпожъ, годится равномѣрно и въ Библіотеку романовъ.

Графиня * * *, продолжалъ нашъ пріятель, подцепила меня, не чувствуя любви: она обманула меня. Я разсердился, и она меня оставила: все было въ разстройкѣ. Я еще любилъ ее, и чтобъ лучше себя отмстить, взялъ я въ голову опять достать ее. Мнѣ удалось; я вскружилъ ей голову, и сіе было то, чего я хотѣлъ. Она считалась пріятельницею госпожѣ Т*, которая съ нѣкоего времени казалась имѣющею великія намѣренія на мою особу.

Она была вѣрна къ своему расположенію, находилась повсюду, гдѣ я ни случался, грозила любить меня до крайности, не подвергая однако ни чего изъ вкуса своего въ цѣломудріи и любочестіи, чему она и слѣдовала въ точности, какъ услышите теперь. Въ одинъ день пошелъ я въ оперу, чтобъ дождаться тамъ Графини, но пришелъ такъ рано, что мнѣ стало стыдно, еще ни чего не зачинали. Едва вступилъ я въ ложу, услышалъ, что близъ меня чхнули. Кому бы быть, кромѣ благопристойной госпожи Т*? „Вы уже здѣсь, сказала „она, вамъ должно быть въ вели„кой скукѣ, подите ко мнѣ„. Я удаленъ былъ, чтобъ помыслить, къ каковымъ романическимъ чрезвычайностямъ подастъ поводъ сія встрѣча. Но съ воображеніемъ женщинъ слѣдуетъ выступать поспѣшными шагами, а госпожа Т* имѣла въ сіе мгновеніе забавное расположеніе. „Я „должна васъ, говорила она мнѣ, „избавить отъ морщинъ, кои бы по-

„васъ

„ вас҃ распространилися отъ такова-
„ го уединенія; я должна . . . О!
„ выдумка славная! и какъ вы теперь
„ на лицѣ состоите, то нѣтъ ни
„ чего естественнѣе, какъ оную и-
„ сполнить. Не льзя щастливѣе прит-
„ ти! Нѣтъ ли у васъ на нынѣшній
„ вечеръ плану? Ничего не выдетъ, я
„ предсказываю; я увезу тебя. Нѣтъ
„ отговорокъ и ни какихъ вопросовъ!
„ положитесь на меня и на провидѣ-
„ ніе. Позовите моего служителя „.
—— Я повиновался. Приказываютъ мнѣ сойти въ низъ, я слѣдовалъ. Я кликнулъ, пришли. — поди въ домъ сего господина, сказала госпожа Т* служителю, и объяви, чтобъ его нынѣшній вечеръ не ждали. — Послѣ сего пошептала она ему на ухо, и служитель побѣжалъ. Опера началась. Я хотѣлъ говорить. Молчать мнѣ приказываютъ. Слушаютъ съ прилѣжаніемъ дѣйствія, или притворяются будто бы слушаютъ. Едва первый актъ кончился, записка къ госпожѣ Т* была принесена и

 доне-

донесено, что все готово. Она смѣется; —— „Подай руку„! —— Мы оставляемъ оперный домъ, садимся въ карету, и я очутился внѣ города, прежде, нежели могъ узнать, что намѣрены начать со мною.

На вопросы мои отвѣтствовано громкимъ смѣхомъ. Естьли бы я не вѣдалъ съ кѣмъ дѣло имѣю, съ госпожею, которая въ самое то мгновеніе запутана была въ тѣсную и городу извѣстную любовь съ Маркизомъ **, я увѣрился бы, что нахожусь на хорошей дорогѣ: но какъ она мои сердечныя обстоятельства съ графинею столько же вѣдала, какъ самъ я, ибо она какъ я сказалъ прежде, была ей искренняя пріятельница, то запретилъ я себѣ всѣ сіи гордыя мысли, и терпѣливо ожидалъ судьбы своей. Лошадей перемѣнили, и мы катилися какъ молнія впередъ. Любопытство меня побуждало. Я просилъ прилѣжно открыть мнѣ, куды наконецъ приведетъ меня сія шутка. — „Въ самое

„пре-

„прелестное мѣсто; но угадай, ку„ды? Я дозволяю вамъ сіе изъ ты„сячи... Знаешь ли куды? Къ „моему мужу. Знакомыль вы съ „нимъ„? — Ни чуть. — „Ну из„рядно! я знаю его немножко; и „надѣюсь, что ты имъ будешь до„воленъ, насъ мирятъ. Ужѐ полгода „какъ въ етомъ трудятся, и мы „ужѐ списываемся. Не щегольское „ли дѣло, что я его посѣщаю„? — Такъ, но съ позволенія вашего, къ чему я тутъ приспѣлъ? — „О этомъ я знаю. Я отъ скуки „боялась быть со лбу на лобъ; вы „любви достойны, и я рада что „васъ имѣю„. — Избрать день вашего примирія, чтобъ представить меня вашему мужу! По истиннѣ вы здѣлаете, что я себя не буду считать безопаснымъ, имѣя только дватцать пять лѣтъ. И притомъ, бываетъ замѣшательство, когда говорятъ въ первый разъ. По чести, я предвижу для всѣхъ насъ троихъ отнюдъ не шуточное во всемъ свиданіи,

даніи. —— „Ахъ, прочь съ нраво-„ученіемъ, прошу васъ; вы испор-„тите должность, для которой я „васъ взяла. Вамъ должно меня под-„держивать, развеселять, и не про-„повѣди мнѣ сказывать„.

Она такъ была рѣшительна, что я за лучшее счелъ покориться. Я началъ смѣяться моей ролѣ. Мы развеселились, и наконецъ нашелъ я, что она права. Мы перемѣнили въ другой разъ лошадей. Молчаливый мѣсяцъ освѣтилъ прекраснѣйшіе и роскошнѣйшіе сумерки изъ всѣхъ снисходившихъ на землю. Мало по малу пріятность мѣсто положенія, тишина ночи, и трогающее молчаніе природы, приводили меня во удивленіе. Чтобъ все сіе, какъ и должно разсмотрѣть вмѣстѣ, выглянули мы въ окошко. При каждомъ движеніи кареты лица наши касались другъ друга, и при нечаянномъ оныя поколебаніи госпожа Т* пожала мнѣ руку, а я съ величайшею нечаянностію на свѣтѣ схватилъ ее въ объятія.

тія. Что намѣрены мы были разсматривать въ таковомъ положеніи, я не знаю, но только вѣдаю, что предметы въ глазахъ моихъ начали плавать, какъ она вдругъ отъ меня вырвалась и бросилась въ карету. „ можетъ быть ваше намѣреніе, ска„ зала она, по довольномъ размышле„ ніи, доказать мнѣ мою неосмотри„ тельность? „ Вопросъ сей смутилъ меня. — Намѣреніе .... съ вами ... какъ чудно! вы тотчасъ оное узнаете. Но нечаянность, торопливость .... не заслуживаетъ ли прощенія? — „ По меньшей мѣрѣ вы такъ счита„ ли, какъ мнѣ кажется „. —

Посреди сего разговора прибыли мы непримѣтно на дворъ за́мка. Все было освѣщено, все возвѣщало радость, кромѣ виду хозяйна: сей не меньше какъ измѣнялъ удовольствію о нашемъ пріѣздѣ. Сквозь унылое и холодное свойство выглядывало очень явственно, что онъ къ сему примиренію приведенъ только фамиліарными причинами. Между тѣмъ благо-

благопристойность привела его до каретныхъ дверей. Госпожа препоручила меня, онъ подалъ ей руку, а я слѣдовалъ размышляя о моей прошедшей, настоящей и будущей ролѣ. Залы, сквозь кои мы проходили, были украшены съ неменьшимъ вкусомъ какъ и великолѣпіемъ, ибо хозяинъ дому во всѣхъ мелкостяхъ слѣдовалъ Луксу, и преизрядно разумѣлъ искусство чрезъ образцы роскоши поджигать пламень умирающей природы. Какъ я не могъ лучшаго говорить, то и взялъ прибѣжище къ удивленію. Наша Богиня дѣлала честь храму. „Это еще не „все, что вы видите, сказала она, по„дите, должно вамъ показать комна„ту моего мужа„. —— Ахъ сударыня, уже пять лѣтъ, какъ я разорилъ оную. —— „Какая причина„! отвѣтствовала она, помышляя о чемъ то иномъ. Я думалъ задохнуться отъ смѣха, видя ее такъ свѣдущу о происходящемъ въ ея домѣ. За ужиномъ подавала она ему кусокъ

форе-

форели, и господинъ супругъ отвѣтствовалъ сударыня, я ужè третій годъ пью молочную сыворотку. — „какая причина„! — представте только, каковъ быть долженъ разговоръ между трехъ человѣкъ, кои всѣ удивлялись, видя себя вмѣстѣ.

Послѣ стола я воображалъ, что мы скоро будемъ искать нашихъ постелей, однако ошибся въ семъ, кромѣ о хозяинѣ. „Я благодарю васъ, сказалъ онъ вышедъ съ нами въ залъ, „я благодарю васъ сударыня за прозорливость, кою вы имѣли привезя съ собою сего господина. Вы „конечно ожидали, что я не гожусь „къ бодрствованію, и вы не обманулись, ибо мнѣ должно удалиться..... Сей господинъ, продолжалъ „онъ самымъ насмѣшливымъ голосомъ, повернясь ко мнѣ, извинитъ „меня и возметъ на себя трудъ, „примирить меня въ томъ съ вами„. Послѣ сего онъ пропалъ изъ глазъ. Мы поглядывали другъ на друга, и чтобъ разогнать мысли при-

причиненныя таковымЪ прощенiемЪ, предложила госпожа Т*, между тѣмЪ какЪ слуги наши ѣли, не можно ли прогуляться по берегу. Ночь была прекрасная; предметы казались только вЪ полы сквозь ея покрывало, и сiе казалось за тѣмЪ лишь на нихЪ опущено чтобЪ дать большую силу воображенiю. ЗамокЪ и садЪ лежали на холмѣ исходили уступами до краевЪ рѣки Сены, которыя различныя кривизны представляли маленкiе островки, картину умножающiе и прелесть мѣста возвышающiе. СЪ начала шли мы по длиннѣйшему изЪ сихЪ уступовЪ, густыми деревьями осажденному. Хозяйка отдохнула уже послѣ насмѣшки супружней и вЪ продолженiи прогулки зделала она мнѣ нѣкоторыя повѣренности. Сiи заражаютЪ, я соотвѣтсвовалЪ тѣмЪ же, и мы отЪ часу становились довѣреннѣе и обязаннѣе. Она мнѣ при началѣ прогулки подала свою руку, и сiя рука, не знаю какЪ то сомкнулась, между тѣмЪ, какЪ моя ее поддерживала,

ла,

ла и едва допускала касаться земли. Положеніе сіе было пріятно, но отягошительно вЪ продолженіи, а намЪ еще столько переговоришь. Дерновая Софа представилась, мы сѣли не медля. ВЪ семЪ убѣжищѣ обратились мы кЪ похвалѣ повѣренности и ея пріятностей. — „Кто „можетЪ лучше и сЪ меньшими слѣд„ствіями предать себя оной, какЪ „мы? сказала она. Я очень знаю „обязательство, васЪ оковывающее, „чтобЪ должно мнѣ васЪ опасать„ся„. — МожетЪ быть она хотѣла отвѣта, но я забылЪ о немЪ. И такЪ мы говорили попеременно, что будто бы какЪ невозможно, чтобЪ мы были для себя чѣмЪ нибудь инымЪ, нежели чѣмЪ есть. — Между тѣмЪ должно признаться, я опасаюсь, что моя поспѣшность вЪ каретѣ васЪ испужала. — „О, я не „такЪ пужлива.„ — Но можетЪ быть осталось подозрѣніе. — „Но „что мнѣ здѣлать чтобЪ, васЪ успо„коить?„ — ВамЪ можно. —

„ Какъ „ ? — Вы не угадаете. — „ Такъ скажите „ ! — Сперва должно вамъ обѣщать, что вы не разсердитесь. — „ Хорошо, я обѣщаю; „ ну, что такое „ ? — Чтобъ вы мнѣ тотчасъ и добровольно поцѣлуй дозволили, который васъ я въ каретѣ похитилъ нечаянно, и который васъ тогда привелъ въ гнѣвъ. — „ Для чего вы не сказали однимъ „ словомъ ? Отъ всего сердца ! вы бы „ возгордились, естьлибъ я отказа„ ла. Ваше самолюбіе увѣрило бы „ васъ, что я васъ опасаюсь. „ — Я получилъ поцѣлуй.

Съ поцѣлуями бываетъ тоже, что съ повѣренностями. Едва перьвый полученъ, слѣдовалъ второй, и за нимъ еще нѣсколько. Они перегоняли другъ друга, прервали наши разговоры и заступили оныхъ мѣсто; едва оставлена промежка для вздоховъ. . . . . молчаніе послѣдовало, о которомъ говорить не нужно, ибо иногда и догадаться можно: только насъ нѣчто испужало, мы встали, не говоря ни слова и

пошли

пошли далѣе. „Воротимся, сказала „она вечерній воздухъ для насъ не „способенъ „. — Мнѣ кажется онъ вамъ меньше вреденъ. — „Да. . „я ощущаю оный меньше, нежели „другой: но нѣтъ ничего воротим-„ся „. — Безъ сумнѣнія дѣлается сіе для меня. — „Для тебя. „ — Вы желаете меня избавить отъ опасностей впечатлѣнія таковой прогулки и печальныхъ слѣдствій, кои для одного только меня имѣть можете. — „Вы прилагаете къ моимъ „побудительнымъ причинамъ очень „много сладкаго: . . . но пойдемъ домой, „я не хочу больше „ — Она принудила меня воспріять дорогу въ замокъ.

Я не вѣдаю, принужденіе ли она себѣ учинила при семъ вознамѣреніи, или она раскаивалась, или раздѣляла чувствуемую мною досаду, видѣть толь скорое нарушеніе игры, начавшейся съ таковою пріятностію; довольно, чрезъ взаимное побужденіе, шаги наши становились часъ отъ часу медленнѣе, мы входили печально,

 сер-

сердясь въ тайнѣ другъ на друга и на самихъ себя. Мы не знали къ чему и какъ для сего прицепиться. Никто изъ насъ не имѣлъ права здѣлать вопросъ, или потребовать объясненія: ни разу причина къ укореніямъ намъ не предстала. И такъ чувствованія наши остались замкнуты въ нашихъ сердцахъ. Ахъ сколько бы маленькая ссора меня облегчила! но гдѣ оную взять? Между тѣмъ мы приближились и приклонились подъ бремя должности, кою сами на себя толь неискусно возложили.

Мы были ужѐ у проклятыхъ дверей, какъ госпожа Т* прервала молчаніе. „Я совсѣмъ вами не довольна.... послѣ опытовъ поданныхъ „вамъ о моей искренности, не пристойно для васъ оной не отплатить. „Вспомнилили вы во все то время какъ „мы вмѣстѣ были, хотя однимъ словомъ о Графинѣ? И когда толь „пріятно говорить о томъ, что любите. Будьте обнадежены, что „я съ великимъ участіемъ васъ бу-

„ду

„ду выслушиватъ. Сіе было бы ма-
„лое, что можно мнѣ здѣлать, ко-
„гда я васъ предоставила опасности,
„оныя лишиться „. — Не должно ли
мнѣ вамъ сударыня здѣлать тако-
воежъ укореніе, когда вы меня, вмѣ-
сто учиненія повѣреннымъ въ при-
миреніи съ мужемъ, привели къ дру-
гому гораздо способнѣйшему выбору,
такому выбору — „Тише! . . . . но,
„опять о Графинѣ; щастливъ ли
„ты, совершенно ли щастливъ? Ахъ,
„я опасаюсь противнаго! сего мнѣ
„жаль; ибо я участвую въ тебѣ
„всѣмъ сердцемъ; и столько . . . .
„можетъ быть больше, нежели ча-
„ешь „. — Но сударыня, за чемъ
вы хотите вѣрить баснѣ, которую
только слухъ разноситъ и которую
по обыкновенію своему оный увели-
чилъ и раскрасилъ? У меня нѣтъ
ничего съ Графинею. — „Отложи
„притворство, я тебя избавлю отъ
„онаго; я знаю вашу повѣсть столь-
„ко, сколько лишъ знать можно.
„Графиня меньше скромна: женщи-

„ны ея свойства расточительны
„въ тайнахъ своихъ обожателей, а
„особливо когда толь скромное мол-
„чаніе, какъ ваше, можетъ ее ли-
„шить сего торжества. Я удалена
„обвинять ее Кокетсвомъ, но бол-
„тливая имѣетъ столькоже суетно-
„сти, какъ и Кокетка. Говорите
„чистосердечнѣе; не часто ли вы бы-
„ваете жертвою сего рода характе-
„ровъ? Говорите: эхъ, ну „. — Но,
сударыня, вы хотите итти домой...
и воздухъ... Онъ перемѣнился.

Она взяла опять мою руку
мы путь нашъ продолжали и я
ни мало не примѣтилъ, что мы
пошли другою дорогою. Разго-
воръ, который она начала о сво-
емъ любовникѣ и о моихъ похо-
жденіяхъ съ Графинею, о сей поѣзд-
кѣ и произшествіи въ каретѣ и на
дерновой софѣ, обстоятельство, вре-
мя. все сіе меня смутило: иногда
былъ я готовъ предаться побужденіямъ
моего самолюбія и вліяніямъ
моихъ страстей; а иногда препят-

ство-

ствовало мнѣ въ томъ разсужденіе. Я и кромѣ того былъ съ лишкомъ безпокоенъ, ибо не зналъ, какое можно бы мнѣ было здѣлать расположеніе и взять правила. Во время какъ сіе во мнѣ происходило, госпожа Т* продолжала говорить о Графинѣ, и молчаніе мое принимала она за подтвержденіе всего того, чтобы мнѣ ей сказать надлежало. Нѣкоторыя черты, мною примѣченныя въ глазахъ ея, привели меня опять въ себя.

— „Сколько разныхъ ролей видѣла я ее играющую! между нами „сказано, она многихъ обманула. „Когда она обходилась съ Барономъ, „какія игрушки строила она надъ „Маркизомъ! Когда она познакомилась съ вами, то здѣлала она сіе единственно за тѣмъ, чтобъ разстроить двухъ совмѣстниковъ, кои готовы были предаться неразсудливости, привязаться къ ней. Она „васъ очень уважила, она дала „вамъ время разсмотрѣть себя и

„вы наконецъ ее провели такъ то „сударь, здѣлала она васъ дѣйствую„щимъ лицемъ, заняла обѣихъ со„вмѣстниковъ вами, сердила ихъ, „обвиняла, утѣшала, и вы всѣ че„тверо были довольны. О, чего не „можетъ надъ вами хитрая женщи„на! и сколько она щасплива, когда „при сей игрѣ казавшись столько „отваживающеюся однако ни чего не„теряетъ. — Госпожа Т* проводила сіе послѣднее слово со вздохомъ, который излетѣлъ въ надлежащее время и былъ рѣшителенъ. Уловка сія была мастерская.

Я почувствовалъ, что повязка снята съ глазъ моихъ, но не примѣтилъ что оные, завязывали мнѣ новою. Я тронутъ былъ испинною изображенія. Любовница моя показалась мнѣ невѣрнѣйшею въ своемъ полѣ, а въ госпожѣ Т* чаялъ я найтить чувствительнѣйшую смертную. Я также вздохнулъ, не вѣдая къ кому направлялъ вздохъ сей, и не умѣя различить, скорбь ли, потери, или

или надежда замѣны, оный у меня извлекла. Казались сожалѣющими, меня оскорбивими и съ лишкомъ распространившимися въ начертаніе, кое можетъ казаться подозрительнымъ, ибо происходило отъ женщины.

Я не понималъ ни чего изъ слышаннаго. Потому, что мы странствовали большимъ путемъ чувствованія, и начали съ столь удаленной средины, что не льзя было предвидѣть меты путешествія. По многимъ почти методическимъ переходамъ, увидѣлъ я на концѣ уступа павилліонъ, бывшій нѣкогда свидѣтелемъ сладчайшихъ мгновеній. Мнѣ описала подробно его положеніе, его учрежденіе! „Жаль что мы не имѣемъ „ключа„! — Мы пошли ближе. Онъ былъ растворенъ, и не доставало только дневнаго свѣта, чтобъ оному удивляться. Но можетъ быть и темнота могла подать ему пріятности, и сверьхъ того зналъ я, сколько любви достоинъ предметъ, могущій оный украсить.

Сладкая дрожъ напала на насъ при входѣ: сіе было святилище всемощныя любви. Оная нами овладѣла, и колѣна наши преклонились. Осталась намъ лишъ та сила, кою сіе божество подаетъ своимъ жрецамъ. Ослабшія наши руки обвилися, и мы упали безъ малѣйшаго намѣренія на канапе, занимающее часть храма. Мѣсяцъ зашелъ и съ его блескомъ исчезло покрывало стыдливости, которою, какъ я думаю, мы скучать начинали. Все запуталось въ темнотѣ. Руку мою оттолкнуть желавшая почувствовала во мнѣ біющееся сердце; хотѣла отъ меня убѣжать и опустились нѣжнѣе обратно. Души наши сыскали себя, распространились: съ каждымъ поцѣлуемъ раждалось. . . . . Какъ упоеніе чувствъ нашихъ привело насъ въ самихъ себя, мы не могли сыскать употребленія голоса, и долго занимали себя разговорами мыслей. Она бросилась въ мои объятія скрывила голову свою въ мои нѣдра, взды-

вздыхала и успокоилась моими лобзаніями. Она предавалась печали, была утѣшаема и требовала любви за все похищенное у ней любовію. Сія любовь, которая вЪ другое время показалась бы ей толь страшною, помогла ей теперь разсыпать ея заботы. Когда сЪ одной стороны пожелаешь отдать, что взяли; то сЪ другой стороны охотно примутЪ, что похитили, и обѣ стороны поспѣшали одержать вторую побѣду, чтобЪ обнадежиться вЪ своемЪ завоеваніи. Все сіе было немножко поспѣшно. Мы чувствовали нашу погрѣшность и по мѣрѣ хватали то, что мы упустили. ВЪ великомЪ жару мало нѣжности; бросаются только кЪ наслажденію и забываютЪ радости предъидущія. ТутЪ разрываютЪ союзЪ, тамЪ славу. Повсюду оставляетЪ роскошЪ слѣды свои, и вскорѣ забывается божество сЪ жертвою.

Мы были гораздо спокойнѣе и воздухЪ намЪ казался столькоже чистЪ

и прохладителенъ. Мы слышали рѣку ударяющую въ стѣны павилліона, и чрезъ ея журчаніе, являющее себя согласующимся съ нѣжнымъ біеніемъ нашихъ сердецъ, тишина ночи возмущалась. Темнота была очень велика, чтобъ можно было что нибудь различать, но сквозь прозрачный Флёръ прекрасной лѣтней ночи, здѣлало наше воображеніе изъ полуострова противу лежащаго повилліону, очарованное обиталище. Берегъ казался намъ усѣянный божками любви, играющими въ струяхъ рѣки. Ни когда сѣни Книдійскія не бывали такъ наполненны влюбленными, какъ мы насѣяли сей полуостровъ. Мы на ономъ невидѣли, кромѣ щастливыхъ двоицъ и щастливѣйшія между ими, были мы. Каждое мгновеніе подавало мнѣ новую добычь красоты. Огнь любви освѣщалъ очи души моей, и надежнѣйшее изъ всѣхъ чувствъ подтверждало мое щастіе. Когда ужѐ робость единожды изгнанна, лобзанія ищутъ себя взаимно.

Они

Они приманиваютъ себя нѣжнѣе: знаки благосклонности не похищаются, но даются. Естьли удерживаютъ, что на мгновеніе, то происходитъ сіе изъ тончайшей роскоши... Не склоняются.... и покоряются.

„ Прочь, вскричала она нежнымъ голосомъ, прочь отъ сего „ опаснаго мѣста; желанія здѣсь безпрестанно вновь родятся, и не „ возможно онымъ противиться „. Она потащила меня вонъ.

Мы удалились съ негодованіемъ. Она часто оглядывалась назадъ. Божественный огнь казался сіяющимъ изъ павилліона. — „ Ты посвятилъ „ мнѣ оный, сказала она мнѣ. „ Кто можетъ дать ему такую пріятность. Какъ ты? Ахъ, какъ ты „ умѣешь любить, и сколько она щастлива „! — Кто? подхватилъ я торопно и съ изумленіемъ. Ахъ, естьли правда, что я могу дѣлать щастливыми, кому вамъ завидовать! — Мы проходили мимо дерновой софы и остановились нечаянно, съ

тѣми

тѣми безмолвными выраженіями души, кои нѣчто значатъ. — „Какая странная разнота, начала госпожа Т*, между симъ мѣстомъ „и павилліономъ, который мы теперь оставили! душа моя столь „наполнена своимъ щастіемъ, что „я почти не помню, что я вамъ „могла противиться„. — Съ начала не понялъ я сей обязанности, заключаемой въ семъ словѣ, и къ чему разумъ онаго полагалъ мнѣ право. — Но, отвѣтствовалъ я, увижу ли я здѣсь исчезнувшимъ волшебство, кое тамъ наполняло мое вообраценіе? Должно ли всегда мѣсто сіе мнѣ сопротивляться? — „Можетъ ли сіе быть, когда я съ „тобою,? — Такъ, безъ сумнѣнія, сколько щастливъ былъ я тамъ, столько не щасливъ здѣсь. Истинная любовь требуетъ сугубыхъ доказательствъ; она чаетъ еще неполучившею, когда есть что еще получить. — „Опять?... почести, „я не могу.... нѣтъ, нѣкогда„.

Всѣ

.,. —— Всѣ сіи сопротивленія произведены голосомъ, который значилъ, чтобъ оныхъ неслушались; и я преизрядно разумѣлъ повиноваться.

Я прошу моихъ слушателей припомнить, что мнѣ тогда едва ли было двашцать пять лѣтъ, и что дѣла сего возраста не обузданны. Между тѣмъ разговоръ нашъ перемѣнилъ предметъ и учинился важнѣе. Осмѣливались даже шутить надъ радостьми любовными, раздроблять оную, отдѣлять изъ того нравственное, приводить оную на ея собственное состояніе и доказывать, что оказанія благосклонности не иное что, какъ удовольствія; и что сіе разсматривая философски, не подаетъ другой дѣйствительной привязанности, кромѣ какъ той, къ каковой доступаютъ всенародно, допуская публику въ наше таинство и дозволяя себѣ отъ оныя убѣжище. —— „Какая драгоцѣнная ночь! не „ей ли должны мы прелестію сего

„удо-

„удовольствія, когда она есть нашъ „вождь и наше оправланіе? Положимъ, естьли разныя обстоятельства принудятъ насъ завтра разлучиться, то сіе наше всей природѣ не извѣстное щастіе, не принудитъ насъ на примѣръ, съ сожалѣніемъ сей, или другой союзъ „нарушить. Минуты огорченія, кои „наградитъ пріятное воспоминовеніе будутъ только .... и тогда по „истиннѣ удовольствіе, да, удовольствіе! безъ околичностей, шуму, „и тиранства въ нарушеніи правилъ.

Мы дѣйствительныя машины (и я стыжусь сего) что вмѣсто всѣхъ нѣжностей, кои мучили меня за извѣстныя явленія, я съ нѣкоторою смѣлостію подтвердилъ ея основанія, нашелъ оныя высокими и важными, и ощущалъ ужѐ себя вовлеченна въ любовную непривязанность.

„Прекрасная ночь! вопіяла она, „прекрасныя мѣста! ужѐ восемь „лѣтъ какъ я васъ оставила, но вы

„ни-

„ничего не утратили изъ вашихъ
„ пріятностей; вы получили для меня
„ всѣ прелести новостей. Забудемъ
„ ли мы когда нибудь сей кабинетъ?
„ Нѣтъ! никогда! не правда ли? Въ
„ замкѣ есть еще прекраснѣйшій,
„ но тебѣ не льзя показывать; ты
„ какъ робенокъ до всего желаешь
„ прикасаться, что ни видишь и
„ все ломаешь до чего касаешься„.
Любопытство во мнѣ возгорѣлось, я обѣщалъ все хранить, что только желаетъ и увѣрилъ, что я здѣлался теперь очень разуменъ. Другой разговоръ началъ, ибо госпожа Т* любила больше основаніе, нежели благоразуміе. „Для меня ночь сія,
„ сказала она, былабъ совершенная,
„ естьли бы не надлежало мнѣ уко-
„ рять себя. Я сама на себя сер-
„ дита, по чести сердита, что ра-
„ сказала вамъ нѣчто о Графинѣ.
„ Не въ томъ чтобы я могла въ чемъ
„ нибудь на нее жаловаться, ибо вы
„ вели себя съ возможною пристой-
„ ностію. Новость плѣняетъ; вы

„нашли меня любви достойну, и я
„вѣрю, что сіе произошло отъ вну-
„тренности сердца; но такъ труд-
„но вырваться изъ узъ обычая,
„что я сама чувствую, сколь мало
„я въ состояніи что нибудь поспѣ-
„шествовать. Сверьхъ сего я всѣ
„исчерпала средства, какія только
„состоятъ во власти женщины, да-
„бы оковать ея любовника. Чего
„вамъ осталося уже отъ меня же-
„лать или надѣяться, и что дѣ-
„лать съ женщиною, отъ которой ни-
„чего желать ни надѣяться не можно?
„Я все для васъ истощила! и кто
„знаетъ, можетъ статься, вы не
„дозволите мнѣ и той радости, коя,
„по прошествіи мгновеннаго упоенія,
„защищаетъ отъ строгости размы-
„шленія . . . . à propos, скажите
„мнѣ, каковъ вамъ показался мужъ
„мой? Довольно не вкусенъ, не пра-
„вда ли? Я не вѣрю, чтобъ онъ взи-
„ралъ на васъ хладнокровно; прія-
„знь наша показалась ему подозри-
„тельна. Вамъ не должно здѣсь
„за-

„замедлиться; онъ можетъ за сіе „разсердиться. К чаойсъ получитъ „еще посѣщеніе;... и конечно еще „кто нибудь пріѣдетъ.... Сверьхъ „того вы находитесь въ обстоятель-„ствѣ требующемъ осторожности... „вспомните образецъ, съ каковымъ „насъ мужъ мой вчерась оставилъ „. — Она примѣтила впечатлѣніе, учиненное во мнѣ сими послѣдними словами, и тотчасъ продолжала: „какъ „онъ живъ былъ, когда съ такововымъ прилѣжаніемъ строилъ кабинетъ, о которомъ я вамъ сказывала. Сіе было предъ нашею свадь-„бою; онъ близъ самой моей спаль-„ни. Но для меня оный ничего не „составлялъ, кромѣ доказательства, „... сколько нужно господину Т* и-„скусныхъ помощныхъ средствъ, къ „подкрѣпленію своихъ чувствованій, „и сколь мало была я въ состояніи, „сообщить ободренія душѣ его „.

Такъ умѣла она мало по малу поддерживать мое любопытство въ разсужденіи кабинета — Оный близъ

самой вашей спальни? подхватилъ я; какое удовольствіе отмстить тамъ оскорбленія вашей прелести, и доставить вамъ все, что у васъ отнято — Сіе казалось, что непротивно. — Ахъ, продолжалъ я, естьли бы выборъ сего отмщенія палъ на меня, естьлибъ только на мгновеніе позволено мнѣ было привести въ забвеніе вамъ скуку, кою . . . — Она очень скоро поняла, что я хотѣлъ выговорить, и больше изумленная нежели разгнѣвавшись, перервала мою рѣчь. „Естьли обѣщаешься быть „скроменъ„. — Я признаюсь, что въ сіе мгновеніе не чувствовалъ побужденія благоговенія потребнаго къ путешествію въ толь освященныя мѣста, но любопытство мое взошло на высоту. Сіе уже было не госпожа Т*, возбуждающая мои желанія, а кабинетъ. Мы находились уже въ замкѣ, лампады на всходахъ и въ галлереяхъ погасли; мы бродили въ темнотѣ Сама хозяика не знала больше своихъ входовъ и выходовъ, и по-

по долгомъ исканіи нашли мы наконецъ двери ея комнаты. — Что вы намѣрены начать со мною? Сказалъ я ей. Не хотите ли меня опять послать въ темноту? Хотители вы меня предоставить опасности, надѣлать шуму, насъ открыть, и можетъ быть вамъ навлечь неудовольствіе? — Основанія мои казались ей неопровергаемы. „И такъ „вы мнѣ обѣщаете„. — Все что вамъ угодно. — Повѣрили моимъ обѣщаніямъ, разумѣется въ надѣждѣ, что я въ состояніи еще оныя нарушить. Мы отворили потихоньку двери и нашли двухъ спящихъ комнатныхъ дѣвокъ. Одна была молода, а другая ужѐ въ лѣтахъ, и сія была повѣренная госпожи Т*. Послѣднюю разбудили, шепнули ей нѣчто на ухо, и она оставивъ насъ, пошла сквозь потаеную дверь въ стѣнной резбѣ Я между тѣмъ предложилъ заступить мѣсто спящей дѣвки: сіе принято и облегченось отъ всѣхъ лишнихъ уборовъ. Одна только простая

стая перевязка держала ея волосы, катящіеся внизъ віющимися локонами. Воткнули во оные розанъ сорванный мною въ саду, и который я забывшись еще въ рукѣ держалъ. Лучшее спальное платье замѣнило весь протчій нарядъ. На всей одеждѣ небыло згиба, и госпожа Т* показалась мнѣ еще прекраснѣе прежняго. Немножко томности лежало на ея вѣждахъ и придавало взорамъ ея нѣкоторое мнѣніе, нѣкоторую тихость, чрезъ что оныя еще стали опаснѣе. Цвѣтъ губъ ея былъ живѣе обыкновеннаго возвышалъ ослѣпляющую бѣлизну зубовъ и представлялъ улыбки ея еще роскошнѣе. Маленкій разсыпанный румянецъ украшалъ лиліи лица, и помогалъ заключать о нѣжности кожи. Всѣ сіи слѣды удовольствія возвратили мнѣ напоминовеніе вкушенія, и при сіяніи свѣчь показалась она мнѣ прелестнѣе, нежели можетъ начертать самое воображеніе въ наши сладчайшія минуты. Потаеная дверь опять

пять отворилась и молчаливая повѣренная исчезла.

Как мы готовы были вступить сквозь потаеныя врата, удержала она меня. „Припомните себѣ, ска-„зала она съ величественным ви-„дом, что ни кто на свѣтѣ не до-„лжен знать, нетокмо что в сем „обиталищѣ были, но ниже вѣдать „про оное. Чтоб не было нео-„сторожности. А в прочем я без „забот„. — Молчаливость есть моя первѣйшая добродѣтель; оною нерѣдко теряют свое щастіе! —

Все сіе имѣло вид посвященія. Меня повели сквозь маленькую темную галлерею. Сердце мое билось, как сердце Проселита, выдерживающаго опыт пред огнем великой мистеріи. „Но Графиня„. . . . Сказала она, и остановилась. Я хотѣл отвѣтствовать; двери растворились, и удивленіе лишило меня слов. Я был восхищен внѣ себя: не знал что со мною дѣлается, и не волшебство ли все сіе. Дверь опять

затворилась, и я не различалъ ужѐ мѣста, въ которое вошелъ. Я не видѣлъ кромѣ воздушнаго Боскета, не имѣющаго выхода, ни на чемъ не висящаго, и ни чемъ не поддерживаемаго. Я нашелъ себя въ обширномъ зеркальномъ сводѣ, на коемъ предметы толь живо изображались, что казались дѣйствительными. Внутри не видно было ни одной свѣчи, но тихая, небесная ясность простирала на каждый предметъ столько свѣта, сколько нужно быть казалось, дабы учинить оный больше или меньше явственнымъ. Касолеты дыхали одними благовоніями, а сплетенныя имена и трофеи скрывали лампады, освѣщающія толь волшебнымъ образомъ сіе обиталище радости. Сторона входа представляла порталь изъ решетокъ, украшенныхъ цвѣтами и зеленью въ каждой впадинѣ. На другой сторонѣ видимъ былъ истуканъ бога любви, вѣнки раздающій; предъ нимъ стоялъ жертвенникъ, на коемъ пылалъ

ма-

маленькій пламень; у подошвы сего лежали чаша, короны и вѣнки. Храмъ легкой архитектуры заключилъ украшенія. Напротивъ сей стороны предстоялъ мрачный гротъ. Богъ таинства бодрствовалъ при входѣ во оный, и косматымъ ковромъ покрытое парке казало густую травную зелень. Сверьху падали вѣнки изъ цвѣтовъ, поддерживаемые Купидонами, кои безпечно сцеплялись. Четвертая сторона касающаяся порталя содержала балдахинъ, подъ которымъ лежало множество подушекъ кучею набросанныхъ; балдахинъ несли Купидоны и подъ онымъ бросилась томно Богиня сего обиталища. Я опустился къ ногамъ ея; она приклонилась ко мнѣ, простерла ко мнѣ свои руки, и въ сіе мгновеніе увидѣлъ я, . . . благодареніе зеркальнымъ стѣнамъ! . . . гротъ сей по всюду умноженный прелестьми: весь островъ казался населенъ щастливыми любвниками.

Таковый взоръ еще больше воспламеняетъ. — Должно ли мнѣ остаться не увѣнчанну, спросилъ я съ тихимъ вздохомъ? Должны ли прозьбы мои не обрѣсть вниманія, когда я такъ близокъ къ престолу? — „А твои клятвы „? — отвѣтствовала она, вставая. — Я былъ слабый смертный, когда оныя дѣлалъ, а вы возвысили меня въ боги; обожать васъ, есть единственное мое обѣщаніе. — „Ступайте, сказала „она, мракъ таинства долженъ „скрыть мою слабость, ступайте „ — мы приближились къ гроту. Едва во оный вступили, такъ не извѣстно какая искусно подведенная машина тихо и плавно подхватя насъ бросила на кучу подушекъ. Темнота и глубокая тишина господствовали въ семъ святилищѣ, воздыханія наши заступили мѣсто разговоровъ, они были переводчиками нашихъ чувствованій и замѣчали оныхъ ступни, поколь послѣдній изъ всѣхъ, который нѣсколько замѣшкавшись на устахъ

на-

нашихъ, подалъ намъ знакъ, что время ужѐ заплатить Богу любви нашею благодарностію. Мы оставили гротъ, но явленіе перемѣнилось; храмъ и истуканъ Бога любви чр зъ тую же машину коя бросила насъ въ гротъ перевернулись и превращены стали въ посвященное мѣсто великому Богу садовъ. Сему такъ же слѣдовало намъ принести жертву, и мы приступили къ его храму. Оный могъ читать изъ глазъ моихъ, что я еще благосклонности его достоинъ. Богиня взяла вѣнокъ увѣнчала меня оымъ, и подала мнѣ чашу, изъ которыя пилъ я продолжительными глотками нектаръ боговъ.

„Ну, мой возлюбленный, сказа„ла сія прелестная женщина, возвед„ши съ томностію свои прекрасные „упоенные роскошью глаза, будете ли „вы когда нибудь любить столько „Графиню, какъ меня„? —— Я забылъ было, отвѣчалъ я, что мнѣ должно опять возвратиться на землю. —— Она улыбнулась, дала знакъ,

и все пропало. „Пора вамъ итти,
„сказала повѣренная вошедъ ко мнѣ,
„ужѐ разсвѣло и люди начали хо-
„дить въ за́мкѣ „.

Все исчезло предо мною съ тою же скоростїю, съ каковою пробуждаются отъ сна, и я нашелъ себя въ галлереѣ, прежде нежели чувства мои могли собраться. Я хотѣлъ итти въ мою комнату; но гдѣ мнѣ было сыскать оную? Каждое вопрошенїе, малѣйшая ошибка могли бы предать меня, или по крайности учинить подозрительнымъ. Пристойнѣе казалось мнѣ въ садъ итти, и тамъ до тѣхъ поръ, подъ видомъ утренней прогулки промедлить, какъ можно будетъ съ благопристойностїю искать моей комнаты. Чистый, свѣжїй утреннїй воздухъ укрощалъ мало помалу мою силу воображенїя, и изгонялъ удивленїе. Вмѣсто очарованной природы, видѣлъ я оную въ ея простотѣ. Я ощущалъ истинну возвращающуюся въ мою душу, и дыхалъ свободнѣе. Я не могъ ничего

по-

поспѣшнѣе зделать, какъ вопросить себя любовникъ ли я госпожи, которую только теперь оставилъ, и немало удивился, не зная, что себѣ отвѣтствовать. Можно ли вчерась сказать мнѣ было въ оперѣ, что я о семъ себя вопрошать буду? Я который столь вѣрно вѣдалъ о жестокой ея любви къ Маркизу **, коя продолжалась уже два года. Я, который чаялъ себя толь крѣпко быть окованнымъ графинею, что не возможно казалось мнѣ учиниться ей невѣрнымъ, какъ! вчерась; госпожа Т*? Не сонъ ли это? Не нарушилаль она любви съ Маркизомъ? Не наслѣдникъ ли я его, или только орудіе его наказанія? Какое приключеніе! какая ночь! —— Я сѣлъ, и продолжалъ разговаривать съ самимъ собою. Иногда я вѣрилъ, иногда сумнѣвался, то подтверждалъ опять недовѣрчивость. Бродя мыслями по неизвѣстности, услышалъ я близъ себя шорохъ; я взглянулъ, протирая глаза мои, и не вѣдалъ,

вѣ-

вѣрить ли онымъ. Ето былъ. . . . Кто бы? . . . Маркизъ. —— „Неправда ли, ты не ожидалъ меня „такъ рано? Какъ бы это случилось, ? —— Такъ ты узналъ, что я здѣсь; спросилъ я его. — „Конечно, мнѣ сказано о томъ вчерась „предъ вашимъ отъѣздомъ. Хорошо „ли ты игралъ роль свою? Пряmo-„ли смѣшнымъ нашелъ хозяинъ твое „посѣщеніе? Когда тебя отсылаютъ „обратно? Я о всемъ постарался: „привезъ добрый портшезъ, со-„стоящій въ твоихъ повелѣніяхъ „въ заплату. Госпожа Т* имѣла нужду въ проводникѣ, ты взялъ на „себя должность, избавить ее отъ „скуки въ дорогѣ, въ томъ состояло „все чего она желала и моя благо-„дарность „ —— Нѣтъ, нѣтъ, я служу изъ чести, и госпожа Т* можетъ тебѣ сказать, съ каковою ревностію оказывалъ я мои услуги, такъ ревностно, что не въ твоей состоитъ волѣ, быть мнѣ довольно благодарнымъ.

Слова

Слова Маркиза разрѣшали мою догадку о вчерашнемъ, и дали мнѣ ключь къ прочему. Я тотчасъ почувствовалъ, какую мнѣ роль играть. Каждое слово было на своемъ мѣстѣ, и приводило меня въ смѣхъ. И кто бы все произшедшее не нашелъ крайне забавнымъ? — Но ты очень скоро приѣхалъ, сказалъ я Маркизу, я думалъ бы, что разумнѣе бы было —— „Ничего не упущено; я приѣхалъ сюды невзначай; разумѣется, что я былъ въ деревнѣ по сосѣдству, и какъ дорога моя лежала мимо.... Госпожа Т* конечно не о всемъ тебѣ сказывала? Єто непристойно; я выговорю ей за сей недостатокъ довѣрчивости. Послѣ того что ты для насъ здѣлалъ„....— Чаятельно она имѣла къ тому причины, и кто знаетъ, можетъ быть я не такъ хорошо игралъ роль мою, чтобъ она была откровеннѣе. — „О, „сіе должно быть очень забавно, „раскажи мнѣ... Тотчасъ раска„жи„ —— Ахъ!... На мгновеніе пер-

терпѣнія: я не зналъ что все сіе было только комедія, и хотя роль моя въ семъ случаѣ . . . — „была не„изъ блистательныхъ: бѣдный „другъ „. — Прошу извинить, для хорошаго игрока, ни какая роль не можетъ быть плоха. — „Разумѣю, „ты хорошо вывернулся„ — пре„изрядно! — А „ госпожа Т*„? — Восхитительно! она годится во всѣхъ нуждахъ! — „Понимаешь ли „ты, какъ я могъ таковую женщи„ну, какъ она, здѣлать постоян„ною? Но мнѣ и стояло труда; „однако теперь уже она въ моей „власти, такъ что можетъ сія од„на только женщина во всемъ Пари„жѣ, на которыя вѣрность можно по„лагаться„. — Ты говоришь пра„вду. — „Должно признаться, въ „семъ имѣю я отмѣнное дарованіе. „Все ея непостоянство было толь„ко легкомысліе, заблужденіе силы „вообразительной: нужно лишъ бы„ло овладѣть симъ сердцемъ. — „Такъ, точно, сіе было рѣшитель-

„но

„но! — Не правда ли? Ты можешь „представить сколь много она меня „любитъ. Впрочемъ она прекрасна, „ты въ этомъ признаешься Между „нами сказать, естьли можно что „въ ней счесть недостаткомъ, то „одно только, что природа осыпавъ „оную толь знаменитыми дарова„ніями, лишила ее того небеснаго „огня, который увѣнчиваетъ всѣ „оныя благодѣянія: она все приво„дитъ въ пламень, и сама ничего „не ощущаетъ, она остается такъ „холодна, какъ ледъ„. —— Я долженъ вѣрить словамъ твоимъ, ибо я съ моей стороны... я не могу сказать.... но по истиннѣ, ты знаешь госпожу сію столько изрядно, какъ бы былъ мужъ ея, и естьли бы я вчерась съ настоящимъ не ужиналъ... — „á propos, каково онъ „себя велъ„? —— Онъ былъ настоящій супругъ, каковому только быть можно. —— „Прекраснѣйшее похо„жденіе изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ! „но ты не довольно смѣешься; ты

„не чувствуешь какъ забавно сіе
„происшествіе. Признайся, что
„есть на свѣтѣ вещи, толь веселыя
„явленія приключающія. Вставай,
„пойдемъ въ замокъ, я не могу боль-
„ше ждать, чтобъ не насмѣяться до
„сыта о семъ съ госпожею Т*. Я
„думаю теперь ужѐ у ней день: я
„сказывалъ, что я рано пріѣду.
„Но для благопристойности начнемъ
„мы съ мужа. Поди въ свою ком-
„нату; я хочу немножко припуд-
„риться. И такъ тебя считаютъ
„любовникомъ„? —— Ты увидишь
изъ пріему, коль исправно я совер-
шилъ дѣла мои. Ужѐ девять ча-
совъ; мы пойдемъ прямо къ госпо-
дину Т* . . . . Я имѣю причины,
для коихъ не хочу заходить въ мою
комнату. —— Между тѣмъ случай
велъ насъ мимо оныя; двери были
растворены, и мы увидѣли моего
комнатнаго слугу въ креслахъ и
близъ него догорѣвшую свѣчу. Онъ
пробудился отъ шороху, и съ про-
сонья подавалъ Маркизу мой шлафо

рокъ, здѣлавъ ему упреки, что онъ цѣлую ночь его дожидался. Я былъ какъ бы на жару. По щастію Маркизъ такъ ослѣпился, что не подумалъ инаго, кромѣ что онъ брѣдитъ со сна, и началъ хохотать о его ошибкѣ. Я отдалъ ему нужный приказъ для моего отъѣзда, но онъ не понималъ, что все сіе значитъ, и мы пошли къ хозяину. Легко догадаться, кто былъ хорошо принятъ: конечно не я, ибо то было по правилу, а мой пріятель. Его просили прилѣжно погостить. Хотѣли его вести къ госпожѣ, въ надеждѣ что оная уговоритъ его. Чтожъ до меня касается, не осмѣливались здѣлать мнѣ таковое предложеніе, ибо находили меня утомленна, чтобъ не было сіе очевидно, что деревенскій воздухъ мнѣ вреденъ. И такъ мнѣ совѣтовали чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше возвратиться въ городъ. Маркизъ предлагалъ мнѣ карету, я согласился, все шло преизрядно, и мы всѣ остались довольны. Но прежде желалъ

далЪ я повидаться сЪ госпожею Т*, сіе была забава, которой я не могЪ лишить себя. Пріятель мой былЪ столькожЪ нетерпѣливЪ какЪ и я. ОнЪ не понималЪ, что значилЪ сей долгій сонЪ, и былЪ удаленЪ постигнуть настоящую онаго причину. „Но недостойно ли удивленія? сказалЪ онЪ мнѣ, когда мы вышли „отЪ господина Т*. МогЪ ли онЪ „лучше отвѣтствовать, хотя бы ему „нарочно положить слова вЪ ротЪ? „ВЪ самомЪ дѣлѣ, онЪ человѣкЪ „свѣтской, и вообще сказать, я ра„дуюсь сему примиренію. Сіе до„ставляетЪ прекрасный домЪ, и „кто бы могЪ лучше избрать, чтобЪ „дѣлать честь оному, какЪ жена „его„. — Никто больше не доказанЪ былЪ вЪ сей истиннѣ, какЪ я. Мы долго говорили на семЪ языкѣ, и напослѣдокЪ сказали намЪ, что госпожа Т* ужѐ видима. ТотчасЪ бросились мы кЪ ней.

„Вы видите здѣсь, сударыня, „сказалЪ входя мой хвастунЪ, двухЪ

„луч-

„ лучшихъ вашихъ пріятелей „. — Я трепетала, говорила ко мнѣ госпожа Т*, чтобъ вы не уѣхали, и благодарю васъ, что вы ощущали, сколь много бы сіе меня оскорбило. —— Она испытывала насъ. Одного по другомъ, но спокойство Маркиза, начавшаго надо мною подшучивать, тотчасъ ее успокоило. Она смѣялась о томъ со мною сколько было нужно, чтобъ меня утѣшить, но чтобъ не унизить себя въ глазахъ моихъ, на говорила она моему товарищу множество нѣжностей, однако съ благопристойностію и вѣжливостію. „ Су„ дарыня, сказалъ Маркизъ, онъ „ роль свою толь же хорошо окончилъ, „ какъ началъ „. —— Я предузнала, отвѣтствовала она важно, что сей господинъ ни какой роли не испортитъ. —— Онъ разсказалъ ей послѣ того произшедшее у мужа, ея, она взглянула на меня, похвалила мое поведеніе и не смѣялась. „ Я „ съ моей стороны началъ опять. „ Маркизъ, столько доволенъ какъ

„ возможно. Мы получили здѣсь прі-
„ ятеля, сударыня, которой . . . .
„ Я повторяю тебѣ, еще мою благо-
„ дарность „ . . . . —— Любезный Маркизъ, перервала слова его госпожа Т*, оставимъ сіе, я обнадеживаю васъ, что я очень чувствую, сколько должна я сему господину.

Возвѣстили приходъ господина Т*, и положенія наши въ сіе мгновеніе были довольно изъ рѣдкихъ. Господинъ Т* ругалъ меня и высылалъ вонъ; пріятель мой обманулъ его, и помогалъ ему нападать на меня; я платилъ обѣимъ равное равнымъ, и удивлялся госпожѣ Т*, коя со всѣми нами тремя вела игру, не утрачивая ни чего изъ достоинства характера.

Позабавясь нѣсколько минутъ, симъ дѣйствіемъ, чувствовалъ я, что ужè время къ отшествію. Я простился. Госпожа Т* шла проводить меня подъ видомъ, что имѣетъ нѣчто поручить мнѣ. „ Живите благо-
„ получно, сказала она мнѣ, я вамъ
„ очень

,, очень многимъ, очень многимъ у-
,, довольствіемъ обязана, но я вамъ
,, заплатила прекраснымъ мечтані-
,, емъ. Въ сіе мгновеніе отзываетъ
,, васъ обратно любовь ваша, и лю-
,, бовь, которая васъ достойна. Есть-
,, ли я похитила что нибудь у гра-
,, фини, то я поправляю оное тѣмъ,
,, что отпускаю васъ къ ней нѣжнѣе
,, и чувствительнѣе . . . . Еще разъ,
,, будьте благополучны; вы прелю-
,, безный человѣкъ. . . Не поссорте
,, меня съ графинею ,,. —— Она пожала мою руку и меня оставила.

Я сѣлъ въ мою карету, искалъ изъ всего сего морали, . . . И не нашелъ ни какой.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Перпой части.